

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
КОМИССИЯ ПО ИСТОЧНИКАМ ИСТОРИИ ГРУЗИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ

66

«МЕЦНИЕРЕБА»

ПАМЯТНИКИ ГРУЗИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»

ПАРСАДАН ГОРГИДЖАНИДЗЕ

ИСТОРИЯ ГРУЗИИ

Перевод Р. К. КИКНАДЗЕ и В. С. ПУТУРИДЗЕ
Исследование и указатели Р. К. КИКНАДЗЕ

ТБИЛИСИ 1990

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ш. В. Дзидзигури (главный редактор), М. Д. Абашидзе, З. Н. Алексидзе, Г. Н. Джибладзе, В. И. Дзидзигури, Т. С. Каухчишвили, Р. К. Кикнадзе, (зам. гл. редактора), Г. А. Меликишвили, Г. А. Надарейшвили, Э. В. Хоштария

Редактор серии Р. К. Кикнадзе
Редактор тома Г. Г. Аласаниа

Рецензенты: доктора исторических наук:

К. К. Куция
К. А. Чхатарайшвили

Сочинение известного грузинского историка и государственного деятеля XVII века Парсадана Горгиджанидзе «История Грузии» является ценным источником для изучения истории как Грузии, так и стран Закавказья, Ирана и Турции.

Печатается русский перевод «Истории Грузии» П. Горгиджанидзе, в которой описываются события XIV — XVII веков.

СОДЕРЖАНИЕ

1. От редактора
2. Парсадан Горгиджанидзе и его исторический труд
3. Парсадан Горгиджанидзе. История Грузии
4. Указатели
5. Summary

Комиссия по источникам истории Грузии в серии «Памятники грузинской исторической литературы» (на русском языке) издала следующие книги:

1. Яков Цуртавели. Мученичество Шушаник. Перевод В. Д. Дондуа. Введение и примечания З. Н. Алексидзе. Тбилиси, 1978.
2. Памятник эриставов. Перевод, исследование и примечания С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.
3. Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979.
4. Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.
5. Жизнь царицы цариц Тамар. Перевод и введение В. Д. Дондуа. Исследование и примечания М. М. Бердзенишвили. Тбилиси, 1985.
6. Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986.
7. Обращение Грузии. Перевод Е. С. Такайшвили. Исследование и примечания М. С. Чхартшвили. Тбилиси, 1989.

ОТ РЕДАКТОРА

Книги, как и люди, имеют свою судьбу. Странная судьба сопутствовала этой книге. Работа над ней началась при жизни Владимира Сардионовича Путуридзе (сконч. в 1966 г.), известного исследователя персидской палеографии и дипломатики, грузинско-персидских языковых взаимоотношений, вопросов истории политических и культурных сношений Грузии и Ирана, воспитателя целой школы грузинских иранистов. Глубоким профессионализмом и высокой требовательностью был обусловлен стиль работы ученого — неторопливый, осмотрительный. Неудивительно, что после его смерти остались богатый архив, неоконченные труды.

Тяжелая ответственность завершения и издания некоторых работ ученого легла на одного из лучших представителей его школы Реваза Кандидовича Кикнадзе. Осуществленные им издания перевода В. С. Путуридзе на грузинский язык сведений о Грузии Хасана Румлу и Искандера Мунши, снабженные, в одном случае, примечаниями, а в другом — предисловием издателя, являются настольными книгами для специалистов, занимающихся вопросами истории взаимоотношений Грузии и Сефевидского Ирана.

Одна из незавершенных книг из архива В. С. Путуридзе начатый им перевод на русский язык второй половины «Истории Грузии» грузинского историка конца XVII века Парсадана Горгиджанидзе, написанной как продолжение древнего свода «Картлис цховреба». Завершение и этой работы выпало на долю Р. К. Кикнадзе.

Известный источниковед, занимавшийся также исследованием области средневековой истории Грузии, Ученик унаследовал и стиль работы Учителя.

Фундаментальностью, взыскательностью, широтой подхода при анализе конкретных сведений источников отмечены исследования и публикации Р. К. Кикнадзе. Изданию им источников предшествовало их длительное и всестороннее изучение.

С 1974 года Р. К. Кикнадзе являлся бессменным руководителем серии перевода грузинских письменных памятников на русский язык Комиссии по источникам истории Грузии при Президиуме АН ГССР. За это время было издано семь книг, опирающихся на составленные им же правила перевода на русский язык грузинских исторических письменных памятников.

Свыше двадцати лет продолжалась работа над сочинением Парсадана Горгиджанидзе. За это время, помимо отдельных работ, было издано две монографии Р. К. Кикнадзе, специально посвященные источниковедческому изучению «Истории Грузии», установлению ее текста, датировке, выявлению ее значения как «вторичного источника», определению степени достоверности. И только после этого ученый возобновил работу над историческим сочинением. До последних дней, неизлечимо больной Р. К. Кикнадзе продолжал работу над текстом памятника, сверяя и приводя в соответствие термины, выправляя непонятные и искаженные места. И он сумел довести до конца перевод, написать к нему предисловие, составить указатели. Но книга и на этот раз осталась незавершенной. Исследователь не успел сформировать в примечания ценные наблюдения над текстом сочинения, плоды многолетней напряженной работы.

Поэтому книга издается без примечаний. Но мы уверены, что и в этом виде настоящая работа, являющаяся результатом сотрудничества Учителя и Ученика, дойдет до многочисленных адресатов и вызовет большой интерес и благодарность заинтересованного историей Грузии читателя.

Г. Г. Аласаниа

ПАРСАДАН ГОРГИДЖАНИДЗЕ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

Известный грузинский историк, литератор и переводчик второй половины XVII века Парсадан Г о р г и д ж а н и д з е занимает особое место в истории грузинской культуры. С его именем связан новый подъем грузинской историографии в последних десятилетиях XVII века.

Нашествие татаро-монгольских полчищ и их более чем столетнее владычество нанесли существенный вред развитию завоеванных культурных стран, в их числе Грузии. Как отмечено в грузинской историографии, «до уровня резко пониженных запросов эпохи общественных кризисов, переживаемых Грузией при тяжелом господстве монголов, опускается в своем падении и вся тогдашняя грузинская историография»¹. Однако следует отметить, что, несмотря на всеобщую разруху и упадок, в стране не прекращалась культурно-просветительная деятельность, строились церкви, велась плодотворная законодательная работа, обновлялась роспись храмов и т. д. В первой половине XIV века на грузинском языке было создано замечательное историческое сочинение, «Столетняя летопись» анонимного автора, в котором изложена история Грузии и соседних стран в эпоху монгольского господства². По единодушному мнению специалистов, «Столетняя летопись» является ценным источником по истории Грузии XIII — начала XIV веков и занимает почетное место в историографии монгольской эпохи.

Не меньший ущерб причинили Грузии многочисленные нашествия полчищ Тимура на рубеже XIV — XV веков. До нас не дошли грузинские исторические памятники того тяжелого периода. Акад. И. А. Джавахишвили отмечал, что из-за гибели грузинских

¹ Б е р д з е н и ш в и л и Н. А. Основные линии развития грузинской историографии. Тезисы. Тбилиси, 1964, с. 18 (на груз. яз.).

² Столетняя летопись. Подготовка текста, исследование и словарь Р. К. Кикнадзе. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).

оригинальных исторических сочинений XIV — XV веков исследователи истории Грузии названной эпохи вынуждены пользоваться в основном иноязычными источниками³.

В последующий период, в XV — XVI веках, грузинское историческое мышление также переживает упадок. С этого периода сохранились только незначительные хроники, содержащие лишь отрывочные сведения по истории отдельных провинций Грузии.

Новый подъем грузинской исторической литературы начинается во второй половине XVII века. Особенно примечателен тот факт, что первые шаги в этом направлении были сделаны по линии создания исторических поэм. Это фактически рифмованные исторические сочинения, имеющие сравнительно низкие художественные качества, но содержащие ценный материал по истории Грузии XVII века⁴ (исторические поэмы Теймураза I, Арчила, Пешанги, Иосифа Саакадзе).

В последнем десятилетии XVII века, в Иране, в столице государства Сефевидов Исфахане, известный грузинский историк Парсадан Горгиджанидзе завершил свое историческое сочинение, посвященное описанию истории Грузии и соседних стран со времени распространения в Картли христианства до конца XVII века⁵.

Парсадан Горгиджанидзе — один из замечательных деятелей своего трудного времени. В течение сорока лет он жил в Иране, где пользовался большим влиянием и занимал высокие административные должности при шахском дворе. Одновременно наш соотечественник активно подвизался на поприще грузинской культуры. В частности, как известно, он принимал деятельное участие в переписке, а также и переложении в стихи грузинских версий замечательного памятника персидско-таджикской литературы «Шах-наме»⁶. Он же составил грузинско-персидско-арабский словарь⁷ и перевел на грузинский язык «Книгу мусульманских законов — Джамии Аббаси» Баха ад-Дина Мухаммеда Амили⁸.

Отрывочные сведения о жизни Парсадана Горгиджанидзе разбросаны в основном в его произведениях. Этот материал для восстановления картины жизни историка первым использовал М. Броссе⁹. Впоследствии этим же материалом воспользовались З. И. Чичинадзе, М. Г. Джанашвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Какабадзе, В. С. Путуридзе¹⁰.

В начале ленинградского списка грузинского перевода «Джамии Аббаси» П. Горгиджанидзе пишет: «Именем господ, силой и содействием его, в короникон татарский тысяча триста третий и в короникон грузинский триста шестьдесят девятый, в октябре месяце, окончена переписка рукой Парсадана Горгиджанидзе»¹¹. А в конце того же списка

³ Дж а в а х и ш в и л и И . А . История грузинского народа, III. Тбилиси, 1966, с. 278 (на груз. яз.).

⁴ Подробно см. К е к е л и д з е К . С . История грузинской литературы. II. Тбилиси, 1958, с. 493 — 532 (на груз. яз.).

⁵ Автографический список сочинения хранится в Институте рукописей АН ГССР (Н-2140). Два списка ЛО ИВАН СССР переписаны в 1841 — 1843 гг. в Петербурге известным грузинским книжником С. Табидзе. Оригинал для него послужил автографический список.

⁶ М а р р Н . Я . Несколько слов о грузинском переводе «Шах-наме». — Иверия, 1891, № 135 (на груз. яз.); Т а к а й ш в и л и Е . С . Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения», т. I, вып. 1 — 4. Тифлис, 1904, с. 351 — 352, 355 — 357, 375 — 376.

⁷ Д ж а н а ш в и л и М . Г . Парсадан Горгиджанидзе и его труды. Тбилиси, 1896, с. 29 — 172; Г о р г и д ж а н и д з е Парсадан. Грузинско-арабско-персидский словарь. Издал В. С. Путуридзе. Тбилиси, 1941 (все на груз. яз.).

⁸ Два автографических списка перевода хранятся в Ленинграде и Тбилиси.

⁹ В r o s s e t М . Histoire de la Géorgie, II, S — P; 1857. p. 510 — 514.

¹⁰ Ч и ч и н а д з е З . И . Грузинская литература в XVII — XVIII вв. Тбилиси, 1888, с. 17 — 18; Д ж а н а ш в и л и М . Г . Парсадан Горгиджанидзе и его труды, с. 20 — 29; Д ж а в а х и ш в и л и И . А . Древнегрузинская историческая литература. — Соч., т. VIII. Тбилиси, 1977, с. 284 — 289; К а к а б а д з е С . Н . История Парсадана Горгиджанидзе. — Исторический вестник II. Тбилиси, 1924, с. 204 — 206; П у т у р и д з е В . С . Грузинско-арабско-персидский словарь Парсадана Горгиджанидзе, с. XIV (все на груз. яз.).

¹¹ Д ж а м и А б б а с и , рукопись ИВ АН СССР, М-27, л. 1а.

переводчик сообщает: «Я, бедный Парсадан, в сорок лет перевел эту книгу, а шестидесятипятилетним переписал в городе Исфахане»¹².

Если П. Горгиджанидзе в октябре 1691 г.¹³ закончил переписку «Джами Аббаси» и в то время ему было 65 лет, следовательно, он должен был родиться в 1626 году. По его же словам, родом Горгиджанидзе был из города Гори¹⁴.

Нашему будущему историку было всего десять лет, когда его увидел картлийский царь Ростом (1633 — 1658). Старому бездетному царю понравился смысленный и сообразительный мальчик, он взял его к себе во дворец и сам воспитал. Об этом историк рассказывает следующим образом: «Было во мне много смелости и расторопности, и царь Ростом воспитал меня как родного сына и оказал большие милости». Царь сам же женил своего питомца и даже присутствовал на его свадьбе вместе с царицей и многочисленной свитой.

Картлийский царь Ростом (он же Хосров-мирза), внебрачный сын Давида XI (Даутхана), с малолетства находился в Иране и там же провел большую часть жизни. В разное время он занимал высокие должности кулларагасы (начальника гвардейского конного корпуса гулямов) и даруги (губернатора) столичного города Исфахана. Уже в преклонном возрасте Ростом прибыл в Грузию и занял трон картлийского царя. Назначение воспитанного в Иране мусульманина грузина царем Картли было следствием компромиссной политики, которую иранские шахи вынуждены были проводить по отношению к Грузии¹⁵. Во дворце Ростом персидский язык был, вероятно, обиходным. Не удивительно, что Парсадан хорошо изучил персидский, и его, еще совсем молодого, несколько раз посылали в Иран с важными поручениями. После этого вся жизнь и деятельность Парсадана Горгиджанидзе тесно связаны с Ираном и с шахским двором Сефевидского государства.

В 1656 году иранский шах Аббас II (1642 — 1666), по представлению царя Ростом, назначил Парсадана Горгиджанидзе даругой столичного города Исфахана¹⁶. Правда, наш автор при этом не упоминает, что для этого ему пришлось выполнить одно важное условие — принять мусульманство¹⁷. Однако Парсадан недолго продержался в этой должности. Его современник, известный иранский историк, шахский летописец и крупный сановник Мухаммед Тахир рассказывает, что новый даруга по неопытности предъявил незаконные требования населению, что вызвало волнение среди горожан¹⁸. Верховный гражданский судья Сефевидского государства — диванбеги — Огурлу-бек, вместо того, чтобы успокоить население, наоборот, подстрекал горожан против нового даруги¹⁹. Действия диванбеги станут понятными, если вспомнить, что, по словам Горгиджанидзе, шах настолько уважал и ценил его, что часто поручал расследование судебных дел, т. е. исполнение обязанностей диванбеги. Это не могло не задеть верховного судью, тем более, что даруга столичного города находился в его подчинении. Этим и следует объяснить враждебные действия Огурлу-бека по отношению к Горгиджанидзе. По приказанию шаха было проведено расследование. Установив истинное положение дел и виновность обеих сторон, Парсадана сместили с должности, а его

¹² Там же, л. 346 а.

¹³ 1103 г. «татарского короникона» (хиджры) соответствует 24.IX.1691 — II IX.1692 г., а 379 г. грузинского короникона — 1691 году.

¹⁴ «Родом я был из Картлийского Гори» (Джами Аббаси, рук., М-27, л 1а).

¹⁵ Г а б а ш в и л и В . Н . Грузинский феодальный строй XVI — XVII вв. Тбилиси, 1958, с. 353 — 118 (на груз. яз.).

¹⁶ Сведения Мухаммеда Тахира о Грузии. Персидский текст, перевод и примечания В. С. Путуридзе. — Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 30. Тбилиси, 1954, перс, текст, с. 410; Горгиджанидзе П. История Грузии, указ. рукопись, л. 182а.

¹⁷ Сведения Мухаммеда Тахира, перс, текст, с. 410.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Горгиджанидзе. То, что царь Давид содейл с Саргисом, цари Багратионы дважды со мной проделали. Всякими неправдами и лживыми словами завистников, сказанными царю, который, не выяснив причины истины, поспешно поверил им, в возрасте тридцати лет разладили мне множество услуг и выполнение обязанностей перед царями. Еще больше добра и расторопности проявил я к другому царю в шестьдесят три года, но и он плохо обошелся со мной»²⁶.

Таким образом, Горгиджанидзе утверждает, что его дважды обидели грузинские цари, не оценили его услужливости и преданности. Первый случай, по словам историка, произошел будто, когда ему было тридцать лет, т. е. в 1656 году. Однако хорошо известно, что именно в этом году царь Ростом рекомендовал Парсадана на должность даруги Исфахана. И хотя его вскоре сместили с этой должности, грузинский царь тут был ни при чем. Картлийский царь Ростом был, как известно, воспитателем и благодетелем Парсадана Горгиджанидзе, поэтому вряд ли историк проявил бы такую неблагодарность, обвинив царя в своем злочлении. Видимо, заслуживает внимания и тот факт, что тридцатилетний Парсадан еще не успел бы делать столько, чтобы иметь право говорить о «множестве услуг и выполнении обязанностей перед царями». Поэтому мы считаем возможным допустить, что историк в данном случае ошибся, и, может быть, вместо тридцати лет здесь следует подразумевать сорок лет. Из других источников известно, что нашему автору было именно сорок лет, когда шах Аббас II разгневался на него и вместе с младшим братом Мелик Садатом сослал в Шустер. В добавленных в конце переписанного им «Ростомиани» (грузинской прозаической версии «Шах-наме») строфах Горгиджанидзе называет себя умным и рассудительным, жалуется, что лживые люди осилили его и сообщает:

Напрасно сослан был в Шустер Парсадан стихотворец,
Никто не помогает мне, ни сын, ни царь, ни народ.
Брат со мной мой младший, Мелик Садат прекрасный,
Всевышний господь бог моя надежда и спасение²⁷.

Кроме того, в добавленных в начале той же рукописи строфах Горгиджанидзе считает себя безвинно оклеветанным, молит бога о помощи, просит вразумить царей и в заключение говорит:

Грузинский царь донес на меня государю Иранскому,
Не выяснив дела, приказали в Аравию²⁸ меня сослать²⁹.

Как видим, Парсадан Горгиджанидзе и в данном случае повторяет, что был выслан по требованию грузинского царя.

Из его же слов известно, что в 1666 году он был уже в Шустере и пробыл там шесть лет³⁰, до 1671 года³¹.

²⁶ Г о р г и д ж а н и д з е П. История Грузии, указ. рук., л. 74 а.

²⁷ Т а к а й ш в и л и Е. С. Описание рукописей, т. I, с. 352; Ф и р д о у с и Абул-Касим. Шах-наме. Грузинские версии, т. II. Тбилиси, 1934, с. 366.

²⁸ Ш у с т е р (Тустер) находится на территории Ирана, в верховье р. Карун, является главным городом Хузистана, который назывался также Арабистаном (Б а р т о л ь д В. В. Историко-географический обзор Ирана. — Соч., т. VII. М., 1971, с. 270).

²⁹ Т а к а й ш в и л и Е. С. Описание рукописей, т. I, с. 357; Грузинские версии Шах-наме или Книги царей. Текст издал, вступлением и словарем снабдил И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1916, с. 317 (на груз. яз.).

³⁰ В начале ленинградского списка грузинского перевода «Джами Аббаси» Горгиджанидзе пишет: «Шесть лет находился я в Аравии, городе Шустере, по повелению государя Ирана, шаха Аббаса, и приступил к переводу этой книги» (рук. М-27, л. 1а). В конце той же рукописи сообщается, что в сорок лет (т. е. в 1666 г.) Парсадан перевел эту книгу (л. 346а).

³¹ В этом году Горгиджанидзе переписал в Шустере «Ростомиани» (Такайшвили Е. С. Описание рукописей, I, с. 355).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в словах Горгиджанидзе о том, что в тридцать лет не оценили его преданности, должен подразумеваться именно тот случай, когда по приказу шаха Аббаса II его сослали в Шустер в 1666 г. (по неизвестной пока причине).

Что касается названного Горгиджанидзе второго несчастья, то оно приключилось с ним в 1689 году, когда историку было 63 года. Видимо, здесь следует подразумевать случай, когда Парсадан оказался замешан в, интриге, возникшей между Ираклием I (Назарали-ханом) и его везиром Киясом, не смог угодить ни одной из сторон и впал в немилость. По поводу этого Горгиджанидзе пишет: «Счастливым шах из-за нерасторопности Назарали-хана был зол на меня. Назарали-хан также гневался, враги нашли удобный момент и стали доносить на меня» (указ. рук., с. 224б). Как видно, именно из-за этих доносов Горгиджанидзе снова оказался в опале.

Небезинтересно отметить, что как только Горгиджанидзе оказывался не у дел и у него появлялось свободное время, он усиленно начинал заниматься литературными делами. Если судить по данному признаку, то на этот раз он должен был находиться в немилости около двух лет. Во всяком случае, в октябре 1691 года Парсадан закончил переписывать грузинский перевод «Джами Аббаси». Надо полагать, что в эти же годы он усиленно работал и над своим историческим сочинением.

Основным трудом Парсадана Горгиджанидзе является историческое сочинение, в котором описывается история Грузии и соседних стран со времени распространения в Картли христианства до конца XVII века.

Автографическая рукопись исторического труда Горгиджанидзе, ныне хранящаяся в Институте рукописей АН ГССР, в 1841 году была обнаружена известным грузинским историком Платоном Иоселиани и в том же году одолжена в Петербурге М. Броссе³². С этого автографа С. Табидзе переписал два списка для М. Броссе и Теймураза Багратиони. Оба эти списка находятся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР³³. Интересно отметить, что в рукописи, переписанной для М. Броссе, переписчик поставил целью сделать точную копию оригинала со всеми ошибками и лакунами (М-41). Во второй список (Н 23), возможно, по указанию и при участии Теймураза Багратиони, внесены значительные изменения и дополнения и проведена определенная редакторская работа (некоторые страницы переписаны самим Теймуразом).

Историческое сочинение Горгиджанидзе в рукописях не озаглавлено. И. А. Джавахишвили считал, что «ему не предпослано какое-либо предисловие, и не видно, случайно не хватает начала рукописи или сам автор начал так необычно свою историю Грузии»³⁴.

В списке ЛО ИВАН, принадлежавшем М. Броссе (Н 41), на заглавном листе сделана надпись: „ Histoire de Géorgie, par Pharsadan Gorgidjanidze” На другом описке (Н 23) его владелец Теймураз Багратиони надписал: «История Грузии, собрания Фарсадана Георгиджанидзева». Такая же надпись вытеснена золотом на картонном переплете. Под влиянием русского и французского заглавий в грузинской историографии включая и описания рукописей) историческое сочинение Горгиджанидзе было названо «Сакартвелос история» или просто «История». Однако следует сказать, что наш автор вообще не знает или, во всяком случае, не употребляет слова «история». Во всех соответствующих случаях в его сочинении встречается древнегрузинское слово «цховреба» в значении истории. Поскольку в интересах удобства изучения и цитирования произведение необходимо озаглавить, то будет наиболее правильно если историческое сочинение Горгиджанидзе на грузинском языке назвать «Сакартвелос цховреба» («История Грузии»).

³²В r o s s e t М . Histoire de la Géorgie, II, 1 p. 509.

³³Орбели Р. Р. Грузинские рукописи Института востоковедения АН СССР, т. I. М — Л., 1956.

³⁴Д ж а в а х и ш в и л и И . А . Древнегрузинская историческая литература, с. 287 (Автографический список сочинения Горгиджанидзе начинается киноварным заглавием: «Повествование о франкской царевне Оромсима и мученичестве ее»).

И. А. Джавахишвили, подробно исследовавший историческое сочинение П. Горгиджанидзе, по характеру использованных автором источников, условно разделил его на четыре части, дал характеристику каждой из этих частей и показал их значение как исторических источников³⁵.

Первой частью ученый считал повествование от начала сочинения до восшествия на царский трон Тамар³⁶. По мнению И. А. Джавахишвили, эта часть основана на полученных устным путем сведениях и имеет неправдоподобный характер, а несколько его письменных источников, как, например, «История армян» и повесть о Хосрове и Ширине, также основаны на преданиях. На основе данных предпосылок исследователь заключил, что т. н. первая часть сочинения Парсадана Горгиджанидзе лишена всякого научного значения, она не представляла интереса и для современников³⁷.

Во вторую часть сочинения И. А. Джавахишвили поместил повествование со времени воцарения Тамар до начала XIV века. Эта часть «Истории Грузии» Горгиджанидзе составлена на основе материалов сочинений «Картлис цховреба», в частности, сочинений т. н. первого историка царицы Тамар («История и восхваление венценосцев») и анонимного историка XIV века («Столетняя летопись»). И. А. Джавахишвили установил, что в данной части автор излагает события согласно источнику и иногда довольно точно передает содержание оригинала, местами более простым языком. В целом же, по оценке ученого, вторая часть «Истории Грузии» Горгиджанидзе никакого значения для науки не имела и не имеет, тем более, что прекрасный оригинал его источника дошел до нас³⁸.

Третьей частью сочинения Горгиджанидзе принято считать повествование со времени нашествия Тимура до 1636 года. Эта часть в основном опирается на сведения персидских источников. Здесь наш историк попробовал самостоятельно восполнить пробел, имевшийся в «Картлис цховреба». Для этого он обратился к памятникам персидской исторической литературы³⁹. Этой части сочинения И. А. Джавахишвили придавал важное значение, т. к. извлеченные из персидских источников сведения содержат обширный новый материал по истории Грузии XIV — XVII веков. И. А. Джавахишвили считал также, что Парсадану Горгиджанидзе принадлежит большая заслуга перед грузинской историографией, т. к. он почти на два столетия раньше, чем академики Б. Дорн и М. Броссе, проделал работу по собиранию сведений персидских источников о Грузии. При этом Горгиджанидзе правильно прочитал и перевел ряд личных имен и географических названий, искаженных в персидском тексте⁴⁰.

Четвертая часть «Истории Грузии» посвящена событиям 1636 — 1696 гг. и написана, по мнению И. А. Джавахишвили, очевидцем и современником. В повествовании нередко встречаются автобиографические сведения, автор часто сам выступает участником описываемых событий. Горгиджанидзе занимал высокие административные посты при дворе Сефевидов и хорошо разбирался в событиях, происходивших в Грузии. Поэтому

³⁵ Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература, с. 287.

³⁶ Там же, с. 287 — 290

³⁷ Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература, с. 289 — 290.

³⁸ Там же, с. 291. Ученый, вероятно, имел в виду список «Картлис цховреба», переписанный в первой половине XVII в. по распоряжению царицы Марии («Список Марии»), дошедшей до нас, однако, в сильно искаженном виде.

³⁹ О персидских источниках Горгиджанидзе имеется обширная литература. См.: Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература, с. 292—296; Какабадзе С. Н. История Парсадана Горгиджанидзе. Введение к публикации текста. — Исторический вестник, т. II. Тбилиси, 1924, с. 206 — 207; Кацитадзе Д. В. Персидские источники XV в. П. Горгиджанидзе. — Восточный сборник, I. Тбилиси, 1960, с. 149 — 168; Он же. Персидские источники XV I— XVII вв. П. Горгиджанидзе. — Вестник Отделения общественных наук АН ГССР, 1960, № 2, с. 123 — 145. Он же. Еще раз об одном персоязычном источнике П. Горгиджанидзе. — Восточная филология, II. Тбилиси, 1972; Табатадзе К. Г. Еще раз об источниках XV в. исторического сочинения П. Горгиджанидзе. — Грузинское источниковедение, IV. Тбилиси, 1971, с. 41 — 55 (все на груз. яз.).

⁴⁰ Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература, с. 295.

четвертая часть его сочинения содержит ценные сведения, имеющие большое значение для истории Грузии XVII века⁴¹.

Разделение «Истории Грузии» Горгиджанидзе на четыре части принято и в современной грузинской историографии⁴², хотя следует оговориться, что и в деление и в оценку отдельных частей уже внесены существенные коррективы. Во-первых, как выяснилось, т. н. первая часть не основана целиком на преданиях и услышанных автором устных сведениях. В этой части передана своеобразная версия мученичества Рипсима и ее сподвижниц, еще не изученная исследователями. Кроме того, перед изложением истории царя Мириана и Вахтанга Горгасала историк предупреждает, что «не видел книги» и предлагает читателю: «Если кто-нибудь найдет их историю в книге, оттуда дополните ее»⁴³. Это должно означать, что во всех других случаях Горгиджанидзе пользовался письменными источниками. В частности, выяснено, что наряду с армянскими и персидскими литературными памятниками (кстати, это признавал и И. А. Джавахишвили) автор для написания т. н. первой части своего сочинения использовал и грузинское историческое сочинение XI века.

И. А. Джавахишвили вполне справедливо считал, что в первой части сочинения Горгиджанидзе имеется много грубых ошибок. Однако это не означает, что автор не пользовался историческими источниками. Напротив, большая часть ошибок, допущенных автором, должна восходить к его источникам. Среди них, вероятно, основное место занимают армянские источники. Но в то же время в распоряжении нашего историка были и персоязычные сочинения, откуда и заимствована история любви Хосрова и Ширин⁴⁴.

Неоднократно отмечалось, что вторая часть «Истории Грузии» Горгиджанидзе составлена по материалам сочинений сборника «Картлис цховреба», но вопрос об использовании историком XVII века грузинских источников для написания первой части труда до последнего времени не ставился. Сравнительно недавно выяснилось, что повествование о приходе в Грузию трех братьев из потомков Давида заимствовано из хроники автора XI века Сумбата, сына Давида⁴⁵.

Относительно второй части исторического сочинения Горгиджанидзе также выяснено, что она не лишена всякой научной ценности как исторический источник. В данной части выявлен значительный материал, имеющий важное значение как для восполнения и установления текстов сочинений первого историка царицы Тамар и анонима XIV века, так и для выяснения многих вопросов истории Грузии XII — XIII веков⁴⁶.

По поводу третьей части сочинения следует отметить, что неправдоподобно такое точное определение ее хронологических рамок — до 1636 года. Сам Парсадан пишет, что описал в книге то, что видел и слышал с десяти лет, но это еще не значит, что оригинальная, написанная на основе собственных наблюдений часть книги, начинается именно с 1636 года. Дело в том, что в сочинении вообще невозможно выделить окончание третьей и начало четвертой частей, поскольку совершенно не виден хронологический рубеж — 1636 год. Кроме того, выясняется, что при описании событий середины XVII века автор прибегал и к письменным источникам, в частности, использовал персидский

⁴¹ Там же, с. 287.

⁴² Г а б а ш в и л и В. Н. Историография Грузии (X — XVII вв.). — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, I. М., 1955, с. 147; Г в р и т и ш в и л и Д. В. Очерки по истории Грузии, III. Тбилиси, 1968, с. 97 — 98 на груз. яз.).

⁴³ Г о р г и д ж а н и д з е П. История Грузии, рук. Н-2140, л. 116

⁴⁴ Б а р а м и д з е А. Г. О грузинской версии «Хосров и Ширин». — Литературные разыскания, I. Тбилиси, 1943, с. 68 — 69 (на груз. яз.).

⁴⁵ К и к н а д з е Р. К. Об одном грузинском источнике П. Горгиджанидзе. — Известия АН ГССР, серия истории, 1971, № 2 (на груз. яз.); Он же. Очерки, по источниковедению истории Грузии. Тбилиси, 1980, с. 18 — 20.

⁴⁶ К и к н а д з е Р. К. Очерки по источниковедению истории Грузии.

противника ослепили²⁰. После этого шах Аббас II назначил бывшего даругу на должность эшикагасы (церемониймейстера) и определил ему постоянный доход²¹. Таким образом, Парсадан Горгиджанидзе навсегда остался в Иране, где и провел сорок лет своей жизни. Историк сообщает, что его семья осталась в Грузии, однако, видимо, некоторых своих близких он все-таки вызвал в Исфахан. Во всяком случае, в его сочинении упоминаются один брат Парсадана, Александр, который был главным мастером монетного двора (зарабибаша) города Исфахана и другой брат, Мелик Садат-бек, юзбаша (сотник); сын Парсадана, Давид, числился в шахском конном гвардейском корпусе гулямов. Всего шестнадцать лет было Давиду, когда шах пожаловал ему должность эшикагасы. Историк упоминает и племянников своих (со стороны братьев и сестры), которые также постоянно жили в Иране под его покровительством.

Оказавшемуся вдали от Грузии Парсадану Горгиджанидзе нелегко было сохранить высокое положение и даже жизнь. Ему не однажды пришлось испытать на себе все ужасы царившего в кызылбашском Иране произвола²². Наш историк был вынужден на основе личного многолетнего горького опыта выработать целую систему взглядов, основная сущность которой состояла в том, что человек обязан заботиться только о себе, о своем благополучии. Подсказанные полученным в чужой стране опытом эгоистические мысли, проповедующие скрытность, лицемерие и недоверие, сформулированы Горгиджанидзе в афоризмы и пословицы, которые обильно включены в разные части сочинения. Однако даже такая жизненная философия не спасла Парсадана. Он сам описал некоторые свои злоключения, пережитые в Иране. Выше уже было сказано, что сначала против него взбунтовалось население Исфахана и его сместили с должности даруги. Во второй раз по приказу шаха его сослали в город Шустер, где и провел шесть лет. В третий раз на него разгневался шах Сулейман (1666 — 1694). Значительные неприятности перенес Парсадан из-за брата и сына.

Надо отметить, что в «Истории Грузии» Горгиджанидзе содержится материал к его биографии, пока не использованный исследователями. Имеется в виду та часть труда, которая составлена на основе сочинения анонимного историка XIV века. В этой части Горгиджанидзе рассказывает, в частности, что хан Золотой Орды Берке (1257 — 1267) прошел через Дербендский проход и двинулся на Иран²³. Государь созданного в Иране монгольского государства Ильханов Хулагу-хан срочно созвал войско и двинулся против наступавшего неприятеля²⁴. В войске Хулагу-хана находились и грузины во главе с царем Давидом VII, сыном Георгия IV Лаша, а также правитель Самцхе Саргис Джакели. Их монгольский властитель назначил в передовую рать. По словам Горгиджанидзе (как уже было отмечено, этот рассказ заимствован им из сочинения анонима XIV в.), «произошла сильная тяжелая и жаркая битва на Шаберанском поле. Самоотверженно действовали царь Давид и его войско, особенно сам Саргис Джакели перед ханом бился славно и изящно» (указ. рук., л. 73б). В этой битве, которая согласно сведениям анонимного историка XIV века и Горгиджанидзе, закончилась победой Хулагу-хана²⁵, особенно отличился Саргис Джакели, который спас от смерти ильхана Хулагу. За это удачливый Хулагу пожаловал Саргису город Эрзерум. Недовольные этим соперники Саргиса внушили грузинскому царю, что если так возвеличивать Саргиса, то он больше не будет подчиняться ему. Слабовольный царь встревожился, обратился к монгольскому нойону и добился отмены пожалования. После этого Горгиджанидзе добавляет: «Здесь говорит свой наказ Парсадан

²⁰ Там же, с. 411.

²¹ Г о р г и д ж а н и д з е П. История Грузии, указ. рукопись, л. 182а. Джами Аббаси, рук., М-27, л. 1а.

²² Г в р и т и ш в и л и Д. В. Очерки из истории Грузии, т. III. Тбилиси, 1968, с. 97 (на груз. яз.).

²³ Согласно Рашид ад-Дину, это произошло в 1262 году (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. III. Перевод с персидского А. К. Арндса. М. — Л., 1946, с. 59).

²⁴ О борьбе между иранскими ильханами и ханами Золотой Орды см. А л и - з а д е А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII — XIV вв. Баку, 1956, с. 300 — 329.

²⁵ По сведениям Рашид ад-Дина, войско Хулагу-хана потерпело тяжелое поражение в этой битве (Рашид ад-Дин. Сборник летописей, III, с. 60).

источник — сочинение известного иранского историка и государственного деятеля Мухаммеда Тахира⁴⁷.

Хронологические рамки четвертой части также определены неточно. Как указывалось, она должна начинаться не с 1636 года, а несколько позднее, примерно с 50-х годов. Что касается окончания сочинения, здесь также требуется уточнение принятой хронологии. Как известно, Парсадан Горгиджанидзе писал свой труд в Иране, в столичном городе Исфахане, и если бы действительно довел повествование до 1696 года (как это принято в грузинской историографии)⁴⁸, не пропустил бы такого значительного события как кончина шаха Сулеймана и восшествие на престол нового шаха⁴⁹. Однако Горгиджанидзе вообще не говорит о смерти шаха Сулеймана. Более того, на последних страницах он упоминает шаха живым и желает ему здоровья⁵⁰, а о Султан-Хусейне, вступившем на трон после Сулеймана, ничего не говорит. Конечно, можно бы предположить, что в сочинении Горгиджанидзе не хватает конца и на последних страницах, возможно, говорилось о смерти шаха Сулеймана. Однако такая догадка лишена основания. Наблюдение над текстом показывает, что в последней части труда у автора явно недостает фактического материала для повествования. Поэтому последние страницы сочинения у него заполнены бесконечными советами и назиданиями, иногда повторяется уже рассказанный эпизод и т. д. Следует отметить и то, что в этой последней части Горгиджанидзе несколько раз замечает, что «четыре года шах не садился на коня» (л. 229а), что «государь не садится на коня» л. 229б). Он же подчеркивает беззаконие, притеснения и взяточничество, царившие при дворе Сефевидов. Все это вполне отвечает характеристике последнего периода жизни шаха Сулеймана, скончавшегося в 1105 году хиджры⁵¹, что соответствует 2.IX. 1693 — 21.VIII.1694 г. по нашему летоисчислению. Поэтому можно сказать, что в «Истории Грузии» Горгиджанидзе повествование доведено не до 1696 года, как это было принято до этого, а лишь до 1694 года, и все сочинение закончено в первой половине того же года.

⁴⁷ П у т у р и д з е В . С . Сведения Мухаммеда Тахира о Грузии. — Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 30. Тбилиси, 1954, с. 378 (на груз. яз.).

⁴⁸ По мнению В . Г . Г у ч у а , Горгиджанидзе закончил свое сочинение в 1696 г. и довел его до 1695 г., а Р . Р . Орбели полагает, что сочинение закончено в 1703 г. и содержит сведения до того же года (Г у ч у а В . Г . Грузинская культура в XVI — XVII вв. — В кн.: Очерки истории Грузии, IV. Тбилиси, 1973, с. 373; О р б е л и Р . Р . Грузинские рукописи Института востоковедения АН СССР, т. I. М. — Л., 1956, с. 20. См. также: Г о б е д ж и ш в и л и М . Г . Записи ленинградского списка Н-41 исторического сочинения П. Горгиджанидзе. — Грузинское источниковедение, V. Тбилиси, :978, с. 74 — 75 (на груз. яз.).

⁴⁹ С е х н и я Ч х е и д з е , . например, особо отмечает это событие (Ч х е и д з е . История Грузии, рус. пер., с. 13; Ч х е и д з е . История царей, изд. Чубинашвили, с. 311).

⁵⁰ «Да дарует бог долголетие счастливому шаху, несмотря на то, что сын мой и братья были арестованы, что бы я ни написал и послал, доставляли. Послал ему прошение и попросил хлеба с его стола. Дай бог ему здоровья, прислал целый лоток хлеба и всевозможных кушаний» (л. 225а). На предпоследней странице своего сочинения автор сообщает: «Сорок лет я служил шаху Аббасу и его сыну шаху Сулейману», а Султан-Хусейна не упоминает вовсе (л. 229а).

⁵¹ Л э н - П у л ь С . Мусульманские династии. Спб., 1899, с. 219; Б о с в о р т К . Э . Мусульманские династии. М., 1971, с. 226.

ПАРСАДАН ГОРГИДЖАНИДЗЕ

ИСТОРИЯ ГРУЗИИ

ПАРСАДАН ГОРГИДЖАНИДЗЕ

САКАРТВЕЛОС ЦХОВРЕБА

Перевод

1

Именем и с помощью бога, слушайте историю государей Ирана.

Часть рассказываемого вычитана из книг, другое видено, кое-что услышано, собрано и написано в Исфахане. За то время, которое описано здесь, из рода шейха Сефи царствовало восемь человек. Вначале был шах Исмаил, вторым — его сын шах Тамаз, третьим — сын его шах Исмаил, четвертым — брат шаха Исмаила шах Худабанда, пятым — сын его шах Аббас, шестым — сын шаха Аббаса шах Сефи, седьмым — сын его шах Аббас, восьмым — сын шаха Аббаса шах Сулейман, при котором писалась эта книга.

Но слушайте хорошо, ибо каждому надлежит иметь за правило быть осторожным.

У большинства государей власть отнимали их подданные. Поэтому господин не должен так усилить слугу, чтобы тот мог погубить своего патрона. Если господин будет обессилен, слуга усилится, захочет власти и легко ее отнимет, так как некоторые окажутся его близкими и родственниками, других же задобрит своими деяниями и привлечет на свою сторону. Некоторые из зависти затаят злобу на государя, изменят ему и случится так, как это было в Тавризе с государем Джахан-шахом и его слугой Узун Хасаном.

Власть Джаханшаха простиралась от Индии до Иерусалима. Сам он сидел в Тавризе. Узун Хасан, которого зовут Длинный Хасан-бег, был подданным Джаханшаха, но этот последний ничего не делал без его ведома. От него зависело подарить или отнять что-нибудь. Придворная знать и правители пограничных областей состояли с ним в родстве или же от него получили владения. Войско и области были злы на государя за это. Бегларбегство Диарбекира он дал Узун Хасану, а власть над Багдадом — его двоюродному брату. Сам же Джаханшах пребывал в Тавризе. Главные лица Ирана и туркменов сговорились между собой и сказали: «Джаханшах уступил свою власть Хасан-бегу, страной владеют его сторонники, и сам он ничего не делает против воли Хасан-бега. Лучше уж мы все примкнем к нему и призовем сюда в Тавриз государем. А когда он двинется из Диарбекира в эту сторону, известим об этом Джаханшаха. Или Узун Хасан убьет Джаханшаха, или же сам будет убит по велению Джаханшаха, и мы избавимся от одного из них».

Получив от иранцев и туркмен такое письмо, Хасан-бег выступил с большой казной и многочисленным войском. Об этом доложили Джаханшаху. Он же подумал, что это говорят из зависти к Узун Хасану и не поверил, пока тот не подступил к самому Тавризу.

Когда же он пришел, Джаханшах за один день не смог собрать войска и остался без всяких сил. Узун Хасан вступил в Тавриз по дороге Шами Газани, а по Уджанской дороге бежал из Тавриза Джаханшах безо всего; казна его и богатства остались в Тавризе. Он ушел в Уджанские горы. Узун Хасан не дал ему уйти куда-нибудь или собрать на подмогу войско. Второй раз напал на него Узун Хасан. У Джаханшаха же не было при себе войска, чтобы сразиться, и некуда было бежать. Охватил чрезмерно облагодетельствованный господином Узун Хасан своего благодетеля и убил, а жену его взял себе. Порубежные правители были поставлены им, а из придворных некоторые были его родственниками,

другие же примкнули к нему из вражды к Джаханшаху. Без боя и без усилий сделался Узун Хасан государем в Иране.

Множество других подобных дел случалось особенно от подданных. Возвеличенные, они отнимали власть у своих господ и к тому же убивали их. Как Ланг Тимур убил своего господина Шахамирана и сам сделался государем. Так случилось и с Узун Хасаном. Он отдал свою дочь своему подданному, султану Гайдару из рода шейха Сефи и оказал ему великие почести, так что зятя его слушались так же, как и самого государя. Зять был умным человеком и пока был жив, старался всем помогать, сделать всех благодарными себе. После его смерти от дочери государя у него остались два сына — шах Исмаил и брат его.

2

Скончался Узун Хасан и государем стал его сын

Короткое время властвовал сын Узун Хасана и также умер. После него остался сын, по имени Алванд. Был у него также племянник. Того звали Мурад.

Они стали друг у друга оспаривать царство, и из вельмож некоторые стали на сторону Алванда, другие же поддерживали Мурада. Помирили их тем, что страну за Казвином, от Гиляна до Багдада отдали Алванду, а от Хамадана и Казвина по эту сторону — Ирак, Фарс и Керман до Хорасана, дали Мураду.

При их разделе стали добиваться своей доли и их двоюродные братья. Они собрали вокруг себя людей, облагодетельствованных отцами и дедами, и посягнули на захват страны. Эту весть сообщили в Тавризе государю Алванду. Было отправлено войско и убили брата шаха Исмаила. Сам он бежал, где его укрыл у себя владетель Лахиджана. Государь послал к нему человека и настоятельно потребовал выдачи шаха Исмаила. Лахиджанцы посадили шаха Исмаила в корзину и повесили на дерево, присланному же государем человеку поклялись, что его нет на их земле. Скрывали его в продолжение почти трех лет. В это время двоюродные братья, царь Алванд и государь Мурад, поссорились между собой, отложились и порубежные правители, и в стране произошла смута. С помощью владетелей Гиляна шах Исмаил собрал небольшое войско и, подойдя сначала к Решту, занял его. Владетель Гаскара и владетель Астары Мурад-Султан с войском Галыша добровольно присоединились к нему, и из Астары вместе с ним пошли на Ширван, легко взяли крепость Баку и заняли Ширван и Шемаху. Оттуда вышли в Карабах, местная знать и военачальники без боя подчинились им.

Оттуда прибыл в Нахичевань и, захватив с собой тамошнее войско, пошел на Тавриз. Об этом сообщили государю Алванду. Тот, собрав войско, вышел из Тавриза навстречу врагу. Шах Исмаил поспешил, так как опасался, что к Алванду присоединятся курдские войска и этим осложнится дело. У Джульфы он переправился вброд через Аракс и на третий день прибыл в Янгедуг. Государь Алванд стоял в Софиане, ждал войска курдов, но те пока не подходили. Не дожидаясь их, шах Исмаил напал на него.

3

Битва с шахом Исмаилом и бегство государя Алванда из Софиана

Когда шах Исмаил приблизился к Софиану, Алванд-шах выступил ему навстречу со своим войском. Произошел бой, жестокая битва и сеча. Победил шах Исмаил, и государь Алванд бежал. Он ушел через Курдистан в Турцию, оставив свою казну и все богатства в Тавризе. Шах Исмаил вступил в Тавриз, где нашел для себя готовой казну и полное государственное устройство, которыми он овладел без лишних усилий.

А Алванд прибыл к хондкару, и тот дал ему своего великого везира с большим войском, с которым Алванд вернулся через Багдад в Хамадан.

Государь Мурад из Исфахана прибыл с иракским и персидским войсками в Хамадан на помощь своему двоюродному брату, государю Алванду, и оба брата и турецкий великий везир с большим войском стояли там. Шаху Исмаилу доложили: «Они идут на тебя». Тот выступил из Тавриза и так сказал: «В прошлом году он был государем, и если я его впущу теперь в страну, все перейдут к нему. С ним великий везир хондкара с войском, мое дело пропадет. Им известно, что пока у меня нет еще достаточных сил, чтобы сразиться с двумя государями и с турецким везиром, поэтому свободно и безбоязненно придут в Казвин. Меня заботит только это. Я выступлю отсюда, возьму с собой опытных и отборных людей и нападую на Хамадан. Если победа будет на моей стороне, займу Исфахан и венчаюсь на царство. Если же не одержу победы, найду смерть в бою».

4

Выступление шаха Исмаила из Тавриза и неожиданное появление на восьмой день в Хамадане неприятеля

Турецкому великому везиру доложили, что показалось какое-то войско, которого не ждали. Пока успели сесть на коней, быстро разгорелся бой и стали сражаться друг с другом. С обеих сторон бились изо всех сил. Часть турецкого войска не успела сесть на коней, не устели также построиться в боевые ряды и выдвинуть вперед артиллерию. Шах Исмаил и его войско врезались в них, как вол в стадо овец, и одержали победу:

Великий везир и его войско бежали. Государь Алванд вернулся опять в Турцию, а государь Мурад пропал без вести и до сих пор ничего не известно о нем.

Шах Исмаил прибыл из Хамадана в Исфахан, венчался на царство и разослал повсюду штамп для чеканки монет со своим именем. Благодаря этой победе он захватил Персию, Керман и Арабистан, Луристан и Курдистан, Мазандаран, Гилян и другие страны, откуда ему поднесли дары и дань.

Непокорные и ослушники были истреблены, а их казну царь взял себе и раздал своим приверженцам, устроив и обогатив их. Он много приложил усилий и много одержал побед. Здесь же я кратко описал богатую происшествиями и войнами его деятельность, разумную решительность и удачливость. 14 лет царствовал он, и похоронили его с царскими почестями в Ардебиле, в гробнице предков.

5

После отца, шаха Исмаила, воцарился сын его — шах Тамаз, в короникон 190⁵²

Шах Тамаз прибыл в Карабах, некоторых властителей сменил, на других наложил повинности и дань. Картлийцев, месхов, кахов и шемахинцев заставил чеканить монету со своим именем. Но грузины притесняли Ширван и разоряли его. По мере сил и те вступали с ними в бой. Ширванцы жаловались на грузин шаху и обвиняли шекинцев в набегах грузин.

Шах Тамаз стал в Шеки, шекинцы ушли некоторые к лезгинам, другие в Кахети и просили царя Левана принять их. Их главные лица вошли в крепость Геласан-Горасан и укрепили ее. Государь шах Тамаз осадил крепость. Трудно стало осажденным. Силы иссякли, помощи ниоткуда не было. Владелец Шеки тайком ушел из крепости, оставшиеся же сдали ее. Царь Леван со множеством даров и приношений прибыл в Шеки

⁵² В некоторых случаях даты, указанные Парсаданом Гаргиджанидзе, не соответствуют действительности

к шаху. Государь принял его хорошо и оказал большие почести. А тот объявил себя слугой и обязался служить шаху. Ради царя Левана шах простил шекинцев, а непокорных из них, попавших им в руки, казнили. В Шеки поставили другого правителя и охрану.

Шах находился в Шеки, когда атабаг Кайхосро, сын Кваркваре, владетель месхов, прибыл с большими дарами к нему. Государю это было приятно, большие почести он оказал ему, и тот верно служил.

Но эристав Картли, царь Луарсаб, царь имеретин Баграт и Дадиани Мамаи не покорялись шаху. Они разоряли пограничные места, в особенности страну Самцхе, и Кайхосро жаловался на них. Шах дал Кайхосро в помощь войско и тот вступил в Имерети. Области по ту сторону Риони, Имерети и Одиши они разорили и, взяв множество пленных, послали шаху. По этому поводу царь Баграт и Дадиани поднесли шаху дары и просили помилования. Однако Луарсаб, царь Картли, не успокоился и даров не поднес. Он делал набеги, разорял Ганджу, Ереван и Ширван, особенно же Самцхе. Из-за этого на него писали жалобу шаху.

6

Поход шаха Тамаза на царя Картли Луарсаба в короникон сто восемьдесят восьмой

Шах Тамаз прибыл в Карабах, сделал смотр войскам, отобрал испытанных в боях, храбрых и удачливых воинов и двенадцатитысячный отряд на добрых конях отправил без ведома Луарсаба. Темной ночью напали на ничего не подозревавший город Тбилиси. Царя там не застали. Кызылбаши подожгли город и многих перебили. Некоторые из жителей города отчаянно бились, защищая свои семьи, другие вывезли своих домочадцев из города, а некоторые успели запереться в крепости. Защитники города и сами во множестве погибли и кызылбашей многих умертвили. Победили кызылбаши потому, что царь с войском был в Верхней Картли, а горожане не ожидали нападения, а, кроме того, это нападение произошло ночью, и кричали, что на город напал сам шах. Горожане не смогли сплотиться вместе, каждый заботился о спасении своей семьи. Однако все-таки многих забрали в плен. Гулбад, поставленный царем Луарсабом начальником крепости и моуравом, и все другие, кто только спасся, укрылись в крепости. Войско кызылбашей осадило крепость. Так как не ждали нападения, в крепости не имели пищи и провианта и не смогли их доставить извне. Голод сильно беспокоил осажденных, и некому было им помочь. Не видя иного выхода, они взяли клятву о своей безопасности с осаждающих и сдали крепость. С тех пор грузины уже не смогли вернуть себе Тбилисскую крепость.

Князья и представители Сабаратиано укрепили Биртвисскую крепость, и жители Сабаратиано укрылись в ней. Войско шаха обложило крепость. Но войной и силой ее невозможно было взять. Поэтому кызылбаши стали вести переговоры с защитниками крепости. Некоторых из них они обманули обещаниями. Находившиеся внутри перессорились между собой и от взаимной злобы сдали крепость. Они ожидали великих благ, но кто не принял мусульманства, всем отрубили головы и семьи их увели в плен.

Царь Луарсаб был в горах за Кватахеви. По приказу шаха кызылбаши напали на него и там, но безуспешно, и многие кызылбаши были убиты.

Оттуда царь перешел в трудно доступные горы в начале Саджавахиано. Очень старался шах убить, взять в плен или же примирить с собой царя Луарсаба. Но это не удалось ему. И кызылбашам надоело преследовать царя, так как он с малочисленными силами вступал в бой, от превосходящих уходил без боя, преграждал дорогу и нападал ночью.

Шах вернулся обратно в Тбилиси, поставил начальника крепости и охрану, а сам возвратился в Карабах.

Второе нашествие шаха Тамаза на Грузию

Алхаз-мирза, сын шаха, властвовал в Ширване и бесчинствовал, за что шах был зол на него.

Узнав, что шах выехал к нему в Ширван, он выслал ему навстречу свою мать, чтобы умиловить его. Шах прибыл в Ширван, устроил тамошние дела и истребил непокорных.

Оттуда, в январскую стужу, когда Кура замерзла настолько, что войска переходили через нее по льду, шах по Анийской дороге прибыл в Шорекал, и оттуда перебрался в Самцхе. Владетель Кахети Леван и царь Имерети Баграта с дарами и приношением прибыли к шаху. В том походе верно ему служили. В Грузии тогда был такой снег, что горы и долины, казалось, сравнялись. Шах напал на Джавахети, и многих взяли в плен. Оттуда прошли по Картли, через Сабаратиано, и там разослали отряды для грабежа. Кое-где взяли укрепленные места в горах, где укрывались жители, захватив много пленных. Но много погибло и кызылбашей. Оттуда прибыли в Барду, и с пути царя Баграта отпустили в Имерети, выдав халат и другие подарки на тридцать тысяч марчилов. А князьям и азнаурам, кроме халата и коней с убранством, подарили также по сабле и шапке. Царь Баграта через Ахалцихе перебрался в Имерети, Леван же еще некоторое время оставался при государе. По прибытии в Ганджу шах Тамаз отпустил Левана, как и Баграта, с богатыми подарками — саблей, короной, конями с чеканным убранством; как его, так и его князей и дворян. С обильной добычей вернулись они в Кахети.

Сам шах Тамаз перезимовал со своим войском в Барде.

В короникон 235 шах Тамаз в третий раз пошел походом на Грузию

Сначала шах Тамаз прибыл в Шеки, занял его, взял крепости, истребил непокорных и поставил в Шеки другого правителя. Там же в Шеки атабаг Кайхосро прислал жалобу шаху на царя Луарсаба и на владетелей Лори, Шермазана и Вахушти. Кайхосро жаловался, что они заняли часть его владений и разоряют его землю и что бегларбег Эрзерума, Скандер-паша, выступил против него и осадил Артануджскую крепость. Так как Кайхосро был предан шаху и не раз служил ему, государь сам выступил из Шеки и с большим войском прибыл в Самцхе. Месхские князья, не покорявшиеся Кайхосро, сыну Кваркваре, и стоявшие на стороне царя Луарсаба, снялись и укрылись в крепости и пещеры. Шах послал на них войска. И везде грузины отчаянно и самоотверженно защищали свои убежища.

Некоторые крепости были взяты кызылбашами, и люди, бывшие там, погибли, других же они не смогли взять, и много кызылбашей было перебито.

Страну ту разорили, большую добычу взяли и много пленных увели.

Кое-кто из месхских князей укрепился в Вардзийской крепости. Посредине той крепости находится церковь, высеченная в скале. Высотой она была подобна горе Эльбрусу, прочностью — небу. Там они и укрылись. Шах напустил Зиад-оглы, Шахверди Султана, Надирхана Устаджлу с большим войском на Вардзийскую крепость, которую и осадили. Изнутри грузины и снаружи кызылбашаи отчаянно сражались, множество кызылбашей побили. Но им удалось проникнуть в крепость с одной стороны. Внутри крепости разгорелся горячий бой. Для отпора напавших снаружи кызылбашей не выставили бойцов и те ворвались в крепость. Грузины старались спасти свои семьи, но их не спасли и сами погибли. Крепость взяли, мужчин перебили и семьи их угнали в плен.

Церковь в той крепости признана божьим творением, и мудрецы с трудом могут постичь ее устройство. Ни обилием добра, ни властью царской ее в таком виде невозможно было выстроить.

Посреди той крепости, в скале высотой в десять адлей, из цельного камня высечена четырехугольная церковь. Стены снаружи и внутри расписаны золотом и лазурью и изображениями людей и ангелов. Около было другое помещение и в нем расписанный алтарь.

Над престолом там был образ золотой с изображением человека, с золотой чеканкой и со множеством драгоценных камней и жемчуга, таких, что знатоки драгоценных камней каждый из них оценили в 50 туманов.

Рядом с церковью нашли высеченный в скале узкий ход, очень низкий, поднимающийся вверх по скале на высоту 150 адлей. Там было потайное убежище, на вершине же стояли две башни.

Снаружи у той церкви были две стальные двери, а внутри висела одна золотая дверь.

Шах Тамаз поднялся в крепость, так как ему очень хвалили церковь. Когда же он увидел, как она построена и отделана, оказалось больше, чем он слышал. А из тайника вывели двадцать монахов и священников. Так как при взятии той крепости много кызылбашей погибло, то этих монахов перебили.

Висевшее в той церкви литое било весом в 70 литров разбили на куски. Сняли золотую и стальные двери и другую утварь, золотую и серебряную, иконы, светильники, подсвечники, облачения, книги и кадила, ковры, и много других драгоценностей вынесли оттуда и отвезли в шахскую казну.

Все, что в крепости было построено руками человека, все это разрушили. Укрывшиеся было в крепости князя Амоан, Шермазан и Авали, а также другие предстали перед государем и поцеловали землю. Искандер-паша, ввиду появления шаха, оставил атабага Кайхосро и ушел. Все, не повиновавшиеся Кайхосро и непокорные погибли, и страна его была умиротворена. Он пришел ко двору шаха, поднес множество даров, и государь также оказал ему большие почести и великую милость.

Шах Тамаз велел казнить Шермазана и Вахушти, лори-бамбакских владетелей, оставшихся верными царю Луарсабу, а их владения Лори-Бамбаки и Агджакалу шах передал атабагу Кайхосро, сыну Кваркваре. Двинувшись затем из Самцхе, шах разослал по Картли отряды и опустошил несколько местностей. И где встречали приверженцев Луарсаба — всех убивали. Люди Луарсаба также умерщвляли всех попадавших им в руки кызылбашей.

Прибыв в Карабах, шах Тамаз расположился там на зиму.

Четвертый поход шаха Тамаза на Грузию в короникон 238

Шах Тамаз выступил в поход на царя Луарсаба, заключив мир с султаном Сулейманом хондкар и, не спросив у царей Грузии и против их воли, поделив Грузию. Хондкар и шах оба были мусульманской веры, владели многими великими странами, и у них во множестве были подвластные цари; а Грузия, сама маленькая, была еще раздроблена на много частей и те не подчинялись друг другу, враждовали, разоряли одна другую и причиняли вред. Веры они держались Христовой. Поэтому, с одной стороны, их разоряли турки, а с другой — кызылбаши, и, находясь между двумя столь большими государствами, много усилий они прилагали, чтобы отбиться мечом от тех и от других, много вреда нанесли врагам, но своего все-таки не добились. Хондкар и шах поделили между собой Грузию: Самцхе, Картли и Кахети отошли к шаху, Имерети, Одиши и Абхазия, Гурия и страна лазов достались хондкару.

На такой раздел согласились все владетели Грузии, не примирился с ним только царь Луарсаб. Оскорбленный, он еще больше упорствовал в непокорности и нападал и разорял и иранские области и турецкую землю.

Князья пограничных областей были верны царю. Шах с большим войском пошел на них. Когда он достиг Сабаратиано, все население снялось и ушло в укрепления. Шах отправил войска к укрытиям. Везде, где нападали кызылбаши, грузины вступали с ними в бой, и с обеих сторон погибло много людей.

Кызылбаши заняли убежища грузин и увели в плен их семьи. Царь Луарсаб был в укреплении. Шах занял Сабаратиано, оттуда переехал в Картли и стал в Гори. Грузины укрылись в крепостях. Шах против каждой крепости высылал войска и тем, кто сдавался добровольно, не причиняли вреда и ничего у них не отнимали. Если же кызылбашам приходилось силой брать крепость, то защитники и семьи их погибали в бою, но и многих кызылбашей убивали. Людей, находившихся в завоеванных крепостях, уводили в плен.

Крепость Цедиси взяли силой, Верийская же крепость сдалась добровольно. Парсадан спас невредимым гарнизон крепости.

10

Взятие шахом Атенской крепости

Войска расположились в низине, крепость же была на высокой скале. Выстроенная из камня на извести, она была удивительно крепка. В ней находилась мать царя Луарсаба, а с нею — семьи многих князей и дворян. Крепость обступило кызылбашское войско, внутри же стояли грузины. Закипел бой, и много кызылбашей было перебито. Взять крепость стало трудно потому, что нельзя было ни подвезти фашины, ни сделать подкоп. Нельзя было также подступиться с пушками. Татары захватили одного атенца и под страхом смерти тот сказал: «Если вы меня не убьете, я помогу вам взять крепость». Те поклялись, что не причинят ему вреда. Атенец рассказал: «У осажденных вышла вся вода из колодца и бассейнов. На северной стороне вытекает небольшой источник и они пользуются водой из него. К тому источнику есть потайная дорога. Я укажу вам эту дорогу, отрежьте воду и они будут вынуждены сдать вам крепость».

Он проводил их и показал дорогу к тому источнику. Кызылбаши отрезали воду. Сидевшим в крепости не было ниоткуда помощи, отсутствие воды также сильно подорвало их силы. Крепость взяли, и много грузин и кызылбашей погибло при ее взятии. Из крепости вывели царицу, мать царя Луарсаба, и взяли тридцать тысяч пленных. Царь Луарсаб в это время был в Ачабетской крепости. Шах снялся из Гори и двинулся к Карабаху. Царь Луарсаб поспешил за ним и догнал. Если видел, что справится, нападал и истреблял отдельные отряды, а добычу раздавал грузинскому войску, если же не мог справиться, вообще не показывался.

11

Через некоторое время на Грузию еще раз напало войско кызылбашей. Царь Луарсаб видел сон

Царь Луарсаб прославлен мужеством среди всех царей и князей Грузии с древних времен до настоящего. Хороший полководец, он был к тому же мужественным и щедрым человеком, кормильцем многих, справедлив, с кротким нравом, прекрасный наездник, в бою ловкий и бесстрашный, твердый христианин.

Турки и кызылбаши особенно его боялись. Соседи подчинялись ему и служили, а сам он гордо отказывался быть кому-нибудь слугой. В гневе шах Тамаз пять раз устраивал на него поход, но никак не смог его утихомирить, ни убить, ни захватить или подчинить,

так как царь Луарсаб нападал на небольшие отряды врага и истреблял их, многочисленных же избегал. Большею частью он нападал ночью, некоторых догонял и бил отставших, на других же устраивал засады. Так он много вреда приносил врагу.

Возвращаясь из четвертого похода на Грузию, шах подверг ее большому разорению, чем в предыдущие походы. Он захватил с собою и мать царя. Львиный характер Луарсаба не мог вынести этого и он, собрав войско, стал разорять владения шаха. Он так оказал грузинам: «Храбрец должен уподобиться волку, а в войске врага видеть овец. Он должен нападать на врага, как волк на овец, а победа зависит от бога». Пока царь Луарсаб был жив, он так и поступал.

12

В короникон 240 Луарсаб снялся из Гори и пришел в Гарис-Вархуну

Шахверди Султан — владетель Ганджи, был поставлен шахом охранять ту границу. Узнав, что царь Луарсаб собрал войско, он тоже собрал вокруг себя войска по эту сторону Аракса и двинулся на царя. В ту ночь царь Луарсаб видел сон. На другое утро он призвал католикоса, князей Грузии и своих детей и сказал им: «Вчера ночью я видел сон, которому нужно верить. Без сомнения победим мы, а кызылбаши побегут от нас. В бою этом меня убьют, а убившего меня убьют грузины». Затем, взяв за руку своего старшего сына Свимона, велел грузинам: «Царство свое передаю вот ему, моему старшему сыну, он достоин этого». И остальным детям своим завещал подчиняться старшему брату и помогать ему. Затем все поцеловали ноги Свимону и благословили его на царство. После этого Луарсаб дал такое наставление: «Не разглашайте мою смерть и не расстраивайте поход, потому что, если кызылбаши узнают о моей смерти, они станут смелей. С помощью бога, когда одолеете кызылбашей, после похороните меня в Мцхете, не оплакивайте меня, а оберегайте страну».

Услышав от царя про этот сон, все стали плакать и сказали: «Поскольку ты видел такой сон, на этот раз не будем сражаться, а отступим». Но царь слышать не хотел об этом и говорил: «До сих пор я не избегал ни хондкара, ни шаха. Как же мы сейчас остережемся какого-то каджара». Грузины долго упрашивали его, но царь предпочел смерть позору.

Когда Шахверди Султан приблизился с построенными рядами, царь, князья и дворяне выступили ему навстречу на бой. Хотя грузин было мало, а кызылбашей много, грузины первыми атаковали врага, как волки овец. Те также бились по мере своих сил, но не могли в бою устоять против грузин. Кызылбаши скоро обратились в бегство, а грузины преследовали их, избивая бегущих. Спаслись только те, у кого были быстрые кони. Много кызылбашей погибло, и много добычи захватили грузины. Шахверди Султан бежал, а одержавший победу царь с несколькими людьми стоял и ждал возвращения преследовавших. Небольшой отряд бежавших кызылбашей укрылся в лесу и, заметив маленькую группу людей и не предполагая среди них царя, решили: «Так как их мало, нападём на них, таким образом очистим себе дорогу для бегства. В противном случае, эти люди могут сообщить о нас царю и тогда от него уже нельзя будет спастись».

Решив так, они с отчаянной смелостью бросились в бой. Увидев кызылбашей, царь взял у оруженосца копьё и двинул коня на них. У скачущей лошади нога попала в ямку, она упала и подмяла под себя царя. Кызылбаши засыпали упавшего царя стрелами, и он умер от их стрел.

13

Смерть царя Луарсаба от кызылбашей, предсказанная им самим

Когда грузины увидели, что кызылбаши стреляют в упавшего с конем царя, хотя их было мало, все-таки ринулись на врага. Старцы схватились за палицы, и воины стали

рубить кызылбашей саблями. Убили и того, от чьей руки погиб царь, и всех остальных. Только один кызылбаш успел вскочить на карского коня и, так как никакая лошадь не могла его догнать, то он ушел.

Царя Луарсаба похоронили в усыпальнице его предков в Мцхете, и старшего его сына Свимона венчали на царство. Приехали в Гори, и там собирались со всех сторон и оплакивали его как подобает оплакивать государя.

14

Царя Свимона венчали на царство вместо его отца Луарсаба

В это время Тбилиси был в руках кызылбашей, поэтому из Мцхеты прибыли в Гори. Население окрестных мест служило царю Свимону.

Четыре года спустя собралось грузинское войско, Георгий, сын царя Кахети Левана, прибыл к своему зятю, царю Свимону с войском Кахети, чтобы помочь ему взять Тбилисскую крепость. Эта весть дошла до владетеля Карабаха. Он также собрал войско по эту сторону Аракса и двинулся на помощь городу.

Грузины вырыли траншею, чтобы враг не застал их врасплох. Кызылбаши спешили у той траншеи и выровняли ее. С одной стороны грузины, а с другой — кызылбаши построили отряды, и разгорелся бой между грузинами и авангардом кызылбашей. Грузины изо всех сил и самоотверженно бились и много кызылбашей перебили. Видя, как яростно дерутся грузины, ганджинский хан сказал кызылбашам: «Мы находимся далеко от наших мест, и если вы побежите, то никуда не успеете добежать, они догонят и всех нас перебьют. Чем умереть с позором, лучше будем драться с полной отдачей и погибнем в бою». Все сказали, «хорошо». Закричав все вместе «Аллах, Аллах!», кызылбаши кинулись в бой с обнаженными саблями. С другой стороны грузины бросились вперед, и обе стороны держались хорошо. Но кызылбашей пало больше, и они уже собирались обратиться в бегство, как в это время в кахетинском войске поднялись громкий плач и стенания по поводу убийства царевича Георгия. Не заботясь о ходе боя и не думая о поражении, кахетинцы вынесли убитого с поля боя и оставили битву. Этим воспользовались кызылбаши и атаковали плачущее и расстроенное войско. Кызылбаши победили, и Шахверди Султан в ту же ночь вступил в Тбилиси.

Царь Свимон вернулся со своим войском в Гори. Убитого кахетинского царевича Георгия привезли к его отцу. Царь Леван стал бить себя по голове, оплакивая сына, и вместе с ним плакали и горевали кахетинцы и раздавали милостыню. Особенно горевала царица Дареджан, которой в Гори сообщили о смерти любимого брата царевича Георгия. Там же собралось грузинское войско и соболезновали, и все, одевшись в траур, оплакивали убитого.

К сороковому дню царица Дареджан с женами картлийских князей поехала в Кахети, чтобы с отцом оплакивать его сына.

В глубоком трауре по брату она прибыла в Алаверди. Там она оставалась до сорокового дня при отце. Плакала, горевала, много подаяния раздавала и везде заказала обедню по умершему.

Отец пожаловал царице богатые дары для снятия траура и отправил ее обратно в Картли.

15

Царевич Давид, обиженный на своего брата, царя Свимона, отправился в Казвин к шаху Тамазу

В короникон двести сороковой шах был в Казвине. Ему доложили о прибытии царевича Давида. Шах был очень обрадован этим известием и послал встречать царевича всех иранцев, какие только были при дворе.

Среди сопровождающих царевича Давида большинство были из Сабаратиано.

Так как Давид был в ссоре с царем Свимонем, ему оказали еще большие почести и пожаловали грамоту на усыновление его. На пиру шах посадил его близко от себя: ему подстлали и подушку подложили, как государю, а его князей рассадили по разным местам среди участников пиршества.

Спустя короткое время Давида обратили в мусульманскую веру и пожаловали ему царское государственное оружие, а его князьям и дворянам подарили коней, оружие, халаты и назначили жалованье на прожитие. Все, что дали царевичу и сопровождающим, вместе составило на девять тысяч туманов. Отдали Давиду в царство Тбилиси и Сомхити-Сабаратиано, в грамоте назвали его сыном шаха, дали в сопровождение мехмандара и отпустили с большими почестями.

Когда Давид прибыл в Тбилиси, один хан со своим отрядом должен был в течение года состоять при нем в охране. Но царь Свимон не оставлял его в покое, разоряя Сомхити и Сабаратиано и пытаясь захватить Тбилиси. Но Тбилиси он не мог взять.

В короникон 250 еще раз собрал царь Свимон конное и пешее войско Грузии и направился к Тбилиси. Это сообщили царю Давиду. Он также собрал воинов из Сомхити и Сабаратиано, а также среди горожан и мусульман и выступил на войну против брата.

Увидав, что у царя Свимона многочисленное войско, он не сразился с ним и вернулся обратно в город. Но Халифа Караманлу, командовавший кызылбашами, человек гордый и слабый умом, не послушался царя Давида и ради славы один сразился с царем Свимонем. Он бился сильно и много урону нанес противнику, но его самого убили, и весь его отряд истребили.

Об этом царь Давид написал шаху и попросил в помощь войско. По велению шаха Хасан-бег Караманлу был назначен командовать и отправлен с большим войском на помощь Давиду.

Тот, собрав свое войско, выступил против царя Свимона. Сразились, и много людей погибло. Победил царь Свимон. Разбитые царь Давид и кызылбашаи вернулись в Тбилиси.

Подошел к городу и царь Свимон и осадил Тбилисскую крепость. Он предполагал, что горожане перейдут на его сторону, но из-за страха перед шахом, горожане не примкнули к нему, и они также укрыли свои семьи в крепости. Из крепости началась стрельба из ружей и пушек. Не пришли к царю Свимону на помощь и из Сабаратиано. Из крепости у него убили много людей, и он ушел обратно в Гори.

Царь Давид об этом также написал шаху. Снова последовал шахский указ, Черкеса, султана Шеки, назначить командующим и с азербайджанским войском отправить на помощь Давиду. Приказ был выполнен и шекинский султан с азербайджанским войском прибыл к царю Давиду. Об этом доложили царю Свимону: «Прибыло многочисленное войско и поэтому нельзя действовать опрометчиво, лучше стать в укреплении. И он стал с войском в укреплении». Царь Давид подошел близко к кызылбашскому войску. Кызылбашаи разоряли окрестности. Царь Свимон, разгневанный этим, выступил против них. Как было ему свойственно, гордо, отважно, проворно, с достоинством, с копьём в руках врезался он в ряды мусульман с криком «бей вот этих!».

Грузины, находившиеся в рядах противника, которые знали царя Свимона, избегали встречи с ним. Он многих кызылбашей выбил из седла копьём. Ринулись в бой и грузины, и пошли удары копьём и треск от ударов палиц и сабель. Некоторые бились и дрались верхом, некоторые же — пешими. Бойцы из Сабаратиано и кызылбашаи сильно сражались. У царя сломалось копьё. Кто-то ударил его копьём и сбросил с коня. Ударивший царя копьём не открыл себя, говорили, что он был грузин. Когда кызылбашаи увидели царя сброшенным с коня, они набросились на него. Некоторые из грузин

погибли, защищая царя, другие бежали, а некоторых взяли в плен вместе с царем Свимоном.

16

Пленение царя Свимона и победа царя Давида

Взяли царя Свимона и некоторых знатных людей Грузии, привели в город Тбилиси и с большими почестями отправили к шаху в Казвин.

Долгое время держал его у себя шах Тамаз в почете за доблесть и хотел обратить его в мусульманскую веру, но царь Свимон не принял мусульманство. За это его послали в Аламутскую крепость.

Пока шах Тамаз был жив, царь оставался в Аламутской крепости. Когда же шах Тамаз скончался и государем стал его сын шах Исмаил, он велел привезти царя Свимона из Аламута в Казвин и держал его в почете. А шаха Исмаила умертвили ядом.

17

Шаха Исмаила Второго умертвили ядом и государем поставили брата его шаха Худабанда

Этот заставил царя Свимона принять мусульманство, привел к нему всех взятых вместе с ним в плен князей и дворян, всем дали коней, оружия, халаты и назначили жалованье.

Царя Свимона снабдили всем нужным для государя оружием, убрали ему коней, верблюдов и мулов, постлали коврами шатры, навьючили казну. Дали ему на царство Грузию, а в грамоте назвали братом шаха. Дали также мехмандара, устраивали ему везде торжественную встречу. С большим почетом и подарками прибыл царь Свимон в Картли, где все вышли его встречать.

Амилахори и ксанский эристав обвинялись в измене царице и царевичу Георгию. Поэтому они не могли оставаться в Картли и, удалившись, нашли убежище у царя Кахети. Царь Свимон их поместья и деревни пожаловал в возмещение за оскорбление царице и брату своему, царевичу Вахтангу.

Начальники при дворе шаха, цари и сановники, векилы и везиры разделились на две части. Султан Мурад хондкар осилил шаха Худабанда, и царь Давид отправился к хондкару, который оказал ему много милости и большие почести. Он послал на Грузию Лала-пашу с большим войском. Так как при дворе государя Ирана была смута, вожди кочевых племен и родов не проявляли подчинения и никого не слушались, а сына шаха Султан Гайдар-мирзу кызылбаши умертвили через подосланного человека, поэтому его не смогли выставить против полководца с войском. Азербайджан был обезлюден. Хондкар нарушил отцовскую клятву и договор.

18

Прибытие царя Давида к султану. Поход Лала-паши и занятие турками Азербайджана

Пришел с большим войском Лала-паша, занял Азербайджан, Курдистан и Ереван, Нахичевань и Карабах, Ширван, Тбилиси и Гори, Лори и Агджакалу, Ахалцихе и страну месхов и во всех крепостях поставил свои гарнизоны. Но царь Свимон не покорился ему, начал с ним борьбу и не выпускал никого из Тбилиси и Горийской крепости, везде преграждая дорогу.

Только с большим войском могли выходить из крепости за провиантом и пищей и, где только встречали турок, — убивали их.

Сначала царь Свимон пытался взять Горийскую крепость. Пятьсот турок вышли из Горийской крепости, разграбили окрестные деревни, захватили пищу, которой набили переметные сумы и, забрав множество коров и овец, погнали их впереди себя в крепость. Царевич Гоча с пятьюстами отборных людей преградил им дорогу. Начался горячий бой, стали с силой разить друг друга. Особенно самоотверженно дрались турки и большинство их погибло. Те, которые уцелели, принесли в крепость переметные сумы с пищей. Одержавший победу царевич Гоча пришел к царю. Царь был обрадован вестью о победе и осадил крепость.

Девять месяцев воевал он с ней, но очень бдительны были и хорошо держались турки. Царь с войском отступил от крепости, по случаю великого поста. Турки знали, что в великий пост христиане не будут воевать и драться. Этим они и были обмануты и перестали быть осторожными. Царь приказал Парсадану Цицишвили и Сулхану Турманидзе: «Тайно заготовьте в ваших владениях большое количество лестниц и держите войска наготове. Когда дам знать, ждите меня готовыми в темную ночь по заходу луны, ниже слияния Лиахви с Курой».

В условленное время туда прибыл царь с войском, а у тех были приготовлены и войска и лестницы. Как немые, без звука подкрались они к крепости со стороны Куры. Пока не прошли церковь Чахрухадзе, сидевшие в крепости турки ничего не заметили, а когда узнали, что пришло войско, поднялся в крепости крик и зажгли огни, но большинство грузин уже забралось в крепость по лестницам и дралось внутри, а некоторые еще не взбирались, и бой шел на лестницах. Налегли и те, кто был снаружи, и крепость взяли. Шум от крика, возгласов и. усиливался. На подмогу подошел царевич Гоча со своим войском. До утра дрались турки и месхи и хорошо держались, но, увидев, что крепость полна картлийцами, стали просить пощады; а некоторые из месхов просили защиты у Оконской иконы в той же крепости и у царя просили дать клятву, что пощадят их. Царь принял их просьбу и послал им через своего брата царевича Вахтанга грамоту, дав клятву и обещание. Их вывели этим обещанием и помиловали, дали всем лошадей и денег на расходы, снабдили провиантом на дорогу и дали охрану, чтобы по дороге никто не обидел их. Часть того, что было в крепости, царь раздал войскам, а принадлежавшее, велел своему брату Вахтангу взять в царскую казну.

Не здесь нужен был рассказ о Тимуре, выше следовало написать, но пусть эта другая повесть будет здесь, ничему не помешает.

Рассказ о том, как Тимур сделался государем

Сам был хорошим подданным, начальником войска и командующим государя Миран Хусейна. Где только воевал, везде побеждал и укрепилась за ним добрая слава. Довольны были им и страна, и войско, ибо одним жаловал сам, а другим обеспечил государеву милость. Государь выдал за него свою дочь, и поэтому стали звать его Кураганом. Государь ничего не предпринимал, не спросившись Тимура, и войско полюбило его.

Увидев, что дела его стали лучше, чем его патрона, Тимур отобрал у него царствование и занял Туркестан, Индию и Иран. Кто покорился добровольно, тех отметил множеством милостей и пожаловал владения. А тех, кто не явился пред ним, разорал.

Захватив страны, Тимур достиг Тавриза. Находившемуся в Тавризе Тимуру доложили, что грузины напали на Нахичевань, у сына Султан Махмуда, Султан Тахира отняли Алинджийскую крепость и заняли все левобережье Аракса.

Тимур был очень разгневан этим известием и молвил: «Если они показывают такую смелость на расстоянии двух- трехдневного пути, видимо, они обладают и большой отвагой». Он приказал: «Пусть со всего войска, с каждых десяти всадников отберут по три человека на хороших конях, способных, расторопных, чтобы были мощные, молодые витязи. Пусть возьмут с собой провизии на десять дней. Совершу поход и устрою резню в Грузии». Государя Ширвана амира Шейх Ибрахима взял с собой и из Тавриза прибыл в Байлакан. Оттуда ширванского владетеля отпустил, а сам с войском сначала отправился в Шеки. Химшиа с войском Кахети и Шеки вышел ему навстречу.

Между грузинами и тюрками произошла жестокая битва. С обеих сторон бились отчаянно, у тех и у этих многих перебили.

Тимур обладал сильным счастьем, а Химшиа был многоопытен в боях. Поняв, что тюрки могут победить, поскольку хорошо знал местность, свернул в лес. Тюрки остановились в двух-трех местах.

Двадцать дней и ночей непрерывно шли дождь и снег.

Оттуда снялись и вторглись в Кахети. Всех, кого нашли, перебили, церкви разрушили, сады и виноградники вырубали, дома сожгли, а с ореховых деревьев содрали кору.

Зима поставила тюрков в трудное положение; кони пали от недостатка корма, войско голодало.

Обеспокоенный зимней стужей Тимур снялся оттуда, прибыл в Карабах и там перезимовал. Весной он получил известие, что царь Баграт без войска находится в городе Тбилиси. Государь Тимур без сообщения совершил набег и подступил к городу. Царь Баграт укрепил крепость и город. Начались бои сражения. Поблизости города расположены высокие горы, откуда можно стрелять из ружей и пушек. На вершинах тех гор тюрки возвели башни, подняли туда пушки и стали палить сверху по крепости и городу. Пока не была захвачена городская стена, в день два-три раза грузины выходили из ворот и сражались с тюрками. Начинались бой и битва, наносили тюркам большой урон и возвращались в город. Однако стрельбой из пушек с гор находившиеся в городе были сильно притеснены, и сначала город был взят, а царь с войском перешел в крепость и оттуда продолжал сражаться. Но так как и там стеснили его стрельбой из пушек с вершины горы Табор, перестал сопротивляться. Взяв слово и клятву о безопасности, царь прибыл к Тимуру и сдал крепость. Тимур хорошо принял царя и осыпал его почестями.

Захватив царя Баграта с собой, Тимур двинулся из Тбилиси и прибыл в Карабах. Аргуншаха и Рамазан-ходжу с большим войском отправил в Кахети, которая была опустошена ими.

Царь Баграт по принуждению Тимура в Карабахе принял Мусульманство. Государь Тимур царю и его подданным пожаловал много добра и отправил в свои владения.

Рассказ о втором прибытии государя Тимура в Грузию с большим войском

Государь Тимур разгневался на своего сына Мираншаха по той причине, что, когда грузины отобрали Алинджийскую крепость у Султана Тахира, тот с войском находился поблизости, но не пришел на помощь. Поэтому Тимур отнял у него владения и передал его младшему брату Шахруху, триста его добрых воинов согнал с коней, их коней раздал войску, а самих пешком заставил идти впереди.

Сын государя одним выстрелом из лука сбил с лошади Сиди Али Шекинского, за что в награду получил царствование.

Зиму Тимур провел в Барде, а весной с большим войском пошел походом на имеретинского царя Георгия. Сначала отправил гонца, чтобы передать: «Сын государя султана Ахмеда скрывается у вас, пришлите его к нам».

Когда гонец прибыл в Кутаиси, царь оскорбился требованием выдачи государева сына, посланника принял плохо и наказал передать государю Тимуру: «В нашем роду не принято передавать кому-либо человека, попросившего убежище». Посланник отбыл обиженным.

Государь был задет этим и послал войско. Урожай сожгли, виноградники и плодовые деревья вырубали. Население Имерети снялось с места и укрылось в пещерах, крепостях и высоких горах. Тюрки посадили воинов в ящики и там, где в пещерах находились беженцы, опустили на веревках у входа. Изнутри грузины и снаружи тюрки начали друг в друга стрелять и биться. Некоторым перерезали веревки, и они вместе с ящиками разбились и погибли. В некоторых местах в пещеры забросали ветошь, облитую нефтью, и подожгли. В пещерах, у которых не было выхода для дыма, задохнулись, а где был ход для дыма, там не причинили вреда. Некоторые, применив усилие изнутри, отняли ветошь, и им также не смогли причинить вреда. А где не было дымохода и не смогли отнять ветошь, там дым задушил людей, пещеры заняли тюрки и все, что было в них, захватили. В тот раз было захвачено пятнадцать крепостей. Из взятых в плен, принявших мусульманство отпустили, а кто не принял, тех перебили.

Оттуда перешли в Восточную Грузию, перезимовали в Мухрани. Царь Георгий удалился из Имерети. Главные лица Имерети, князья и дворяне, прибыли в Мухрани к государю Тимуру с дарами и приношениями. Они подчинились государю, и он пожаловал им залог невредимости, на всех надели халаты и отправили обратно.

Из Мухрани Тимур с большим войском напал на владения Джано, разрушил крепость и разорил народ. Амира Джаханшаха Тимур с большим войском послал в Кутаиси против царя. Царь ушел от него, а Имерети разорили и церкви разрушили. Вернувшись оттуда, переправились через Куру и стали в Самцевриси.

Из Имерети Тимур получил весть, что царь Георгий вместе с князьями и дворянами стоит в Казрети. В ту же ночь с людьми, сидящими на добрых конях, он совершил набег и по дороге на Горди напал на Казрети. Те узнали об этом и встретили боем. Начались сеча, грохот, тяжелая битва и сражение. С обеих сторон было убито множество людей. У имеретин и без того было мало ружей и пушек, да еще свинец и порох кончились, и бились они при помощи бревен и скатыванием камней. А у государя Тимура всего было много с собой.

Отстреливаясь и прикрываясь фашинами, царь скрытно ушел из крепости, забрав с собой и сына султана Ахмеда. Он ушел в Сванети, а сына султана Ахмеда по дороге на Кафу отравил в Турцию. Другого царевича, по имени шейх Исмаил, отослал к Тимуру и написал просительное письмо, а придворным отправил подарки.

Воины Тимура разграбили Казрети, перешли в Самцхе, опустошили владения атабага, взяли семь крепостей, разрушили церкви, сожгли дома, деревья и виноградники вырубали. Оттуда прибыли в Мангуль. Там Тимур получил известие, что в Нушбиерти собрались грузины. Он с большим войском послал шейха Нур ад-Дина, но тот ничего не смог сделать. Потом напал сам Тимур, и пять дней и ночей продолжались бой и битва. С обеих сторон было убито множество людей, взяли пять крепостей, захватили большую добычу и забрали много пленных. Оттуда прибыл в Аванак. Там к нему явился посланник франкского царя, поднес большие дары, доставил сына Мурадбега, родича кесаря, попавшего к франкам в плен, передал устное послание и письмо своего государя.

Государь был очень доволен прибытием посланника франкского царя, хорошо принял его и одарил щедро, всех одели в почетные халаты. Вместе с ним снарядил своего посланника и с большими почестями отправил в сопровождении мехмандара.

На два месяца коней пустили пастись на Мангульские поля. Потом снялись оттуда.

Город Сивас был построен сельджукским государем Ала ад-Дином Кешдабадом. Внешняя стена была сложена из тесаного камня. Ширина стены равнялась десяти адлям, а высота стены была двадцать адлей. Глубина рва достигала воды. С левой стороны можно было сделать подкоп. Государь встал на той стороне. В крепости стояла стража хондкара. Мустафа-паша с четырьмя тысячами воинов был внутри крепости. Государь Тимур осадил ту крепость. Везде построили высокие башни и восемнадцать дней и ночей бились. Изнутри и снаружи открыли огонь, подобно граду летели пули. Надоело находившимся в крепости и попросили пощады. Государь даровал безопасность и крепость сдали.

В это время было получено известие, что султан Ахмед, владетель Багдада, направился к хондкару. Были высланы войска, но не догнали, лишь кое-что из имущества сумели отобрать и доставили государю. В Сивасе Тимур оставил стражу и снялся оттуда.

22

Государь Тимур направился на Малатию

Тимур осадил Малатию и взял ее. До этого хондкар Илдырым Баязид разорил Курдистан и Азербайджан. Разгневанный этим государь Тимур выступил против хондкара, и они написали друг другу угрожающие письма. Тимур решительно потребовал передачи ему владетеля Багдада султана Ахмеда, однако хондкар отказался и не выдал. Тимур обиделся из-за этого и написал хондкару такое письмо: «По правилам веры нам не следует идти походом на вас, ибо воюете вы с иноверными франками. Однако вы разорили Азербайджан и совершили множество насилий и беззаконий над мусульманами. За это следует взыскать с вас. Ты чувствуешь себя смелым с франками, и в носу у тебя ветер гуляет. Этот ветер я должен изгнать оттуда».

Тот ответил таким образом: «Я хотел напасть на тебя, но ты явился сам». Хондкару казалось: «Поскольку они давно уже воюют, и кони и люди устали, а наши войска и кони находятся на отдыхе». Был издан приказ и со всех сторон собрали войска. Государи греков и франков прислали хондкару на помощь своих сыновей с войском. Двинулись против государя Тимура, подошли на расстояние однодневного пути и сообщили друг другу о месте сражения.

23

Война между государем Ланг Тимуром и хондкарром Илдырым Баязидом

С той стороны они, с этой стороны эти, приблизились отрядами, выдвинулись вперед, развернули знамена, определили правое и левое крыла, укрепили передних и задних, и государи встали под знамена. Началась сшибка, стали биться, пули летели как частый град. Слышались звуки сабельных ударов и рассекания шлемов, издали доносились удары булавы и копий и треск щитов. С обеих сторон крик воинов подобен был грому небесному. Середина поля битвы так была заполнена убитыми людьми, что от их множества кони не могли передвигаться. Такой получился поток крови, что в нем плавали трупы. Во всех историях записано, что со дня основания мира такой тяжелой войны не бывало.

Наконец победил государь Ланг Тимур. Хондкара взяли в плен и доставили к Тимуру. Государь встретил его стоя, расцеловал, взял за руки, посадил на свой трон, извинился и оказал много приятных слов; окружил хондкара почестями, велел оборудовать государев шатер, а своего сына поставил мехмандаром, чтобы все, что потребуется, немедленно было доставлено хондкару, и служил ему вежливо и с большой

учтивостью, как подданный. И приказал также, у кого только были захваченные в плен. дворовые хондкара, доставить к нему. Их немедленно привели и поставили на служение.

Хондкар послал государю Тимуру человека: «Два моих сына были во время битвы со мною — Султан Муса и Султан Мустафа. Если они живы, пусть приведут ко мне». Немедленно доставили их, нарядили в царские одежды и привели к хондкару. Увидев отца, сыновья расплакались и обняли его за ноги. Заплакал и отец. Доложили об этом Тимуру.

На другой день государь Тимур, взяв с собой сыновей и внуков своих, властителей и владетелей Ирана и Турана, во всем облачении прибыл, чтобы увидеть хондкара. Увидев хондкара, Тимур невольно рассмеялся. Хондкар обиделся и так сказал: «Никто не видел дня без ночи. Всякая тварь обращается в землю». Тимур таким образом ответил хондкару: «Призываю в свидетели бога, что смеялся я не от радости и не для моего удовольствия. Невольно рассмеялся я вот почему: насколько страны не имеют цены перед богом, что такой хромой, как я, и такой косою, как ты, ради дурного дела истребили в бою двести тысяч человек. Победу над вами я считаю грехом, а не благодатью, однако так распорядилась судьба. Я отправил к вам посланника, а вы не прислали мне своего посланца. Я написал письмо, чтобы не держали у себя Кара Юсуфа, вы не послушались. Я прислал человека, чтобы не разоряли Азербайджан и Курдистан, вы стали еще больше разорять и опустошать. Я попросил Кумакскую крепость, а вы не уступили и не содействовали примирению султана Ахмеда со мною. Ведает бог, что все это говорю не в упрек, и этим я очистил душу свою. Десять-двенадцать дней будьте нашими гостями. Пусть у оставшихся в живых заживут раны, чтобы могли сидеть на конях. После этого отправим вас с еще большим богатством и государевым убранством, чем самого себя».

Хондкару понравились сказанные государем слова и он извинился за свое непослушание и изъявил множество благодарностей.

Государь Тимур вернулся в свой шатер, призвал своих везиров и векилов и приказал: «Отберите для хондкара государевы оружие и убранство, все новое и не бывшее в употреблении, лучшее, чем для меня. Хочу отпустить его в свое государство».

Хондкара Баязида называли Илдырымом из-за стремительности и злости. Он не смог успокоиться, заболел с горя и печали. Призвали многих врачей и доставили множество лекарств; какие только средства называли знатоки болезней и недугов, все применили, но не смогли помочь, и он скончался в Акшахре. Все, что предназначалось ему, выдали его сыновьям. Имущество и убранство, а также сыновей отослали вместе с покойным отцом, так же как и их подданных, где бы они ни находились. Отправили по обычаям, подобающим государю, погребли в усыпальнице предков.

Услышав о смерти хондкара, турки на место отца посадили его старшего сына Султана Мехмеда. Он отправил государю Тимуру дары и послов и написал смиренное письмо. Тот ради единоверия оставил их в покое. По эту сторону Малатии везде посадил новых владетелей, а по ту сторону уступил хондкару султану Мехмеду.

Отправление Тимура в Иерусалим и Миср

Государь Тимур занял сначала Туркестан, Индию, Русь. Дашти Кипчак, Хорезм, Забулистан, Хорасан, Гилян и Мазандаран, Иран и Ирак, Фарс и Арабистан, Луристан и Курдистан, Шираз и Керман, Азербайджан и Армению, Дагестан и Гурджистан, Анатолию по эту сторону от Малатии. Когда победил Илдырыма, тогда и занял страну по эту сторону от Малатии и прошел через Диарбекир. Кто встретил его, тем не причинил зла, оказал множество почестей и не отобрал владения. Кто отказался и не вышел навстречу, тех перебил, а их земли пожаловал другим.

Прибыл он в город Шама, называемый Дамаском, которым владел подданный государя Мисра. Тот оставил страну и бежал в Миср. Султан Мисра с большим войском двинулся против Тимура. Тимуру доложили: «Султан Мисра с большим войском пошел на вас». Этот с готовыми войсками встретил неприятеля в двух днях от Иерусалима. Трое суток бились днем, а ночью расходились. Султана Мисра убили стрелой, а его войско частью бежало, частью же было перебито. С этой стороны также убили многих, однако победа, а также их казна и добро достались Тимуру. Он прибыл в Иерусалим, помолился в храме Соломона, все разрушенные мечети отстроил и пожертвовал много добра, а христианские церкви разрушил. Мечети построил, а христианам разрушил церкви. Там же в Иерусалиме государь Зангавара и государь Хабаша прислали послов и доставили в подарок множество превосходных и редких вещей: золото и серебро, хорошее и отборное, и драгоценные камни и жемчуга, в количестве ста тысяч, монету из мягкого как воск золота с тиснением распятия; все, что желали, любую вещь из него можно было сделать без молотка и огня; сто пестрых ослов и сто слонов, величиной с осла, двенадцать самандарских кур, совершенно без перьев и без пуха, девять квейшских рыбок, называемых сагангур; сто девочек и сто мальчиков по двенадцати лет, с кудрявыми черными волосами, с белыми, как крупные жемчужины, зубами, статные, хорошо сложенные, прекрасного вида, очень красивые, прелестные, приятные и привлекательные. Они хорошо играли на всех инструментах и на все голоса приятно пели мугамы.

Когда все это доставили государю Тимуру, ему было очень приятно и он развеселился, ибо все заслуживало похвалы. Особенно же понравились и доставили радость кудрявые девочки и мальчики.

Послов приняли очень хорошо, пожаловали им много добра, халаты и другие вещи. Сам Тимур также отправил посла и передал подарки втрое больше присланного ими, все наилучшее, отборное и достойное государей.

Оправив послов, Тимур сам из Иерусалима двинулся на Миср. Сын властителя Мисра, отца которого убили на войне с Тимуром, со своим войском и славными людьми Мисра вышел навстречу государю Тимуру. Увидев войско еще издали, они спешились. Подойдя близко, поклонились государю и поцеловали перед ним землю с большим почтением и покорностью. Когда вступили в город, государев сын устроил Тимура в своем дворце, и в течение шести месяцев сто тысяч человек гостили у него. Пищу и корм для людей и лошадей, одежду и все, что кому требовалось, выдавали из дома сына султана, но не брали у народа.

У государева сына была мать, очень умная и честная женщина. Она так сказала сыну: «Лучше самому отдать, чем возьмут силой. Сегодня наша смерть и жизнь находятся в руках государя Тимура. Наполни двенадцать лотков драгоценными камнями, на один лоток сверху положи и ключи от сокровищницы, и я сама пойду к нему в покои. И этот дар, и сокровища, и страну Мисрскую преподнесу добровольно». Сын одобрил слова матери и послал через нее драгоценные камни и ключи от сокровищницы. Все это доставили Тимуру. Плача и проливая слезы, мать просила не губить ее сына. Государь, увидев, что мать печалится за сына, обливается слезами и не разбирает слов, помиловал их, заставил чеканить в Мисре деньги от своего имени, а остальные сокровища и страну Мисрскую из-за жалости к матери пожаловал сыну и обязал его вносить дары и харадж.

Оттуда снялся Тимур и в день праздника храма Авраама прибыл в Мекку. Совершив там множество добрых и славных дел, он отправился в город Медину, чтобы помолиться на могиле пророка Мухаммада. Там также совершил много добра и сделал большие приношения.

Оттуда Тимур прибыл в Вавилонскую страну, в город Багдад, и зазимовал там. Из Азербайджана он получил весть: «Вот уже десять лет бьемся и не можем взять Алинджийскую крепость. Ее по-прежнему держат грузины». Государь Тимур разгневался, снялся с места и из Багдада прибыл в Тавриз. Там он дал отдохнуть войску четыре месяца, перед тем, как идти походом на Грузию.

Третий поход государя Тимура в Грузию

Прибывшему из похода в Миср Тимуру доложили: «Уже десять лет, как войско воюет за Алинджийскую крепость и не может взять. Ею по-прежнему владеют грузины». Государь остался недоволен этим и пошел походом на Грузию.

Когда находившиеся в Алиндже грузины услышали о выступлении государя, добровольно оставили крепость, бросили также земли вокруг Гелакунского моря, город Ани и окрестные крепости и вернулись в Грузию.

Государь Тимур с большим войском прибыл в Мангуль. Правитель Ширвана Шейх Ибрахим со своим войском сопровождал его. Он был преданным и доверенным лицом государя, его расспрашивал о делах Грузии и слушался его. Он действительно хорошо знал, какой может быть поход из Грузии.

Георгий царствовал в Имерети. Узнав, что Тимур пошел походом на него, был весьма огорчен. Он отправил навстречу Тимуру посланника с дарами и написал просительное письмо такого содержания: «Если дело в подданстве и покорности, мы его слуги, и, что прикажут, будем выполнять. Если он желает даров и дани, по мере возможности каждый год будем доставлять. А если хочет, чтобы мы сопровождали его, поскольку в недавнее время в нашей стране не было вражеского войска и он направил на нас войско, грузины, ради спасения своих семей, вступили в битву и с обеих сторон было много людей перебито. Из-за этого мы не можем явиться ко двору».

Когда это письмо прочитали государю, он разгневался и дал распоряжение войску. Дары царя Георгия разметали и разграбили. А царю Георгию через его человека передали: «Твое дело не похоже на дела других царей. От тебя я видел много беспокойства. Ты должен явиться к нашему двору, или же я не отстану от тебя. А если придешь, такие окажу милости, что все цари будут тебе завидовать. Если ты сторонишься нашей веры, никто не будет настаивать, обяжу платить харадж, отпущу с большими почестями в свои владения. Так было с царем Константинополя. Он тоже христианин и твоей веры, и я с почетом отправил его обратно. Может быть, слышал и ты, каких он добился милости и почестей тем, что явился ко мне, и был возвращен в свои владения. Если придешь, ты удостоишься еще большей милости и отправишься обратно в свою страну. А по-другому я тебя не прощу».

Когда посланник царя отбыл, государю доложили: «Урожай в Имерети уже поспел. Если мы дадим им убрать урожай, нам же будет труднее. Лучше будет, если урожай заберем мы».

Амир шейх Нур ад-Дин с большим войском был отправлен в Имерети. Имеретины попрятались в горах и укреплениях, а урожай убрали тюрки.

Государь Тимур снялся из Мангули и отправился в Имерети. По пути он встретил одну крепость, название которой не упоминается в книге истории. Но такая хвала написана об ее неприступности, что сильнее крепости нет во всем мире. Сам государь Тимур изволил сказать: «Я захватил тысячу крепостей побольше этой, но такой сильной никогда не видел».

Крепость была построена на высокой горе из камня и извести. С двух сторон были глубокие овраги, а вокруг лощины, пересеченная местность и овражки, и было так тесно, что негде было остановиться человеку. Гора была высотой в сто пятьдесят адлей, без лестницы и без веревки невозможно было подняться. Была единственная очень узкая дорожка. И подойти к подножию было невозможно. На таком удивительном месте была построена крепость. Владельца крепости звали Тара. Вместе с ним в крепости было сто пятьдесят человек. Много овец и свиней держал он в горах. Вне крепости находился полный вина погреб.

Несколько раньше государь Тимур проследовал мимо этой крепости, но не осадил ее. На этот раз он пожелал захватить крепость. Он расспросил векилов и везиров. Те доложили: «Эту крепость нельзя захватить силой, а только измором. Если поставить побольше войска, не смогут достать пищи, а если поставить меньше, их истребит неприятель». Государь разгневался на советчиков и приказал войску осадить крепость, и всем подготовить лестницы и камнеметы.

Мелик Амиршах за три дня возвел против той крепости такую башню, что в ней могли поместиться три тысячи человек. Другие воины также построили вокруг крепости две башни. Это было сделано для того, чтобы осажденные знали, что государь Тимур не уйдет отсюда, пока не захватит крепость. Сам государь стал позади крепости. Лестницы и камнеметы поднесли поближе к крепости. Навалили деревья и насыпали землю, и построили высокое укрытие, так что сверху заглядывали в крепость.

Грузины очень надеялись на силу крепости. Все старания и труды государя им казались шуткой и не проявили должной осторожности, иначе ту крепость никто бы не захватил. Тюрки также считали, что ее нельзя взять. Вот почему ни в каком деле не следует быть надменным и дерзким. Сказано: От излишней осторожности у человека голова не заболит. Гарнизон крепости не остерегся, как следует, а тюрки проявили большое старание. Целую неделю бились, но ничего не достигли.

В один четверг, вечером, курд, по имени Бичаг, из племени микри, которые являются прирожденными мастерами лазить по скалам и стенам, лезть на деревья и столбы, тот человек тайно пробрался в крепость, а ночью вернулся и захватил с собой козу. Он зарезал козу и голову поднес государю, а тушу бросил там же. Поднесение головы козы государь принял за доброе предзнаменование и остался очень доволен. Он приказал приготовить длинные и толстые веревки. Срочно скрутили шелковые веревки, подготовили лестницы и камнеметы. Отобрали проворных и расторопных молодцов во главе с Бичагом микри, чтобы те по лестницам забрались в крепость.

Двадцать третьего числа лунного месяца, когда луна восходит поздно и ночь темная, по лестницам тайно пробрались в крепость. Сначала перешел Бичаг с двумя воинами. В той крепости стояло большое дерево. Веревки подвязали к дереву, а концы опустили со стены. Верхнюю часть лестниц веревками крепко привязали к зубцам стены. Пятьдесят человек, поименно названных государем, по тем лестницам забрались в крепость. Увидели они, что грузины спят и не думают оберегать крепость, охвачены мертвым сном. Один хорасанец из жалости громко крикнул: «Аллах, Аллах!». Трубач Махмуд дунул в трубу. Не ожидавшие нападения грузины, услышав эти звуки, вскочили со сна, как ошалелые и помешанные, зажгли свет, схватились за оружие и, выскочив наружу, набросились друг на друга. Поднялся крик — «бей его!» Когда этот крик услышали вне крепости, доложили государю Тимуру и немедленно сели на коней. Напротив крепости был холм, войско поднялось на него и оттуда атаковало крепость.

Забравшиеся в крепость пятьдесят человек из-за тесноты разделились на три части. Трое остались там же, остальные засели в крепости, начали биться. Грузины подскочили к тому месту, где поднялись тюрки, и убили тех трех человек. Абдул Себзеварский подоспел на помощь. Его ранили в двенадцати местах, и он свалился с лестницы. Махмуд-бег ясаул пытался помочь, но его также убили грузины. Пятьдесят человек, с первого раза забравшиеся в крепость, сражались в трех местах. Согласно приказу, войска со всех сторон окружили крепость. Некоторые по лестницам, другие на ногах, остальные ползком атаковали; некоторые по одному проникли по узкой дорожке.

Грузины бились внутри и не опасались атаки, поэтому не укрепили стену. Тюрки посильнее налегли снаружи, взломали крепостные ворота и захватили крепость.

Пока у грузин оставались силы и могли двигать руками, они очень хорошо держались и много тюрок перебили. Владелец крепости Тара имел с собой сто пятьдесят человек, и каждый из них убил пять или шесть тюрок. А из ста пятидесяти человек шестьдесят были живы, но были раненые и больные, и сил совершенно не оставалось, и

помощи ниоткуда не было. Потеряв надежду, грузины попросили залог невредимости. Государь не принял их покорности и послал новое войско.

Узнав, что выхода нет, грузины, кто еще имел силу, схватились за сабли, ринулись на тюрок и еще многих перебили и сами погибли. Крепость заняли турки. Владельца крепости Тару и всех, захваченных живыми, связанных доставили к государю. Поскольку они перебили большое количество людей и доставили много беспокойства, их не пощадили. Мужчин перебили, а женщин и детей забрали в плен. Жену и дочь владельца крепости Тары пожаловали правителю Ширвана. Микри Бичагу и его товарищам, кто остался жив, оказали много почестей. Ту крепость и его округу поручили Бохран-паше.

Турки снялись с крепости, опустили вниз и двадцать дней оставались там, дали отдохнуть коням и людям, полечили раненых и больных. Всех отметили наградами и милостью. Грузинские князья и дворяне окрестных мест прибыли к государю и получили знаки невредимости.

26

Отсюда большое войско отправили в страну Ерзинган

В тех местах, где проживали христиане, некоторых перебили, других увели в плен и все разорили. Церкви и монастыри разрушили, дома сожгли, деревья и виноградники вырубали, крепости, города и села разгромили и опустошили. Всюду, где застали мужчин, истребили, а их жен и детей угнали в плен. Потому поступил так, что находившиеся в Алиндже грузины пришли в их страну. Государь потребовал выдать, но те отказались и ответили, что, мол, их нет в той стране. Кто успел сняться с места и укрыться в укреплениях, те спаслись. Тюркам надоело бороться за крепости, это было трудно. Где только захватили стада, табуны и овец, все забрали. Джавахи преследовали их, догнали и многих тюрок перебили. Часть добычи отбили, но христиане были сильно разорены.

27

Прибытие Тимура в Самцхе, встреча его с атабагом Иванэ и братом царя Георгия Константином

Они поднесли дары и стали проситься таким образом: «Мы покорны государю, и что нам велят, то и будем делать. Если требуете выполнения повинности, мы готовы, и куда прикажите, по мере возможности будем участвовать в походе». Государю понравились их слова, но предложил сначала обратиться в мусульманскую веру. Атабаг Иванэ пригласил его в свой дом, стал перед ним на колени и так доложил: «В этой стране проживают все христиане. Если я отрекусь от веры, не смогу оставаться здесь». В ответ на это государь призвал законников и передал им слова атабага Иванэ. Законники на это ответили государю: «Они не верят в пророчество Мухаммеда и в пришествие от бота ангела и отказываются. Но если будут выплачивать мусульманам джизию и харадж и будут повиноваться, им не возбраняется оставаться в своей вере». Государь поверил оказанному законниками и пожаловал атабагу Иванэ и брату царя Константину халат, корону и сабли.

28

Государь Тимур поставил атабага Иванэ и брата царя, Константина, во главе войска и отправил из Самцхе в Абхазию

Атабага Иванэ и брата царя, Константина, с войском тюрок и месхов отправили в Абхазию. Кто узнал вовремя и укрылся, спасся, а кто не укрылся, тех частью перебили, а

частью забрали в плен. Абхазию пожгли, опустошили и с победой возвратились, явились к государю Тимуру и доложили, что царь Георгий вел себя похвально — уступил дорогу и выдал продовольствие. Государь остался доволен, оказал атабагу и брату царя дополнительные почести, велел привести всех людей из Саатабаго, находившихся у кого-либо в плену, освободил их и пожаловал атабагу.

Государь расспросил атабага о делах Имерети и царя Георгия и изволил сказать: «Как случилось, что ты являешься подданным грузинского царя, а твои владения превосходят его страну?» Тот ответил таким образом: «Сына Лаши Георгия, Давида, тетка его довела до изнеможения. Она привлекла на свою сторону грузин, и выдала дочь за султана Кияс ад-Дина. А Давид по-братски поделил страну с Русудан: за горами Кортохти и Махвило, до Кафы, море и сушу, горы и равнины отдал тетке, а по эту сторону гор, до реки Аракса, оставил себе. Страну, доставшуюся тетке, со всех сторон окружают море и горы, как стена окружает крепость, ни с одной стороны не подобраться врагу. А со страной сына Лаши Георгия, Давида, воюют с этой стороны турки, с той стороны — тюрки, иранцы и арабы, а с севера — осетины и русские. Представителей нашего дома поставили порубежниками к туркам и назначили военачальниками и атабагами. Множество князей и дворян отдали им, поручили также царские города и страны и поставили порубежниками перед турками. На стороне иранцев порубежниками поставили представителей дома Мхаргрдзели. Самих одолели хорезмийцы, опустошили города и страны и перебили людей. После этого войско Чингиз-хана произвело еще большие опустошения, и царь Грузии был сломлен. Наш дед породнился с месхскими князьями и тайно привлек их на свою сторону, скрытно примирился и с государем турок. Стал он проявлять непокорность к своему патрону и присвоил царские владения. Из-за этого царь с большим войском напал на него. Они сразились, и царь был побежден. После того царь был сильно притеснен. В это время на такого побежденного царя напали Чингизовы войска и опустошили Грузию. Царь Деметре отправился с просьбой к Аргуну в Барду, чтобы чем-нибудь помочь своему царству. Тот не принял его покорности, даже умертвил царя, а Грузию отдал другому. С тех пор, разве только по-хорошему, а иначе, как царь, он над нами не имеет власти».

Затем государь изволил сказать атабагу; «Я помню много зла от царя Георгия. Собери свои войска, хочу идти походом на него».

Эту весть Константин тайно сообщил своему брату, царю.

Государю Тимуру доставили от царя Георгия прошение и дары

Царь прислал придворным Тимура подарки и просительные письма: «Окажите содействие перед государем. Обязуюсь платить джизию и выполнять повинность, приму участие в походах на приграничные страны. Но прийти ко двору не могу, боюсь государя».

Собрались везиры, векилы и военачальники, договорились. Прощение и дары царя Георгия поднесли государю, хорошо представили и доложили: «Имерети ни в чем непригодная лесная страна. Придешь туда, царь убежит, а как уйдешь, слева вернется и займет свою страну. Много стран вы завоевали, но столько беспокойства нигде не испытывали, и никто не перебил нам столько людей, сколько погибло здесь. Тюркам надоело воевать за Лихским хребтом. Они жалуются и говорят: «Еще много стран остается незавоеванных. Почему государь хочет, чтобы нас перебили в этом бесполезном лесу?». Царь Георгий обязуется платить харадж, но ко двору не может явиться по той причине, что четыре раза нападало на него наше войско и, ради опасения своей семьи, он вступил в бой и много воинов было перебито. Поэтому, из-за страха он не может прийти ко двору. Умоляем государя, за грехи царя Георгия простить нас, наложить на него

джизию и повинность и не губить больше собственные войска в этих бесполезных лесах». Придворные заранее подговорили также законников и правителя Ширвана Шейх-Ибрахима, чтобы они, если государь пожелает идти походом на Имерети, отговорили его и посоветовали примирение.

Везиры и векилы от имени войска передали просьбу. Государь призвал правителя Ширвана Шейх Ибрахима и законников и спросил: «Царь Георгий обязуется платить джизию и выполнять повинности, но не станет мусульманином и не явится ко двору. Что по этому поводу велят вера и закон Мухаммада?». Законники доложили следующее: «Если он будет выплачивать нам джизию и не будет обижать мусульман, пророк так велит для придерживающихся веры Христовой: «Поскольку платят джизию, не убивай и не воюй против них. Если они будут обижать мусульман, тогда достойны смерти и пленения».

Услышав это от законников, государь велел правителю Ширвана: «Что скажете на это вы?». Тот доложил следующее: «Царь Георгий и нам написал просительное письмо. Такой победы, что бог даровал вам над Грузией, не одерживал ни Александр Македонский, ни какой-нибудь другой государь. И до сей поры они не покорялись никому. Столько мест вы у них опустошили и крепости разрушили, и они обязались платить джизию. Для вас будет честью помиловать их».

Государь послушался его.

Государь Тимур примирил царя Имерети Георгия

Шейх Ибрахим, правитель Ширвана, отговорил Тимура от похода против царя Георгия в Имерети. Тимур простил его, послов вернул обратно, а царю Георгию написал письмо. Когда посол прибыл к царю, и он получил письмо, остался очень доволен и развеселился. Царь Георгий также немедленно отправил своих послов и в качестве даров послал тысячу коней, тысячу монет, чеканенных на имя Тимура, много прекрасных, редких тканей, славные кольчуги и оружие, посуду, граненную из хрусталя или чеканенную из серебра, один рубин бадахшанский, по названию Гврдемла, хорошего цвета, лучшей воды, хорошо граненный, прекрасного вида, весом в восемнадцать мискалей и три марчила. Ювелиры не смогли оценить его из-за высокой стоимости. Все это поднесли государю Тимуру, а придворным преподнесли другие подарки. Государь одобрил дары царя, особенно понравился рубин. Он изволил сказать: «Никто еще не видел рубин такого хорошего цвета, хорошо граненный, лучшей воды и такой величины. Никто из государей не имел, и мне не приходилось видеть».

Говорят, что тот рубин ныне находится в доме государя Индии.

Государь Тимур послал царю Георгию царскую корону, халат и саблю и написал обнадеживающее письмо с большими похвалами.

Снявшись оттуда, он прошеествовал через Картли, погостил у царя Баграта в Тбилиси, дал отдохнуть лошадям и войску и поохотился в Караязи. Царю и его сыновьям, князьям и царским сановникам, всем, согласно достоинству, пожаловал халаты. Оттуда снялся и, охотясь по пути, прибыл в Карабах.

Государь взялся за восстановление города Байлакана. Вымерили окружность стены — две тысячи четыреста шахских адлей, ширину стены — пятнадцать адлей, и высоту — также пятнадцать адлей. Ширину рва определили в четырнадцать адлей, а в глубину вырыли двадцать адлей. Все разделили по размеру среди царей, сановников и владельцев и за один месяц выстроили из обожженного кирпича.

Войску велели шахисевани и из реки Аракса прорыли большой канал длиной в шесть агаджей и шириной в пятнадцать адлей. Глубина была три-пять адлей, а местами вырыли даже шесть и восемь адлей. Начало канала хорошенько обкопали. В маловодье канал

забирал одну треть воды Аракса. Прорыли его за сорок дней и мутный, как от сильного ливня, поток воды привели в Байлакан. Вброд через этот канал можно было переправиться только на сильном коне.

На той же воде построили еще сорок деревень. Доход от Байлакана Тимур пожаловал гробнице шейха Сефи.

Еще много стран завоевал Тимур. В некоторых местах побывал сам, в другие же посылал войско. Тех, кто проявил послушание, возвеличил, а непокорных разорил, строптивых ограбил и истребил. Куда не смог добраться сам, оттуда прибыли послы и доставили лучшие из лучших дары и подношения. Послов Тимур принял хорошо, сам пожаловал им много добра и отправил с ними своих послов. Так он покорил всех. В некоторых местах сделал правителями своих сыновей, в другие же назначил внуков и надежных и верных людей. Большую часть стран он поручил старым наследственным владетелям. Царю Георгию оставил его владения. Пройдя через Иран, Тимур прибыл в Самарканд. Он пожелал отправиться в Китай.

Государь Тимур, направлявшийся из Самарканда в Китай, скончался в пути

Находившемуся в Самарканде государю Тимуру доложили: «Из Китая прибыли купцы и доставили множество редкостных товаров». Государь велел: «Купцов со своими товарами привести ко мне». Купцы прибыли и все, что имели, принесли. Товары были одобрены, и за них заплатили хорошую цену.

Государь стал расспрашивать о китайской стране. Те рассказали следующее: «Государь Китая и народ тамошний не ведают бога, и поклоняются идолу. В городе Хутане живет один человек. К утру он мужает, в полдень вырастают борода и усы, а к заходу солнца они седеют. Смерти он не ведает и, как он скажет, так и сбудется. И государь, и народ той страны подчиняются его воле. Не верят в бога, создателя всего, в страшный суд, в потустороннюю жизнь, в рай и ад, и рассуждают таким образом: «Кто на этом свете творит добрые, благотельные дела, после смерти зачнется в чреве жен государей и владетелей, обретет сущность и родится их дитем, станет лучше прежнего. А те, кто на этом свете творят насилие и зло, родятся или от нищих, или же от четвероногих, от пернатых, от пресмыкающихся или ползающих червей. И как они раньше других притесняли, сами должны будут мучаться». Их государь считает, что, кроме него, на этом свете не было и нет других государей. На государевом дворе установлен такой порядок, что откуда бы ни прибыл в их страну иноземец, купец или другой деятель, пограничная охрана немедленно запишет, какие у него товары, чем он занимается или откуда прибыл. Все опишут, опись представят государю и доложат: «Из такой-то и такой страны прислано вашим подданным». В течение сорока дней хорошо принимают, обеспечат едой и питьем, покажут город и другие примечательные места. По прошествии сорока дней дадут вдвое больше принесенного, приведут ко двору, заставят поклониться, но не позволят лицезреть государя. Дадут на дорогу знак невредимости, и не оставят больше в городе. Должен уйти».

Услышав этот рассказ, государь Тимур изволил сказать: «Видать, той страной владеет дьявол, иначе, где слышано бессмертие человека и изменение цвета лица и волос три раза в день. Следовательно, он несомненный дьявол. Мне надлежит, я обязан перед богом, выступить против него, разбить идолов и разрушить капища, убить того дьявола, что в день три раза меняет цвет волос, и заставить признать истинного бота».

Поход государя Тимура из Самарканда в Китай для обращения в веру

Велел государь Тимур, издали указ, позвали войско и выдали из казны звонкой монетой жалованье за пять лет. Тимур снялся из Самарканда и по дороге через Дашти Кипчак двинулся на Чин и Китай.

По прошествии двухмесячного пути, государь Тимур занемог. Собрались с лекарствами врачи и лекари, но никоим образом не смогли установить болезнь и помочь лекарством. Болезнь осложнилась, и государь почувствовал, что не излечится. Он призвал своего старшего сына, правителя Самарканда, Пир Мухаммеда Джахангира, а также главных людей и сановников государства, и дал много хороших заветов. Ему поручил сыновей и внуков, казну и страны, царей и правителей, и велел: «Возвращайтесь отсюда и войско поверните назад, с государевыми почестями отвезите меня в Самарканд. Оттуда разошлите всюду царям и правителям халаты и высокие письма и сообщите о вашем возведении нами на трон и о моей смерти. Моя казна в твоих руках и мои везиры и векилы находятся при тебе. И поскольку ты вырос при мне, то хорошо помнишь все, что я сотворил на этой земле. Ты тоже действуй таким же образом. Сегодняшнее дело не откладывай на завтра, и не давай врагу времени. По достоинству оценивай службу своих подданных, по заслугам выдавай им награды и назначай содержание. Оказывай уважение законникам и знатым людям, умным, ученым и заслуженным. Крестьян и купцов не притесняй и постарайся как-нибудь уменьшить им подати, порадуй их. Так будет лучше для процветания страны. Вдовам и сиротам назначь пропитание, нищих порадуй милостыней, голодных накорми, голых приодень, насильников припугни и успокой, а с непокорными поступай сурово, разорь их, чтобы не противились твоим приказам.

Бойся бога, держись подальше от зависти и порицания. Великому человеку не поручай малой службы, а маленькому человеку — большой службы. Если тебе надо будет решить какое-нибудь дело, расспроси многих, и вместе, и в одиночку. Выслушай всех, сравни их слова и поступай так, как сам сочтешь нужным. Такими действиями враги твои унижатся, а страна будет процветать. Все станут благословлять тебя, и войско будет довольным и могущественным.

Со злодеями поступай сурово, а с благородными людьми — хорошо. От страха не смогут творить зло. Таким образом усилится твое царствование».

Окончив давать завещание сыну, Тимур призвал своих везиров и векилов, распорядителей государственными делами, царей и правителей, войско и ополчение, и своего сына Пир Мухаммеда Джахангира благословил государем на свое место. Все поклонились ему и поцеловали ноги.

Велел Тимур ввиду своей болезни повернуть обратно вместе с вожак. Призвали мастеров, приготовили паланкин и захотели увезти государя. Ему стало очень плохо, не имел даже силы, чтобы сесть в паланкин.

В пятницу вечером государь скончался. В войске поднялся плач, и все разодрали на себе воротники. Три дня оставались там же. Всем пожаловали халаты. Новый государь отца своего, много потрудившегося ради покорения земель, с душой, отделенной от тела, разумом от головы, и зрением от глаз, положил в носилки. Его накрыли украшенными драгоценными камнями покрывалами. Носилки подняли цари и государи, с великими почестями вернулись и доставили в Самарканд. Его предали земле, а все, добытое с большими трудностями, уничтожением семей, убиением, и пленением, досталось другим. Он унес с собой страх перед страшным судом, а владения захватили разные лица.

В короникон грузинский триста семьдесят седьмой (377) писалось о смерти Тимура. К тому времени, когда пишется это, прошло двести восемьдесят лет, а Индией до сих пор управляют его потомки.

В короникон двести семнадцать (217) скончался шах Тамаз и государем сделался сын его шах Исмаил

Тот освободил царя Свимона из крепости Аламут, призвал в Казвин и дал ему в царство Грузию. Шах Исмаил как раз отправлял Свимона в Грузию, когда его отравили и государем сделали его брата шаха Худабанда. Тот заставил царя Свимона принять мусульманство. Всех взятых вместе с ним князей велел привезти в Казвин, снабдил их конями, оружием, имуществом и всем, чего им недоставало, назначив также содержание.

Царю Свимону из государственных кладовых пожаловали все необходимое, а также верблюдов, коней, мулов и шатры с коврами, навьючили казну и сокровища, дали в царство Грузию и в грамоте назвали братом шаха. С ним отправили мехмандара и он, встречая в пути большие почести и хорошее гостеприимство, прибыл в Картли. Вышли все встречать его, а Амилахори и ксанский эристав не могли оставаться в Картли, так как они вероломно поступили с царицей, и перешла, под защиту царя Кахети. Там они оставались со своими семьями, а их именья царь отдал частью царице, частью — своему брату Вахтангу.

Когда царь Давид узнал, что царь Свимон отпущен в Грузию, тотчас же послал человека к хондкару, взял в помощь войска и передал крепости Грузии туркам, а сам явился ко двору хондкара в Константинополь. Хондкару это было приятно, и он оказал царю большие почести. Сыновья царя Давида не поехали с отцом. Багра́т и Хосров прибыли в дом царя Кахети. Впоследствии оба они царствовали в Картли.

Царь Свимон царствовал в Картли, но крепости были в руках турок. В это время главари кызылбашей так притеснили Шаха Худабанда, что ворвались в гарем к нему и убили сейда, дочь владетеля Мазандарана, честную, умную и хорошую советчицу, которая у него была царицей. Государь долго умолял их не убивать ее и отказывался от престола, но его мольбам не вняли, и убили ее. Турки, узнав, что кызылбаши так притеснили своего государя, выслали великого везира Лала-пашу с большим войском и заняли Кахети, Ширван, Дагестан, Ганджу и Азербайджан, Курдистан, Ван и Нахичевань, Самцхе и Ереван. Хотя крепости Картли были у турок, страна была в руках царя Свимона, и из-за страха перед царем турки не могли выходить из крепостей. Везде в Азербайджане и Ширване сидели их паши, а бегларбега Ганджи царь Александр велел взять и отправить со скованными руками хондкару. И до сих пор Кахети разоряется кызылбашами за это.

Царь Свимон боролся самоотверженно и, чтобы досадить хондкару и сделать приятное шаху, много турок перебил. Во главе своего грузинского войска он поставил двоюродного брата Гочу; из-за страха перед ним турки не выходили из крепостей.

Царь Свимон осадил крепость Гори. Девять месяцев усиленно бились с нею, и как взяли ее, подобравшись со стороны Куры, об этом выше написано. Бывших внутри крепости отпустили невредимыми. Об этом сообщили хондкару. Он разгневался и назначил бегларбега Тавриза Ахта Джафар-пашу сераскиром и с 10-тысячной армией послал против царя Грузии Свимона.

Взяв Горийскую крепость, царь захотел занять и Имерети.

Абашидзе, Чхеидзе и Церетели, также все благородные, живущие по эту сторону речки Цкалцитела, все они перешли на сторону царя Свимона и привезли его в Кутаиси без боя с большими пушками.

Князья же с этой стороны реки Цхенисцкали некоторые перешли к нему, другие же ушли к Дадиани. Царь Свимон из отваги и по гордости своей большую часть грузинского войска вернул назад и так выступил против Дадиани. Царя обманывали, говоря, что не сегодня-завтра Дадиани явится к нему, а Дадиани писали: «Нападите на нас, мы не будем с вами сражаться».

Дадиани напал на царя Свимона в Опишквети и победил его

Те из имеретин, кто враждебно относился к царю Свимону, писали Дадиани: «Нападите на нас, мы не будем с вами сражаться и умышленно побежим от вас». Те, которые узнали, что они советовали Дадиани, доложили царю. Но он никому не поверил и не подозревал, что кто-нибудь осмелится напасть.

На него, уверенного в безопасности, неожиданно напали, а те, которые условились с нападавшими, скрылись в лесу. Картлийцев оставалось мало и вести бой было невозможно.

Кто был на сильных конях, те ускакали вместе с царем, остальные же попрятались в лесах или попали в плен к мегрелам. Казна, имущество и пушки достались Дадиани. Пленных выкупили у одишцев.

Царь прибыл в Гори, послал человека к своему зятю атабагу и сообщил: «Имеретины предали меня, вы наступайте на них оттуда, а я перейду отсюда, и нападую на них».

Тот ответил: «Сейчас не время. Эрзерумский бегларбег с сорока тысячью человек отправлен на помощь моему двоюродному брату Кваркваре и идет во главе войска на меня, а тавризский бегларбег со 100 тысячью человек послан на вас. Сначала подумайте об этом, а с Имерети устроить дело легко».

После понесенного поражения царя очень огорчило известие о наступлении столь многочисленного врага. Он опечалился и послал царицу в Меджврисхеви. Царевич Георгий с большим войском стал в Гори, чтобы встретить с боем вражеское войско, с какой бы стороны оно ни подошло. Царь Свимон отправился в Сабаратиано, чтобы набрать войска. Там ему сообщили, что тавризский бегларбег Ахта Джафар-паша с войском, собранным по эту сторону Сиваса, остановился на берегу Алгети.

Царь Свимон, гордый и бесстрашный и не отступающий ни перед какими опасностями, не стал дожидаться войска Сабаратиано и Сомхити, не дождал также сына с войском Картли. Кроме того, со старых времен битвы на Алгети для грузин были всегда несчастны. Но царь никого не слушал, и людей с ним было мало. Он сказал своему войску: «Ничего нельзя поделать. Так как они только что прибыли, а Тбилиси находится в руках турок, мы не должны допускать их в город, иначе нам станет еще труднее».

Тем, кто отговаривал его от сражения, царь так сказал: «Вы уподобьтесь волку, а противника считайте овцами и мужайтесь. Их строй так велик, что одним взглядом нельзя окинуть начало и конец. Итак, где нападую я, и вы следуйте за мной. Перед богом малое и многое равны».

Никто не мог возразить ему.

Встали грузины и по правилам своей веры исповедались перед своими пастырями, каясь в содеянных грехах, и, причастившись, попрощались друг с другом.

Царь Свимон сразился с турками на Алгети, был взят в плен и увезен в Тавриз, а оттуда с большим почетом отправлен в Константинополь

Окончив прощание друг с другом, грузины взяли оружие и приготовились. Войско турок приблизилось на расстояние выстрела.

Царь тронул лошадь и грузины с копьями на перевес ринулись на мчащихся конях вперед, как ливень, как поток воды с гор после града; разорвали строй турок и, многих выбив из седла, врезались в ряды противника, сражаясь самоотверженно и сильно. Они держались прекрасно, и турки были удивлены их храбростью. Сбросив с коня одного, они оставляли его и обращались к другому, и каждый грузин сбил с коня четырех и пятерых турок.

Царь, с копьем в руке, на какой бы отряд ни напал, всех разбивал, и противник расступался перед ним. Но их войско было так многочисленно, что если бы они даже и не двинули рукой, грузины и в десять дней не смогли бы их перебить. Грузины устали от битвы, многие из них были убиты ружейным огнем.

После долгих просьб грузины повернули царя обратно и когда турки увидели, что грузины повернули назад, обрадовались и погнались за ними. Грузины ускорили бег своих коней.

Кто-то случайно толкнул лошадью коня царя, который скакал по узкой дороге с глубокой грязью, и царь с конем увяз в грязи.

Много старались, но не смогли его выволить оттуда. В это время их настигли турки и множество грузин погибло, защищая царя. Но и этим не помогли ему. Царь стоял по колено в грязи, отстреливался из лука, и никто не смог подступиться к нему.

Один паша Бараташвили узнал царя и доложил Джафар-паше: «У него не осталось никого из войска и, увязший в грязи, он также гордо отстреливается из лука».

Паша выехал вперед посмотреть на царя. Увидев его, был удивлен и изволил сказать: «Этого еще никто не делал, чтобы в течение пяти часов выдержать сильный и трудный бой, побежденному и лишенному войска увязнуть с конем в грязи и еще стрелять из лука. Убить его не достойно человека, пусть никто не стреляет в него из лука или из ружья. Войскам отойти и позвать сюда землекопов, пусть они раскопают грязь, просушат дорогу и вызволят царя».

Снова подошел паша Бараташвили и от имени великого везира доложил царю: «Не помогут вам ваши старания, мы хотим взять вас живым, а то могут выстрелить из ружья и убить». Рассерженный царь ответил ему: «Сын твоего отца, почему пугаешь меня смертью? Я рожден для того, чтобы умереть». Бараташвили продолжал говорить царю ласковые и приятные слова: «Того, что ты сделал сегодня, не творили ни Ростом, ни Ваханг Горгасал». Эти хорошие слова были приятны царю, и он так ответил ему: «Клянусь солнцем моего отца, живым я не сдамся никому, кроме Джафар-паши». Бараташвили пошел и доложил эти слова Джафар-паше.

Все турки были поражены. Такая львиная доблесть царя понравилась Джафар-паше. Царя вывели из грязи.

Великий везир вышел ему навстречу, обнял царя и расцеловал. Царь так оказал ему: «Да будет блаженна ваша мать, что родила такого сына, взявшего на охоте такую дичь, как я».

Паша так ответил ему: «Моя мать была очень богомольной. Есть такая ночь, называется она Лейлет ул-геджа. Кому придется в ту ночь просить о чем-нибудь бога, его желание исполнится. В году одна такая ночь. Моя мать нашла эту ночь и просила о моей победе. Потому мне дана такая победа, а то я не достоин того, чтобы взять тебя в плен. Но вы, как сокол, разлетевшийся за голубем, попали в сеть, и это сказано в персидском стихе: «Мурги зирак чун бедаом офтад, тахамул баидаш».

Царь понял, что он говорит. Сказал ему: «Если не буду терпеливым, что я могу сделать». Царю оказали большие почести, разбили для него царские шатры, и у кого были пленные грузины, всех заставили привести к царю.

Паше доложили: «Его сын, Георгий, с грузинским войском стоит в Гори, и они надеются на помощь с его стороны».

Один из музыкантов стал напевать: «Симон хан алгетда, алгетда».

Турки опасались грузинского войска, поспешно снялись оттуда, взяли царя Свимона и ушли.

В короникон двести восьмидесятый царевич Георгий получил в Гори известие, что вчера отец его сразился на берегу Алгети с турками и был взят живым в плен.

Тотчас же был отдан приказ по войскам. Время было за полдень. Царевич Георгий выступил из Гори с людьми на добрых конях, проехал по Кватахевской дороге. На другой день прибыли усталые к тому месту, где турки снялись с лагеря.

У кого лошади еще имели силу, те в ту же ночь бросились вдогонку за врагом. Джафар-лаша увел царя Свимона через гору Гокча.

Грузины догнали отставший неприятельский обоз, много добычи взяли и вернулись.

К царевичу Георгию собрались все грузины и венчали его на царство. Грузины твердо стояли за него и верно ему служили.

А царя Свимона привели к хондкару.

Турки хотели Картли для царя Давида, но царь Давид скончался, и грузины стали просить хондкара отпустить к ним царя Свимона. Множество драгоценных камней и жемчуга послали ему и сына царя Георгия, Давида, заложником привели к нему, чтобы взять царя Свимона.

В это время хондкар получил известие, что у шаха Худабанда отнял царство собственный сын шах Аббас, который взял в жены дочь царя Свимона, Пахриджан-бегум, и, истребив всех неверных и ослушников, пошел походом на Азербайджан.

И без того хондкар обвинял царя Свимона в приверженности к шаху, а теперь еще известие такое получил. Напрасны оказались расходы, понесенные грузинами, они и царевича Давида потеряли, и царь Свимон остался в Турции.

Поссорились между собой турки и кызылбаши, и начались война и баталии между ними.

36

Шах Аббас сделался государем

Царь Свимон скончался в Константинополе. Его смерть огорчила шаха Аббаса. Он захотел взять Азербайджан.

Некоторые из главных лиц Тавриза были по торговым делам при шахе в Исфахане, другие же были посланы в Тавриз, чтобы сообщить шаху, когда настанет время напасть на турок.

Ахта Джафар-паша умер, и на его место прибыл другой паша. Курдские владетели не повиновались ему, и тавризский бегларбег напал на них с азербайджанским войском и много вреда нанес.

О выступлении паши из Тавриза на курдов тавризцы срочно написали шаху. Шах еще раньше приказал ардебильскому бегларбегу Зульфикар-хану: «Так как страна вокруг тебя занята турками, ты держи на постоянном жаловании пятнадцать тысяч человек, имей их наготове и, когда получишь наш приказ, сделай то, что будет повелено».

37

Поход шаха Аббаса и прибытие его на восьмой день в Тавриз

Встретил его Зульфикар-хан с большим войском за Шиблой, у озера. Когда кызылбаши увидели издалека войско Зульфикар-хана, они доложили шаху: «Показалось большое войско, нас мало. Как нам поступить?». Шах так изволил сказать им: «То войско послано Муртузом-Али на помощь нам, и его меч Зульфикар тоже среди них». Так они говорили, когда Зульфикар пришел и поцеловал у шаха ноги. Государь был рад его прибытию. Зульфикар-хан принес ему хорошую весть: «Паша еще не вступал в Тавриз, он разгромил курдов и много добычи взял. Он распустил войска, и те ушли к себе, а сам паша с малым числом людей пошел на охоту к озеру. Шах изволил оказать ему: «И ты хорош, и твое сообщение хорошо, и войско у тебя хорошее, но вот посоветуй, что нам следует сейчас сделать?». Тот доложил: «Мы отправим вперед под видом путников несколько человек. Там стоят их таможенные, захватим их, чтобы не падали вести в Тавриз. И пусть государь этой ночью прибудет в Тавриз, и если паша уже прибыл, другое придумаем, а если его там еще нет, — Обсудим и это. Слава Ваша велика и грозна, и

счастье велико. Мы преградим ему дорогу и откуда бы ни пришел, поймем с божьей помощью».

Сделали так, как он сказал. Таможенных перебили. В ту же ночь шах вступил в Тавриз, и некоторые из главных лиц Тавриза ночью пришли и облобызали ноги государя и доложили, что паша еще не прибывал.

Шах был рад этому сообщению. В ту же ночь отобрали испытанных людей на добрых конях и поставили их на той дороге, по которой вступали в город. Шах ехал поодаль. Паша, которому ничего не было известно о приготовлениях противника, увидел издали войско, в котором ни у кого не была белым повязана голова. Он подумал, что ему преградили дорогу курды, войско которых он разгромил раньше.

Паша переменял коня и приказал войску: «Осмотрите подпруги у коней и приготовьте оружие».

Пока управлялись с этим, приблизилось войско и началась стрельба и стычки. Турки увидели, что это кызылбаши, но поздно уже было избежать боя. Их было мало, но мужественно и храбро выдержали они бой, дрались, не щадя себя, и держались хорошо. Пока было возможно, рубились саблями и большой урон нанесли противнику. Но государь и кызылбаши все заранее обдумали, их было много и все были отборные воины, к тому же государь обладал сильным счастьем, и их дела шли хорошо.

Под пашой убили лошадь, и его взяли пешего, а бывших с ним турок некоторых захватили, другие пали в бою, остальные успели укрыться в Тавризской крепости и укрепили ее.

Взятого в плен тавризского пашу привели к шаху и поздравили государя с победой. И шах изволил сказать паше: «Как же это ты распустил азербайджанское войско и оно разошлось по домам, а ты один пошел на охоту». Паша доложил: «В этом нет вины моего ума, виновато ваше счастье, так как счастье государя полнеет, и от него многие подобные мне паши хуеют».

Эта речь понравилась шаху, и он оказал паше большие почести. Шах пожаловал в Тавриз и подступил к крепости. Тавризцы, у которых зятья были турки, отрубили им головы и поднесли шаху. Крепость тавризскую взяли и большую добычу захватили там. Так как в это время турки воевали с франками, они не смогли прийти на помощь Азербайджану.

Государь ту зиму стоял в Тавризе, весной осадил Ереванскую крепость. С ним были царь Георгий с войском Картли и Александр с войском Кахетии.

Царь Георгий и царь Александр пришли на подмогу шаху под Ереваном

Царь Георгий с войском Картли и царь Александр с войском Кахети пришли на помощь шаху под Ереваном, крепость взяли, и шах щедро одарил картлийцев и кахетинцев.

Он с большим почетом отпустил царя Георгия в Картли и велел ему: «У тебя пограничные места, — скорей езжай туда и хорошо охраняй». А царю Александру так изволил сказать: «Ваш сын Константин воспитан мною и достоин быть царем. Я дам ему многочисленное войско, а вы с вашим войском помогите ему занять Ширван, который я даю ему. Отсюда я буду подсоблять, оттуда вы укрепите ему тыл, и он усилится».

Однако говорили, шах был зол на царя Александра за то, что тот ганджийского бегларбега, скованного по рукам, отослал хондкару. Шах и Константину наказал: «Я очень зол на твоего отца. Когда займешь Ширван, убей своего отца, а я и Кахети тебе отдам».

Прибыв в Ширван, кызылбаши и грузины осадили крепость Кабалу. Изнутри турки, а снаружи грузины и кызылбаши стали сильно биться и сражаться. Очень хорошо

держались кахетинцы и ловко сражались. Внутри турки, а снаружи кызылбаши были изумлены львиной доблестью грузин и их стойким радостным боем.

Взяли крепость Кабалу, заняли Ширван, поставили царем Константина, сына царя Александра

Разгневался бог на Константина, поправ он сыновний долг, убил и отца и брата своего.

Это очень оскорбило и разгневало кахетинцев, и они напали на дом Константина, чтобы убить его.

Сам Константин бежал в чужую страну, его не могли найти, но его казну, имущество и обстановку кахетинцы разгромили и разнесли.

Константин бежал, а убитых царя Александра и его сына по обычаю грузинскому привезли в Кахети, в Алавердскую церковь. Там собрались картлийцы и кахетинцы. Каждый внес на поминки соответственно своему положению и состоянию и исполнил все по закону христиан.

Константин прибыл в Ардебиль и о происшедшем написал шаху. От шаха он получил приказ: «Собери азербайджанское войско, возьми с собой казну шейха Сефи, Ширван принадлежит тебе. Напади на кахетинцев. Кто будет врагом тебе, того убей, а кто окажется верным, — того возвеличь».

На пятый месяц вернулся в Ширван Константин с большим войском. С ним были некоторые из кахетинцев, некоторые же нарочно примкнули к нему.

Царица — вдова Кетеван царствовала в Кахети. Молодой Теймураз находился при шахе. Пришла весть, что Константин двинулся с многочисленным войском и хочет взять в жены царицу Кетеван.

Это известие царица написала царю Георгию в Картли. Тот немедленно послал на помощь царице Кетеван Папуну Амилахори с войском Верхней Картли, а сама царица собрала всех кахетинцев с семьями на войну. И они поклялись друг другу, что своих жен и детей поставят под знамена у царицы, а сами будут сражаться впереди. Так и сделали. Картлийцы и кахетинцы продвинулись вперед от знамен, а с той стороны Константин выехал вперед от своего войска.

Бывшие с Константином кахетинцы так ему оказали: «Грузинским войском командует ваш дядя, и он предпочтет вас. У царицы нет сына. Ради кого же кахетинцы будут сражаться против своего наследника — царевича?». Вы выступите немного вперед, и когда кахетинцы узнают вас, они пришлют человека просить вас. А дальше поступайте так, как найдете лучшим».

Тот послушался, отделился от своего войска и подъехал близко к войску кахетинцев.

Изменили ему, напали и стали разить и спереди и с тыла.

Убили кахетинцы Константина, который после убийства отца жил шесть месяцев.

Сказано в старом персидском стихе:

Педаркуш падшахира нешайед.

Агар шайед, беджуз шеш мах непайед.

«Отцеубийца не может быть государем;

если же станет, больше шести месяцев не продержится».

Это старая поговорка, и случилось так, как сказано в ней.

Об этом происшествии написали шаху Аббасу. Он очень огорчился, но не показал виду и так изволил сказать:

«Да не погибнет рука свершившего это. Отцеубийца заслуживает худшего».

В это время прибыл из Картли гонец с известием о смерти царя Георгия. Шах был в Ардебиле. Он хотел ехать в Мазандаран и Гилян, но не поехал. Царю Луарсабу послали халат и саблю, а в государственной грамоте назвали сыном.

Шах пожаловал Кахети царевичу Теймуразу и велел поставить ему трон по грузинскому обычаю. Посадили на него Теймураза и венчали государем. Шах подарил ему большую золотую чашу и кызылбашам и грузинам повелел то же самое, и все по мере возможности осыпали его золотыми и серебряными монетами.

Устроили хороший пир и застолье, из государственных кладовых обеспечили его всем необходимым — золотом и серебром, драгоценными камнями, шатрами и коврами, конями, мулами и верблюдами, снабдили всем, что полагается государю, возвеличили, дали мехмандара и послали царствовать в Кахети.

Великая радость охватила всех грузин и в особенности кахетинцев. Больше всех радовалась мать; как пропавшего Иосифа его отец Яков обрел царем, так и к ней в дом явился царем венчанным пропавший юноша, царевич Теймураз.

40

Первый брак царя Теймураза с дочерью Гуриели

Царица, и духовные, и светские лица, князья и дворяне Кахети все стали предлагать Теймуразу жениться, и он согласился. Выбрали епископов и князей, послали их к Гуриели и попросили у него дочь в царицы Кахети.

Гуриели это было приятно, он отдал дочь и отправил ее с хорошим приданым и убранством. Друзьями отправили с нею избранных старцев и епископов, князей и дворян, умных и ученых, и нравственностью совершенных, добрых людей.

Кахети тогда была в цветущем состоянии. Сыграли яркую, славную свадьбу. Три месяца развлекались пирами, игрой в мяч и охотой.

Всех гостей приняли хорошо и такое множество подарков им поднесли, что те уехали изумленными. И сейчас в Гурии с удивлением вспоминают изобилие даров, привезенных тогда друзьями.

Дочь Гуриели забеременела. Она была очень умная, и велик был в ней страх божий. Богомольная и справедливая, много заботилась о нищих и вдовах и сиротах, чтילה служителей веры и уважала князей и дворян. Телом стройная и прекрасная, лицом прелестная и красивая, поступками добрая; она строила святые церкви и монастыри и много жертвовала им; подносила щедрые дары монахам, наставникам и священникам; многотерпеливая, она никого не обижала, со всеми обращалась как с братом, как дочь, с женщинами как женщина. Была она покорна свекрови и боязлива, и к мужу питала большую любовь.

Она родила двух сыновей. Одного звали Леван, другого Александр. Скончалась она рано, и сильно горевали и плакали по ней кахетинцы. Церковь в Шуамта она возобновила, разрушенное вновь выстроила. Спустя сорок пять лет Парсадан Горгиджанидзе прибыл в Шуамта, увидел эту церковь и сказал следующие стихи:

Хахульскую церковь «Всех святых» царица воздвигла,

Употребив на нее все свое приданое.

И, уйдя от брэнной славы, райской жизни там достигла.

Стыд, тому кто не помянет, не воздаст хвалы.

41

Второй брак царя Теймураза с царицей Хорешан

Когда окончили траур по царице, дочери Гуриели, стали просить у царя Картли Луарсаба сестру в царицы Кахети.

Но дед царя Теймураза, Александр, и бабушка царицы Хорешан (сестры Луарсаба) царица Нестан-Дараджан были братом и сестрой, детьми Левана, и по христианским законам те не могли сочетаться друг с другом браком. Не разрешали этого и законники. К тому же Хорешан была обещана хану арагвского эристава. По этому случаю созвали собрание, чтобы обсудить, как сочетать браком внуков брата и сестры.

Законники решили ради объединения и усиления христианских стран разрешить этот брак.

У царя Георгия осталось двое сыновей, один царь Луарсаб, а второй — царевич Давид, который был послан к хондкару на выкуп царя Свимона. Тогда и деда не смогли выкупить и царевича Давида потеряли. Было у него две дочери. Старшая — царевна Лела, которую шах назвал Фатьма Султан-Бегум и сам женился на ней, и царица Хорешан, которую выдали за царя Теймураза.

Однако некоторым из картлийцев и кахетинцев не понравилось заключение их родственного союза и объединение Картли и Кахети. Они со злобой донесли шаху. Шах огорчился и, разозлившись, пригласил обоих на охоту в Мазандаран, чтобы испытать их.

И тут враги ввели в заблуждение их и отговорили от поездки в Мазандаран, и те же, которые их отговаривали, усилили доносы на них и оправдали слова прежних доносчиков. Желавшие их гибели еще больше напугали их и внушили страх.

Царь Луарсаб был женат на сестре моурава Саакадзе. Грузины принудили царя развестись с нею и захотели схватить моурава. Моурав узнал это и бежал. Он прибыл к своему тестю, Нугзару Эристава. Царь просил примирения. Они так ответили: «Мы не причиняли вам никакого зла, а вы происками врагов у одного из нас отняли пожалованную в невесты девушку, другому же вернули замужнюю женщину. Тот, кто это вам посоветовал, желает нас погубить. Мы, как ваши подданные, могли бы примириться с этим, но враги наши могут использовать это для наговоров. Поэтому без клятвы мы не можем вам больше довериться».

Это известие очень разгневало царей, они собрали войска Картли и Кахети и вступили во владения эристава.

А те укрыли свои семьи в крепость Арши. Эристаа Нугзар с одним из своих сыновей и моурав с верными слугами ночью выбрались из крепости и, избегая дорог, прибыли к шаху. Они наговорили на царей шаху.

В это время шах получил донесение от тбилисского минбаши, что крепость Арши взяли, а владение эристава, разорив его, передали Агатангу. Эта весть рассердила шаха. При его дворе были некоторые из знатных людей Кахети, жаловавшиеся на царя Теймураза. Они присоединились к моураву и посоветовали шаху совершить поход на Картли и Кахети. Они убедили в этом шаха, и был отдан приказ о походе.

Поход шаха Аббаса на царя Луарсаба и царя Теймураза, увод царя Луарсаба, разорение и пленение Кахети

Великой грозой и с многочисленным войском шах прибыл в Карабах. Узнав об этом, царь Теймураз послал ему навстречу свою мать, царицу Кетеван и сестру свою Елену с двумя своими сыновьями — Леваном и Александром, со многими дарами и с просительными письмами.

Шаху это понравилось и он захотел вернуться. Кызылбаши также не хотели этого похода, но бывшие при нем картлийцы и кахетинцы стали просить шаха и говорили ему: «Мы и наши дети являемся заложниками здесь у вас, и если вашему войску будет причинен какой-нибудь вред, всем нам отрубите головы. Раз уж вы изволили пожаловать

до этого места, то поохотьтесь в Грузии. И как вам будет угодно, так и распорядитесь, а затем, охотясь и развлекаясь, вернитесь обратно. Государь согласился с ними, мать царя Теймураза отправил в Шираз, и ее впоследствии за то, что не оставила своей веры, предали мучениям, а сыновей Теймураза оскопили.

Шаха привели в Грузию. Так как в Картли и Кахети много было ненадежных лиц, цари не решились сразиться с врагом и, снявшись со своих мест, укрылись в Имерети у царя Георгия. Тот встретил их хорошо.

Шах прибыл в Никози и оттуда послал отряды разорять Осетию. А царю Георгию он написал грозное письмо: «Наши подданные пришли к вам, верните их обратно, в противном случае я пошлю на вас войско». Тот написал в ответ просительное письмо: «Если слуга боится господина, это надо зачесть ему за преданность. Эти люди боятся вас. Если я им все же откажу, они уйдут в Абхазию. А Имерети, если даже будете разорять, кроме мамалыги, ничего не достанете здесь. А кто никогда не ел мамалыги и съест ее, — сделается паршивым. Они, то есть Луарсаб и Теймураз, по своей воле не могут явиться к вам».

Получив такой ответ, шах послал через Сару-ходжу в Имерети, царю Луарсабу от сестры клятвенные письма и написал царю Георгию следующее письмо: «Если царь Луарсаб не хочет нас, то и мы не желаем его, вы тоже из рода Багратиони, пришлите к нам вашего сына Александра, мы его сделаем царем в Картли».

А Сару-ходже наказал сделать так: «Эти письма тайком покажи царю Луарсабу; если он захочет поехать к шаху, то уже не показывай то письмо царю Георгию».

Когда Сару-ходжа со своим дьявольски льстивым языком встретился с царем Луарсабом и очень ему понравился, он показал ему письма сестры и так доложил: «Я кое-что хочу сказать вам секретно, если не выдадите меня».

Царь от чистого сердца дал ему клятву: «Как я могу выдать вас».

Сару-ходжа сказал: «Я пришел, чтобы забрать царевича Александра, которому шах отдал ваше царство». И показал: «Вот его грамота, хотя я не стою того, но, однажды, я так полюбил вас, что хочу за вас пострадать. Теперь, если я передам эту грамоту царю Георгию, как бы он не схватил вас и не отправил со своим сыном и как бы не привели вас туда в положении не приличествующем вам. Если же вы решитесь отправиться в Турцию, я последую за вами и эту грамоту не покажу царю Георгию».

Юноша-царь так ответил ему: «Если мы уедем в Турцию и ты не передашь эту грамоту, какая нам будет от этого польза? Тот, кто написал ее, напишет и другую. Если ты знаешь что-нибудь другое, что будет нам полезно, то посоветуй мне».

Тот доложил: «Что прикажите, то я и буду стараться исполнить».

Царь сказал: «Я напишу сестре письмо, а ты напиши счастливому шаху прошение, чтобы он пожаловал нам грамоту на безопасность. Наши отцы и деды долго служили государевой семье, и я тоже ни в чем не провинился. Если он не поверит словам моих неверных слуг и не погубит меня, я поеду».

Сару-ходжа обрадовался и тотчас же написал шаху об этом. Когда доложили шаху, он сейчас же написал Луарсабу клятвенные грамоты. И как Адам был соблазнен дьяволом, так и царь Луарсаб был обманут Сару-ходжой, и он поехал к шаху. Теймураз остался на месте.

Царь Луарсаб прибыл из Имерети в Картли к шаху

Когда шаху доложили о прибытии царя Луарсаба, было повелено, чтобы все вышли встречать его. С большим почетом привели его к шаху.

Шах принял его как сына и много обнадеживающих слов ему сказал. Снявшись оттуда, шах пожаловал в Гори.

Из Гори он прибыл в Тбилиси. По обоим берегам реки — от Мцхеты до Тбилиси стояли войска. Их послали в Кахети и восемьдесят тысяч дымов грузин, армян и евреев, князей и дворян, согнали со своих мест и погнали в Мазандаран, некоторых же рассеяли по другим краям.

Кахети отдали Иасе, внуку Александра, и векилом приставили Давида Асланишвили. Картли дали царю Баграту, сыну царя Давида, а царя Луарсаба с его приближенными с почетом увели с собой.

Моурав оказался хорошим слугой шаха, он доложил ему: «Ты так много чести оказываешь царю Луарсабу, что царя Баграта никто не будет поддерживать здесь, уповая на того же Луарсаба».

Государь поверил словам врага, царя Луарсаба с его слугами отослали в Астрабад. Прошел год, кахетинцы привели из Имерети царя Теймураза, прогнав Иса-хана.

Снова доложил моурав шаху: «Так как кахетинцы привезли царя Теймураза, то и картлийцы будут пытаться привлечь на помощь русских, послать корабль и увезти царя Луарсаба морем».

Вследствие таких речей, у Луарсаба забрали его приближенных и разослали по разным местам, а самого Луарсаба послали пленником в крепость Гулаб.

Шах прибыл в Исфахан. Туда же приехал гонец царя Баграта с известием: «Имеретины напали и разграбили Верхнюю Картли и мы также хотим разорить Имерети, каково будет повеление государя?».

Эту весть доложили шаху.

Моурав воспользовался случаем, и так доложил шаху: «Пока царь Луарсаб жив, Грузия не успокоится».

Послали человека, и царя Луарсаба задушили в крепости, сестру царя Фатму Султан-Бегум отдали Игирми Дордлу Пейкар-хану, и послали его правителем в Кахети. Царь Теймураз с пятьюстами человек ушел к хондкару в Турцию, прибыл в Константинополь и просил у хондкара войска.

Тот так изволил ему ответить: «Мы с шахом единоверцы. Я не могу дать вам войска против него».

Разговор хондкара с царем Теймуразом

Хондкар сказал Теймуразу: «Ты просишь войска у нас против кызылбашей. Мы с ними одной веры, а ты христианин. Законники запретят дать вам войска против них, но если ты сделаешься мусульманином, они разрешат нам, и мы поможем вам войском».

Теймураз ответил: «Я для того и стараюсь столько, чтобы не оставить свою веру и не принять ихнюю. Как же я могу перейти в вашу веру».

Эти слова царя очень не понравились хондкару, Теймуразу стали оказывать меньше почестей и не назначили больше ему встречи.

Царь Теймураз уехал разгневанный из Константинополя со своими пятьюстами человек. На третий день об этом доложили хондкару. Тот повелел разослать повсюду гонцов, закрыть ему дороги и не пускать. Повсюду, куда прибыли гонцы, перекрыли дороги. Но где только Теймураз встретил военные отряды, разбил их и продолжил путь. Семья у него была в Самцхе, в крепости.

Один из подданных ереванского хана Табун-Султан вызвался привезти к шаху семью царя Теймураза. Шах обрадовался этому и обещал тому большие почести.

Царице Хорешан приснился сон, сбывшийся в тот же день

У подножия крепости, в которой пребывала царица, был сад. В пору цветения роз она сошла туда вместе с сопровождающими. В ту же ночь ей приснился сон, будто весь сад заполнился змеями. «Все они тянулись укусить меня, — рассказывала царица. — Я бежала от них в крепость, и змеи погнались за мной. Я успела забежать в крепость, а по воздуху прилетели коршуны и растащили змей. Вставайте, подымимся в крепость. Не оставайтесь здесь».

Было за полночь, они подошли к воротам крепости. Но стража не открыла ворота ночью.

На рассвете войско кызылбашей напало на тот сад. Гарнизон узнал это, взял царицу в Олтисскую крепость и открыл стрельбу в неприятеля сверху из ружей и пушек.

Возвратившийся из Константинополя царь Теймураз, услышав пушечные выстрелы, подумал, что это преследовавшие турки опередили их. «Кто может, пришпорьте коней», — приказал он.

Приблизившись к крепости, узнали, что это кызылбаши, и стали противники разить друг друга. С обеих сторон дрались мужественно, но кызылбаши были перебиты, и царь Теймураз победил. Так скоро сбился сон царицы.

В это время царь Теймураз получил из Кахети известие: «На Арагви предательски были перебиты кахетинцы, всем отрубили головы. Поскорее идите на помощь».

Теймураз тотчас же снялся, быстро проехал Картли и прибыл в Кахети. Узнав о прибытии своего царя, кахетинцы все перешли к нему.

Пейкар-хан бежал из Чоетской крепости. Прибыл в Барду и о случившемся написал шаху.

Шах назначил полководцем Аликули-хана Шамлу и с большим войском послал на царя Теймураза, чтобы как-нибудь его захватить. Войско кызылбашей зашло в тыл и стало на Арагви. Царь Теймураз прибыл в Сагурамо и стал в крепости. Он просил у Аликули-хана дать дорогу, чтобы уйти. Тот не дал. Теймураз передал: «Завтра я пройду с саблей в руках». Приближенный картлийского царя Баграта Байндур Эристави был при Аликули-хане и передавал сведения о кызылбашах царю Теймуразу. Обо всем, что он делал или говорил, в тот же день сообщал.

Битва на Арагви царя Теймураза и Аликули-хана Шамлу. Победа царя Теймураза

Аликули-хану доложили: «Царь Теймураз велел передать, что завтра пройдет с саблей в руках». Хан приказал: «Все запаситесь конями и оружием. Везде на переправах поставьте ружейников и постарайтесь, чтобы он не ушел от вас». До рассвета перекрыли дороги, а как рассвело, построили отряд и стали дожидаться царя Теймураза. Он прибыл поздно. Ему показали войско, но оно не выступило вперед.

Теймураз послал человека к Байндур Эристави с просьбой: «Помоги мне и попроси Аликули-хана, пусть напишет просительное письмо шаху, чтобы он оставил меня на моей разоренной земле и не заставлял скитаться по чужим дворам. Если же нет, хоть вас и много, а нас мало, куда бы мы ни отправились, все же будем возвращаться сюда. Не оставим вас в покое, но и не сразимся с вами».

Обрадованный Аликули-хан послал человека к Теймуразу и попросил у него прощение к шаху, чтобы послать его с гонцом. И приказали войску спокойно сойти с коней. Все разошлись по сводам шатрам и сняли с себя оружие. Некоторые стали молиться, другие сели поесть, а некоторые заснули.

В это время, когда все было спокойно, караульные закричали: «Опасайтесь, пришло войско!».

Загремели трубы и поднялся крик людей и ржание лошадей. Пока собиралось войско, грузины были уже среди кызылбашей. Стали раздаваться крики: «Бей их! Урузбу гидилари», а в некоторых местах началась и стрельба из ружей.

Кызылбаши не выдержали и, бросив все свои вещи и имущество, кто верхом, а кто пешком бросились бежать и укрылись в Тбилиси. Некоторые из них утонули в Куре и Арагви.

Шатры, вещи и другое имущество кызылбашских ханов и султанов целиком достались Теймуразу. Всем князьям он пожаловал по одному ханскому и султанскому шатру и имущество. Сам же он расположился в шатре Аликули-хана. Добыча так подешевела, что даже половину не разобрали. Верблюды продавались за один абаз. Что принадлежало Аликули-хану, то Теймураз оставил себе. Остальное все приказал раздать войску.

Говорили, что с сотворения мира грузины не одерживали более блестящей победы.

Шаху написали об этой битве.

В то время царь Баграта был тяжело болен, и шах послал: к нему лекаря Мирзу Дауда, который не смог, однако, ему помочь. Какое лекарство он ни давал, все оказывалось бесполезным.

О великом поражении Аликули-хана и кызылбашей, о разгроме войска и истреблении кызылбашей, о бегстве Аликули-хана и смерти Баграта — о всех этих недобрых вестях написали и послали шаху с гонцом.

Смерть царя Баграта. Царем шах назначил его сына Свимона и отправил вместе с ним Карчига-хана с большим войском

Моурава и Зураба Эристави считали врагами Теймураза. Поэтому их отпустили вместе с царем Свимоном, а Карчига-хану повелели — во всем, что будет предпринимать, спрашивать их совета.

Царя Свимона поставили царем в Тбилиси, а Карчига-хана послали против царя Теймураза. Моурав и Зураб прогневали бога, попрали они хлеб и соль шаха, нарушили долг слуги перед своим патроном, за великие милости шаха отплатили ему изменой и стали вести тайные переговоры с Теймуразом. Они поклялись Теймуразу и взяли с него клятву, и моурав так научил его: «В такое-то время напади на нас с войском, и когда будут садиться на коней, я сам ударю копьём Карчига-хана и убью его, а после делайте то, что найдете нужным». Об этом написали царю Теймуразу.

На другой день вдруг караульный неожиданно закричал: «Сверху идет войско». Стали садиться на коней, и Карчига-хан приказал: «Держите наготове коней и кликните моурава».

В это время моурав в полном вооружении подъехал со своим отрядом к шатру Карчига-хана. Его пригласили сойти с коня. Но он сказал: «Сейчас не время, приближается войско неприятеля. Пусть он выйдет и сядет на коня». Срочно подвели коня. Карчига-хан вышел, чтобы сесть на него; вдев ногу в стремя, он приподнялся.

Забыл моурав бога, собственной рукой вонзил ему в бок копьём и сбросил на землю; засыпали ударами отца с сыном и убили обоих.

Картлийцы и кахетинцы ворвались в лагерь. Одних они убили, другие же бежали. Весь лагерь, имущество, лошади и мулы, верблюды и поклажа — все досталось грузинам.

Царь Свимон ушел к шаху, Теймураз занял Картли и осадил Тбилисскую крепость. Открыли ружейную стрельбу с Таборской горы и взяли нижнюю крепость. В крепость же Нарин-кала не смогли проникнуть.

Горожанин Гарсоа, сын Чаноа, дал знать городскому минбаши: «Когда придет благоприятная весть от шаха, я накину на себя что-нибудь красное и стану в такое место, чтобы меня можно было видеть с крепости, а вы держитесь стойко». Отвели воду от Нарин-кала, и гарнизон стал страдать от отсутствия воды.

Минбаши города и уроженец Гори Георгий Горгиджанашвили были побратимы. Минбаши послал к нему человека сказать: «Сейчас как раз время, чтобы ты оказал услугу семье шаха. Мы очень страдаем без воды, помоги как-нибудь с водой». И тот в ту же ночь поднялся с одним человеком на гору и пристроил обратно на свое место снятые деревянные желоба, пустив по ним воду Сарсарака. Она до рассвета текла в Нарин-калу и наполнили там колодцы и бассейны. На другой день с утра увидели, что со скалы течет вода. Разгневанные послали вверх человека и снова отвели воду, но того, кто пустил воду, не нашли. Гарнизон же, получив воду, собрался с силами и не сдал крепость.

Из крепости тайком выбрались два человека и пришли к моураву. Моурав расспросил их о положении крепости. Они ответили: «Потому не сдали крепость, что есть один горожанин, зовут его Гарсоа. Между ним и минбаши условие: если придет благоприятная весть от шаха, он накинет на себя красное и покажется гарнизону, поэтому осажденные твердо держатся. А воду дал гориец Горгиджан, ради своего побратима минбаши». Услышав это, не стали расследовать дальше. Гарсоа отрубили голову, повесили Горгиджану на шею и так водили по городу. Из Имерети в это время приехал митрополит Кутатели. Когда Горгиджана провели мимо дверей его дома, узнал его и, взяв под защиту, спас.

К этому времени пришло известие, что Иса-хана корчибаши назначили полководцем и вместе с царем Свимоном и большим войском отправили в Грузию.

Об этом доложили царю Теймуразу, бывшему в это время в Табахмеле. Он тотчас же призвал к себе картлийцев и взял клятву с кахетинцев в том, что они будут верны и будут сражаться с кызылбашами. Устроили совет, призвали опытных в военном деле людей. Некоторые решили, что лучше пустить кызылбашей до Мцхеты и напасть на них с высот, охватив с обеих сторон. «Так как мы, — говорили они, — будем в защищенных местах, перебьем их из ружей». Моурав и Агатанг сказали: «Если мы так сделаем, жители Сабаратиано уйдут от нас и перейдут к ним. Они хорошо знают дороги, проведут войско через Дидгори и заберутся к нам в тыл. Так как у нас много войска, лучше встретить врага в поле. Они не смогут выдержать рукопашного боя и, будучи сломлены, не посмеют больше с нами сразиться».

Битва на реке Алгети между Иса-ханом корчибаши и Теймуразом, в короникон триста девятнадцатый

Сначала победили грузины, и кызылбашы обратились в бегство. Из-за жадности к добыче грузины потерпели поражение и были перебиты. Весь Иран пошел на маленькую Грузию. Построили отряды по правому и левому флангам и поставили впереди ружейников. Бегларбег Азербайджана со своим войском скрылся в лощине на правом фланге. Прославленные в боях грузины, отборные бойцы на добрых конях, за ними и остальное войско продвигались вперед медленно до расстояния на ружейный выстрел, а потом закрылись щитами, копыя взяли на перевес и понеслись вскачь. Двенадцать тысяч ружейников осыпали их пулями, но волею бога, они не смогли ничего сделать. Ружейники бежали, и грузины врезались в ряды кызылбашей. Пошли удары копьем, сабли и булавы обрушивались на шлемы. Сам царь Теймураз встретился с бегларбегом Еревана Амиргуна-ханом. Он ударил копьем Теймураза и ссадил его на круп коня. Подоспели грузины и перерубили у Амиргуна-хана копьё. Царь снова сел в седло, и, разгневанный, с силой налетел на противника. И тот обратился навстречу ему. Но Теймураз был очень

быстр. Он стремительно напал на противника и с такой силой всадил в него копье, что разбил подставленный щит, рассек у него налокотник и сломал руку. Переломив и свое копье, он сбросил его с коня.

Каджары бросились на помощь бегларбегу, налетели и грузины, и много погибло народу. Каджары очень постарались и вывели Амиргуна-хана из боя, но через немалое время он умер от той же раны. Некоторые же говорили, что сын его Тамазкули-хан, желая получить власть, дал смешать в мазь мышьяк и потому тот умер.

Корчибаши стоял под знаменем на возвышенности. Грузины, увидев столько усыпанных драгоценными камнями предметов, корон, султанов, сабель, кинжалов, седел и конского убранства, забыв об опасности поражения, прельстились добычей и жадно набросились на нее. Эристав Зураб и сын моурава Автандил пришли, чтобы наложить на имущество запрет и помешать другим захватить добычу, хотели все взять себе. И вот, стремясь побольше набрать добычи, грузины смешались в беспорядке, не доведя до конца бой и не дожидаясь победы. Азербайджанский бегларбог Шахбанда-хан выступил со своим войском, с громом труб. Впереди несли развернутое белое знамя и громко кричали: «Шах гелди, шах гелди!». И грузин заставляли кричать с плачем, что Теймураза убили. С одной стороны, страх перед наступлением шаха, с другой же, весть о смерти Теймураза расстроили грузин. К тому же и добычи они набрали много, и потому никто уже не мог их сдержать. Они пошли в сторону Коджори.

Узнав об отступлении грузин, корчибаши обрадовался и осмелел. Он собрал бежавших с поля битвы кызылбашей Шахбанда-хана и погнался за грузинами, убивая всех, кого настигал. Пешие грузины устали, у них не было сил идти дальше. Они собирались местами и бились до последней возможности, пока не погибли. Кого могли достать, не оставляли в живых, и сами погибали. Их настигло и войско, которое вел корчибаши. Увидев, что грузины не имеют сил идти пешком, для истребления их корчибаши оставил ружейников, а сам тех кызылбашей, у которых были свежие лошади, послал вдогонку за грузинами. Они гнались за ними до подножья Коджорской крепости. К тому времени наступила и ночь.

На другой день войско кызылбашей поднялось и выступило вперед. При первой встрече грузины убили много кызылбашей, но под конец, из-за желания захватить добычу и отсутствия единодушия, им пришлось бежать. Пять тысяч князей, дворян и крестьян было убито, и кто спасся, тот вернулся к себе. Население Картли и Кахети снялось и перебралось в Имерети по четырем дорогам, но была такая давка, что только сильные могли пройти: за четыре дня едва успели перебраться туда. Их настигло войско кызылбашей и взяли четыре тысячи пленных, кроме остального имущества и добычи.

Весь урожай Картли и Кахети достался кызылбашам. Грузию сожгли и разорили. И каждый раз разорение Грузии происходило от несогласия грузин между собой и желания захватить добычу. И все-таки они не перестают поступать так.

Дочь Имамкули-хана, жена Андуканара Амилахори, была в крепости Арши

Сестра Амилахори, Тамар, была женой шаха Аббаса, и он очень ее любил. Получили приказ шаха, вступить во владения эристава, взять дочь Имамкули-хана и выслать к нему. Послали войска, часть по Ксанскому ущелью, часть по Арагвскому. При вступлении в ущелье их пропустили, когда они подошли к крепости, им выдали дочь Имамкули-хана, но при возвращении устроили завал на дороге и напали на них с тыла. Три дня дрались, пока очистили путь и с трудом смогли сбросить с дороги деревья. Некоторые при этом погибли, другие ушли в сторону Кахети, остальные повезли дальше семью Амилахори. Шахбанда-хана убили, а Каза-хана, правителя Ширвана, взяли живым. После его тайком

увезли из плена. Семью Амилахори послали к шаху, а Андукапар Амилахори бросился с Тбилисской крепости и умер. Его жену и детей привезли к шаху.

Царю Свимону дали в помощь ганджинского хана и поставили царем в Картли.

Когда войско кызылбашей ушло из Грузии, Теймураз и моурав переехали обратно из Имерети в Картли. Они стали оспаривать друг у друга власть над Картли, потому что ксанский эристав Иасе и владетель Мухрани Теймураз были зятя моурава, а сам был женат на дочери аратского эристава. Царь Теймураз дал Мухрани сыну своему Датуне, сам же владел частью Картли и всей Кахети.

Царь Свимон помирился с Зурабом Эристави и владения Мухрани отдал ему, отдал также некоторые деревни из Вахтанговских, назвал его отцом и взял с него клятву в верности.

Царь Теймураз без борьбы уступил Картли и прибыл в Кахети. Моурав, владетель Мухрани и ксанский эристав ушли в Имерети.

Теймураз одного черкеса, зятя Зураба. Эристави, по имени Георгия, которого он сам же обогатил, дав имение на границе, на берегу Иори, подослал к эриставу, обещав тому передать во владение Тианети и свою дочь в жены, если он убьет царя Свимона.

Попрали законы отношения подчиненного к патрону, нарушили клятву, данную перед богом, жадность и желание захватить побольше помutilи рассудок у Зураба Эристави, и убил он в Цхвилоси доверившегося ему царя Свимона, когда тот опал.

Оттуда он поскакал в Цавкиси и напал на пребывавшую там внучку шаха, царицу Джаханбану-бегум. Он отнял все, что было у нее, и громко стенающую и кричащую повез ее до Дигоми. К нему прислали человека от Теймураза сказать, что это внучка государя Ирана и нельзя причинять обиды царице.

Царицу, ограбленную, вместе с ее приближенными привезли в Тбилиси.

Горе ей, несчастной, у которой убили мужа, отняли царство и бесчестно ограбили — ей все рассказали в Тбилисской крепости: и то, что ее дед шах Аббас умер, и что на престол шахский взошел ее двоюродный брат шах Сефи, и то, что отца ее, Иса-хана корчибаши, и братьев перебил шах — все эти ужасные вести в один день открыли царице. Да не услышат ничьи уши то, что услышала тогда царица, пусть ни с кем не случится то, что случилось тогда с царицей Джаханбану!

50

Об этом происшествии минбаши Тбилиси написал Шаху

Шах Сефи был новым государем, об этом происшествии написали ему.

Теймураз занял Картли и стал в Гори. Там он выдал свою дочь Дареджан за Зураба Эристави. Царица Хорешан не хотела этого, так как они были виновниками разорения ее родины. Но нельзя было отказывать, потому что моурав оспаривал у Теймураза власть над Картли.

Если бы Зурабу Эристави не дали они свою дочь, он бы перешел на сторону моурава и помог бы ему занять Картли.

51

Битва у Базалети, схватка Теймураза с моуравом

Эристави Зураб стал усиленно помогать царю Теймуразу. Местом битвы выбрали Базалети. На подводящие к тому месту дороги пустили воду, чтобы образовалась топь. Но моурав хорошо знал те места, он стороной обошел болото и другой дорогой привел свое войско к месту битвы. Передают, что моурав оказал: «В бою я встречу с Теймуразом и

сравню свою старость с его молодостью». Он также послал передать царю Теймуразу: «Я буду сидеть на коне такой-то масти, оденусь в такого-то цвета панцирь. Пусть царь сообщит свои приметы».

Об этом доложили царю. Он сказал свои приметы и так и снарядился, собираясь схватиться с моуравом.

Это не понравилось Зурабу Эристави и он сказал Теймуразу: «Государь должен сражаться с государем, а не с подчиненными слугами. С приметами, какие вы изволили указать, мы снарядим кого-нибудь равного по рангу Саакадзе человека и заставим их сразиться друг с другом». Так и сделали. Снарядили одного молодого кахетинца из родовитой семьи, и когда ряды построились, тот с быстротой молнии напал на моурава. Моурав подставил щит, сломал ему копье и разошелся с ним. Моурав повернул коня и ударил противника копьем. Тот тоже сломал ему копье о свой щит. Догадался моурав, что это не царь Теймураз. Еще раз стремительно напал тот на моурава и, ударив саблей по голове, разбил шлем и, хотя не ранил его, но сильно ущемил. Он громко воскликнул: «Блажен тот слуга, который приносит себя в жертву за патрона!». Сказав это, он напал на противника. Так как тот юноша был без шлема, моурав ударил его саблей и рассек ему голову. И он упал с коня.

Бросились друг на друга оба войска, и начался жестокий бой.

От единоборства на саблях с тем юношей моурав ослабел, он не смог сам сражаться и смотрел, как бились другие. Обе стороны сражались сильно. Наконец победа осталась за Теймуразом, и противники его бежали. Их стали преследовать, множество имеретин захватили в плен и привели к царю Теймуразу. Было приказано — никого не убивать, а отрезать по одному уху и отпустить.

Моурав, владетель Мухрани и ксанский эристав, взяв с собой и некоторых других родовитых лиц, пришли к хондкару. Им дали три-четыре пашалыка и оказали большой почет.

Шах и хондкар враждовали друг с другом из-за Багдада. Хосров-пашу послали с большим войском на Багдад. Моурава и бывших с ним грузин отправили вместе с Хосров-пашой на Багдад. Когда они подошли к Эрзеруму, Абаза-паша восстал и занял крепость. Хосров-паша осадил крепость и после больших усилий взял ее.

Моурав и грузины очень хорошо держались при взятии крепости. До хондкара дошла слава о них и ему было передано: «Если бы не моурав, Хосров-паша не смог бы взять крепость».

Сестра хондкара была женой Хосров-паши. Она написала мужу: «Ты великий везир и сераскир. Сюда приходят вести с хвалой моурава, а твоей славы нет». Вследствие этого Хосров-паша велел убить моурава, его сына, владетеля Мухрани, и всех бывших с ними. Когда весть об этом дошла до хондкара, он очень огорчился, но до возвращения Хосров-паши из Багдада ничего не сказал. Когда же он прибыл обратно, хондкар спросил его: «А где же моурав?». Тот ответил: «Он был вероотступником, и я приказал убить его». Хондкар велел: «Джалат гелсун!» и Хосров-пашу передали в руки палачу и умертвили мучительною казнью.

Картли и Кахети владел Теймураз, но Тбилиси не был в его руках. Царица, картлийцы и кахетинцы были против Зураба Эристави и по разрешению царицы решили умертвить его.

Они говорили царю: «Эристави Зураб убил своего законного царя, он непременно убьет и вас и захватит себе Картли и Кахети. А когда Хосров-паша вернется, дядя царя Свимона, кулларагасы шаха, не простит нам его крови. Итак, лучше мы убьем Зураба, голову его пошлем шаху и обвиним его в смерти царя Свимона. Таким образом, мы отведем от себя кровь царя Картли и гнев повелителя Ирана».

Они убедили Теймураза в необходимости этого, пригласили Зураба Эристави в Сапурцле и изменнически убили его за столом. Затем вторглись во владения эристава,

взяли дочь царя царевну Дареджан в Гори и отдали ее сыну царя Имерети Георгия, Александру.

Хосров-паша был в походе на Багдад, поэтому не спешили с мщением за кровь царя Свимона. Пришла весть: «Ростом-хан одержал победу над Хосров-пашой, и турецкое войско вернулось обратно». «Нам лучше послать голову эристава Зураба шаху и оправдаться перед ним, — сказали приближенные Теймуразу, — может быть, этим мы смягчим государя».

Теймураз согласился с ними, послал голову Зураба Эристави шаху и написал: «Царь Свимон был нашим родственником, он по повелению государя царствовал в своем наследственном владении. Этот слуга изменил и убил его. А у нас обычай, взыскивать за кровь. Поэтому мы убили его и голову представляем ко двору государя». Это было приятно шаху, царю Теймуразу отдали и Картли и Кахети, прислав ему также халат и грамоту.

Грамоту и халат получили в то время, когда у царя Александра была свадьба, и по этому случаю стали еще больше веселиться. Некоторые же из грузин были огорчены всем этим. Теймураз приготовил хорошие дары и послал шаху Сефи через управителя двора Реваза Чолокашвили.

Но кахетинцы вели себя по отношению к картлийцам надменно, говорили, что покорили их мечом, обращались с ними пренебрежительно.

Картлийцы сердились на это и не хотели иметь своим царем Теймураза. Они искали путей и средств каких-нибудь, чтобы избавиться от него.

Багдадский поход сорвался. Шах вернулся обратно.

Повествование о царе Ростоме, сыне царя Давида, который раньше назывался Хосров-мирзой

Он был братом царя Баграта, а царь Свимон был сыном Баграта. За многочисленные заслуги и успехи шах пожаловал ему должность кулларагасы, он занимал также пост моурава Исфахана.

В короникон триста тринадцатый шах Аббас скончался в Мазандаране, и стараниями царя Ростом в Исфахане на престол вступил шах Сефи. Грузины улучили время, решив, что сейчас нет хозяина в стране.

Делами Ирана распоряжался царь Ростом. Так как Хосров-паша выступил в поход на Иран, Ростом не говорил ничего о мщении за кровь своего племянника, царя Свимона и сказал: «Его я уже не смогу воскресить. Сначала нам надо отбить Хосров-пашу, а за кровь царя Свимона взыщу потом». Он не стал с этим спешить и отправился на помощь крепости Багдада.

По благостному велению божьему царь Ростом одержал победу над Хосров-пашой. Войско турок вернулось обратно. Шах изволил прибыть в Багдад.

Брат Имамкули-хана, Дауд-хан, бегларбег Карабаха, был глупый и гордый человек. Ради царя Ростом шах однажды выгнал его из пиршества, и эту обиду Дауд-хан не мог забыть. Поэтому он стал завязывать сношения с царем Теймуразом. Они дали друг другу клятву и захотели занять Азербайджан, решив сначала перебить главных лиц каджаров, а затем взяться за остальных. Они отрубили головы у семисот каджаров, и картлийцы, имеретины и кахетинцы совершили набег и разорили Ганджу, Барду и Карабах.

Царь Теймураз разорил Ганджу и Карабах

Царь Теймураз захотел совершить набег на Карабах. Леван Дадиани с войском Одиши, царь Александр с войском Имерети, месхские князья и дворяне, картлийцы и кахетинцы, все собрались и опустошили и разорили Ганджу и Карабах до Аракса. Царь Теймураз находился в Барде, когда к нему прибыл гандзасарский католикос армян с большим войском и подарками.

Он сказал царю: «Хондкар и шах враждуют между собою. Более подходящего момента не может быть. С вами находятся войска всех семи частей Грузии. Сорок тысяч ружейников я приведу к вам. Продолжайте поход до Тавриза, разрешите войскам семь дней грабить Тавриз в счет жалованья за семь лет службы. И пока шах соберет свои войска, смените начальников Азербайджана, везде посадите своих людей, меня пошлите к хондкару, я приведу от него в помощь войска. Если шах выступит против, сразимся с ним. Они не смогут выдержать боя с грузинами, так как у грузин путь бегства длинный, и знают, что, если побегут, никуда не уйдут, их перебьют в дороге. Поэтому никто и думать не будет о бегстве, будут биться изо всех сил, и победа будет за вами. Вас венчают великим государем, и христианский мир обретет через нас свободу и могущество».

Царь не принял этого совета и так ответил ему: «Я пока занимаю Карабах, в Ширване же властвует сын моего подданного. Этой зимой я прибуду в Картли, пошлю дары хондкару, дам отдохнуть войскам, а весной соберу еще большее войско и выступлю сюда».

Католикос, услышав это, проговорил на своем языке — «кови гуге».

Царь понял, что тот сказал, засмеялся и ответил: «И тебя, и Дауд-хана я возьму с собой, приду в Гори. Войска, полные богатой добычи, вернутся к себе».

Монах прямо оказал: «Ради коров и овец не стоило приводить сюда Дадиани и имеретинского царя, этого добра можно было достать и в Картли и Кахети. Государь Ирана не даст тебе времени, чтобы ты во второй раз собрал такое многочисленное войско. Не сегодня-завтра пошлют на вас войска, и вместо овец и коров они уведут пленных».

Не принял царь совета монаха, снялся из Ганджи и привез в Гори Дауд-хана с его семьей и со всем его имуществом и армянского католикоса с его церковною утварью. Для Дадиани и царя Александра и для месхских князей устроил пиры и охоты в Варианском лесу и у Царского родника в Гори, развлекая их, и, одарив всех богатыми подарками, отпустил.

Из Ганджи ко двору шаха прибыли с жалобой. Измена Дауд-хана, избиение каджар, разорение и опустошение Ганджи и Карабаха царем Теймуразом, увоз Дауд-хана в Картли — все это доложили шаху Сефи. Разгневался шах и приказал привести Имамкули-хана, правителя Шираза, брата Дауд-хана, с детьми. Некоторых из них убили, другим же выжгли глаза.

В гневе на Дауд-хана шах Сефи убил брата его Имамкули-хана с детьми

Дауд-хан был братом Имамкули-хана. Он изменил шаху, позволил Теймуразу разграбить Карабах, а сам ушел в Турцию. Шах Сефи велел перебить Имамкули-хана и его детей, а сыновей Дауд-хана оскотил. И в Турции не достиг Дауд-хан почета из-за своей гордости и зря погубил семью брата. В старину еще сказано — «Не будет добра тому, кто изменит своему господину, если он не вынужден к этому несправедливым притеснением со стороны патрона».

Шах рассердился и на царя Теймураза и Грузию отдал царю Ростому, отправив вместе с ним Ростом-хана Саакадзе с войскам Ирана, а также находившихся при шахском дворе грузин, за которых попросил Ростом.

Вперед были посланы Амилахори Бежан, ксанский эристав Заал, Твалдамцвришвили Давид с сыновьями, Панвелишвили Бахута и Роин Джаглаги, Мачабели Тамаз,

Цицишвили Папула, Турманбег Турманидзе, царский сановник Имерети Чхеидзе Теймураз, Бараташвили Хасанбег и Мелик Садат, мелик области Сомхити Атабег со своими братьями, кахетинец Андроникашвили Отиа, Кахабер, Элизбар Свимонишвили, Деметре и Роин Панвелишвили. Сомхитскому мелику повелели написать такое письмо к грузинским князьям: «Вашу челобитную передал счастливому шаху. Шаху было приятно и принял ее, отдал вас вашему же наследственному царю и своему кулларагасы и отпустил вместе с ним к вам тавризского бегларбега Ростом-хана с войском Ирана. С помощью бога и мы будем у вас осенью».

Царь Теймураз стоял в Дигоми. Устроили так, что письма попали к нему в руки, и Панвелишвили, который вез письма, захватили в дороге и привели к царю. У него отобрали письма и прочитали. И всем тем кахетинцам, к которым были обращены эти письма, дали знать, что в руки Теймураза попали такие-то письма. История с этими письмами напугала грузин, и никто не пришел к нему. Войско подошло близко, и царь Теймураз созвал войско Грузии, чтобы сразиться с кызылбашами, но, кроме Иотама Амилахори, никто не пришел.

А царь Ростом уже вступил в Карабах. Войны не случилось. Царь Теймураз снялся из Дигоми и прибыл в Гори. И там не собралось у него войско Картли, стали ждать помощи из Имерети.

Но и имеретины также не смогли прийти на помощь, так как Дадиани воевал с ними. Про такое положение сказано: «Кому не благоприятствует судьба, тому и кашаца обломает зубы».

В Гори царь Теймураз получил известие, что войско Ирана вступило в Агджакалу и все население Сабаратиано присоединилось к нему. Теймураз снялся из Гори и прибыл в Квишхети. Царь Ростом с иранским войском вступил в Тбилиси, и большинство князей встречали его. Там же ему доложили, что Теймураз остался без войска.

Отобрали две тысячи человек на добрых конях и послали из Тбилиси в Квишхети, чтобы напасть на Теймураза. Но и тот узнал об этом и послал вперед семью и имущество, а сам с прислугой следовал позади. Кое у кого из преследовавших Теймураза стали лошади, немногие из них догнали уходивших, но остерегались боя, захватили несколько отставших, не могущих двигаться дальше людей и имущество, и привезли их в Гори к царю Ростому.

Теймураз перешел в Имерети. Картли наводнили кызылбаши.

В короникон 317 построили Горийскую крепость, Грузию поручили царю Ростому

Место, где раньше была крепость, измерили, поделили между войсками, и за двадцать дней выстроили крепость и, закончив ее, охрану поручили нуринскому минбаши месху Мусимбегу с мазандаранским ружейниками. К царю Ростому пришли и поцеловали ноги все князья и дворяне Картли, кроме Парсадана Цицишвили, а тот опасался командующего, так как у них была друг с другом старая вражда. Это рассердило главнокомандующего, он послал отряды войска во владения Цицишвили, дал им пограбить, и те вернулись, захватив множество пленных. Узнав об этом, царь Ростом разгневался и прислал главнокомандующему человека передать ему: «Грузия и так разорена. То, что осталось, вы хотите сейчас разрушить. Над чем же я буду царствовать?». Они рассорились по этому поводу, и оба написали прошение шаху.

От шаха пришло повеление. Главнокомандующему со своим войском двинуться на Ванскую крепость, а ширванскому бегларбегу с войском Карабаха охранять царя Ростом.

Когда главнокомандующий ушел из Грузии, Парсадан Цицишвили, а также другие, укрывавшиеся в разных местах, вернулись к себе. Стали строить, пахать, сеять. Сменили управителей, князьям и дворянам пожаловали имения, которыми они владели раньше. Устроили совет, стали обсуждать, решили породниться с Леваном Дадияни. Отправили к нему посланников просили его сестру, славную среди женщин, Марию, в царицы Грузии. С такой просьбой отправились посланники, те также остались довольны и отдали ее.

56

Царь Ростом просит у Левана Дадияни сестру Марию в царицы

Когда митрополит Тбилисский прибыл к Левану Дадияни просить его сестру Марию в царицы Картли, все очень обрадовались. Они согласились и приняли обручальные подарки. Удовлетворенные посланники вернулись обратно и сообщили царю Ростому. Он послал гонца к шаху и представил ему на рассмотрение вопрос о породнении с Дадияни. От шаха он получил одобрение и свадебные подарки. Он же прислал бегларбега Ширвана Пару-хана, чтобы по достоинству отпраздновать свадьбу царя. Когда Пару-хан прибыл в Гори, пожалованные шахом свадебные подарки послали Левану Дадияни и просили его назначить время и место встречи, а также срок свадьбы.

Дадияни написал: «В такое-то время я с большим войском прибуду в Имерети. Вы тоже приезжайте туда с войском и встретимся во владениях Чхеидзе».

Получив это известие, царь Ростом сделал все распоряжения и двинулся с большим войском.

Оттуда прибыл Дадияни с большим войском. Сестру его еще до этого перевезли через горы. Царь стоял в Сурами. К нему прибыл человек и рассказал: «Дадияни с многочисленным войском прибыл во владения Чхеидзе. А царь Георгий с небольшим числом людей приехал на муле посмотреть на войско Дадияни сверху, с гор. Слуги изменили ему, предали и дали знать о нем Дадияни. Тот встретил его готовым и захватил царя Георгия; некоторые из бывших при царе были взяты вместе с ним, другие же ушли. Об этом сообщили царевичу Александру, к которому и собрались все имеретины и венчали его на царство».

В продолжение двух лет Дадияни держал у себя царя Георгия. За выкуп отдали золотую корону, много золотой и серебряной посуды, оружие, осыпанное драгоценными камнями, пограничные области, роды Чиладзе и Микеладзе, отдали также всех проживавших в Чхари купцов-армян. На все это богатство Дадияни выстроил город Рухи. Выкупили царя, и он вернулся в Кутаиси. Такая легкомысленная попытка царя развлечься разорила Имерети.

Пока был жив Леван Дадияни, имеретины были притеснены этим. Поэтому человек, занимающий высокое положение, не должен совершать малые и не приличествующие ему дела.

57

Начнем повествование о той же свадьбе царя Ростом

Отсюда торжественно двинулись грузины с большим войском, а оттуда Дадияни пришел с многочисленным войском и убранством. Встретились в Имерети, устроили друг другу пиры и поднесли и приняли множество даров. Пятьдесят тысяч марчилов шах Сефи прислал в подарок Левану Дадияни. Кроме того, назначили ему жалованье тысячу туманов в год. А больше этого Левану Дадияни поднес царь Ростом. Всех одишцев — монахов и священников, князей и дворян, придворных чинов и управителей, слуг, больших и малых, каждого одарили соответственно его положению. Те также поднесли подобным же образом дары, и в добром порядке, с царским приданым и с обильными

дарами, и сопровождении знатных князей и дворян, слуг, няней и прислужниц, все украшенные совершенным царским оружием и убранством, солнце, взошедшее с Черного моря — царицу Марию повезли в Картли. Дружками дали ей епископов их страны, Гуриели, называемого царем, ее родственника вместе с его князьями и дворянами. Сопровождали ее также главнейшие из знатных одишских князей. Дадиани вернулся в Одиши. Царь прибыл в Гори. Шесть месяцев пировали и проводили время в охотах, радуя всех раздачей подарков.

Из Гори приехали в Тбилиси и здесь устраивали им пиры и охоты. То были у царя, то их приглашали к себе князья. Все подносили приношения и одаривали подарками.

Гуриели и другие дружки прислали к царю человека и просили отпустить их домой. Царь приказал дать каждому соответственно коня, оружие, ковры и одеяния, шатры, золотые и серебряные столовые приборы, осыпанные драгоценными камнями сабли и кинжалы, султаны, украшенные золотом седла и удила, винные кувшины из серебра и украшенные золотом чаши, узкогорлые кувшинчики, воронки и азарпешы, ткани франкские, турецкие и кызылбашские, парчу и кушаки, златотканые тюрбаны, чалмы, пояса и мечи. Гуриели — золотой, а остальным — серебряные; кроме того, подарили двенадцать семерок мулов и двадцать семь породистых лошадей. Царь сам проводил их до Али и Колбаурской дорогой отпустил домой. Царь вернулся в Гори.

58

К едущему на свою свадьбу царю Ростому вернулся из Сурами Датуна Эривави

Он опасался мести за то, что его брат Зураб убил племянника царя Ростом, царя Свимона, ожидал разорения и смерти. Некоторые из-за христианской веры предпочитали царя Теймураза и старались возмутить народ. Они напугали Датуну Эривави, что царь Ростом не оставит его в живых.

Эривави снялся ночью, перешел в свое владение и послал оттуда человека к Теймуразу, приглашая его приехать в Картли. Но, так как его брат Зураб Эривави был убит Теймуразом, то последний счел это приглашение за обман и не доверился ему. Об этом сообщили царю Ростому. С большим войском царь прибыл в Мухрани и оттуда послал к Датуне Эривави посредников, обещая ему неприкосновенность.

Он также обещал послать его к шаху и вернуть обратно с почетом. Когда тот прибыл и лицеизреп царя, Ростом с большим почетом принял его.

Однако Эривави никогда не снимал на пиру саблю. И сам царь не доверял ему. К тому же человек, посланный Эривави к Теймуразу, при возвращении был схвачен и письма, написанные Теймуразом, попали в руки царя Ростом. Об этом узнал Давид Эривави и хотел бежать. Об этом доложили царю, а Эривави предложили — снять оружие. Тот наотрез отказался и не снял. Тогда захотели силой отнять у него оружие. Возмущенный Эривави схватился за кинжал, некоторых убил, других ранил. О случившемся доложили царю. Царь велел напасть на него. Набросились на Давида Эривави и убили его в Мухрани.

59

Умерщвление Давида Эривави в Мухрани по приказанию царя Ростом в короникон 319

После убийства Датуну Эривави в его владения были посланы войска. Они сожгли и разгромили Душети, Базалети, Сашабуро, прибрежные места Арагви и, кроме них, другие местности.

Царь восемь дней стоял в Душети. С вечера до утра везде происходили нападения и стычки. С рассветом же нигде не находили никого, так как, как только при нападении собиралось войско, нападавшие пропадали как черти. Соратники Эристави собрались и поставили эриставом Заала.

Царь Теймураз был в Имерети. При нем и ксанский эристав Пасе. Заал Эристави послал к Теймуразу человека с клятвенными грамотами и просил приехать. Об этом там же во владениях эристава сообщили царю Ростому, и сказали также о прибытии Теймураза. Царю доложили: «Здесьняя местность связана у них с удачей, здесь они одержали победу над моуравом. Кроме того, и наши войска предпочитают их нам. Надо отсюда выбраться. Вам следует ехать в Гори или же в Тбилиси». Царь послушался их совета, снялся оттуда и отправился по дороге на Тини.

60

Заал Эристави напал на своего повелителя царя Ростом на Тинской дороге

Царь снялся и передний обоз по Тинской пороге двинулся на Сабурдиано. Когда они, проехав Базалети, вступили в лес, на арбы, нагруженные имуществом князей, напали затаившиеся в лесу подданные эристава, разбили арбы и преградили дороги. Местами из лесу открыли из ружей огонь и, пока удалось расчистить дорогу, они нанесли большой урон, а арбы сбросили с дороги. Царь Ростом с войском прибыл в Сабурдиано. Ему сообщили, что ксанский эристав Иасе тайком напал и убил ксанского эристава Заала и перешел обратно в Имерети. Царь разослал приказы и отовсюду созвал войска. Они были посланы против появившегося снова Иасе Эристави.

Еще пришло известие, что Теймураз проехал Картли и прибыл в Кахети. Его видели в пути владетель Мухрани Бахута и Йотам Амилахори. Передавали, что Теймураз переправился через реку у Сапурцле и прибыл в Кахети. Из-за этого поход царя Ростом расстроился.

К шаху послали гонца и написали об этом.

В это время хондкар Султан Мурад пошел походом на Ереван. Мысли шаха были заняты этим и на сообщение царя Ростом он не обратил внимания.

К этому времени еще пришло известие: «Вчера ночью царь Теймураз прибыл в Мухрани, и сегодня он будет во владениях ксанского эристава». Об этом также написали шаху. Опять не было ответа.

Сообщили и из Гори: «Вчера ночью царь Теймураз напал на Гори. Население окраинных домов мы перевели к подножью крепости, закрыли пути, проходящие за базаром, и в каждом квартале города поставили своего начальника. Эти старшие лица укрыли семьи жителей в крепости. Они держались очень, хорошо. Сверху мы стреляли в нападавших из ружей, а внизу они не могли прорваться через ряды горийцев. Мы заставили их вернуться назад той же дорогой, какой пришли, и им не удалось причинить какого-нибудь вреда и ничего не добыли у нас, а мы убили у них пять человек и двадцать семь захватили живыми. До утра они дрались с нами. Георгия Горгиджанашвили захватили в собственном доме и увели с собой. Их догнали собственные слуги, отбили и укрыли в винограднике Алихана. Так как сверху стреляли из ружей, то Теймураз с войском не могли оставаться там. Двинулись к Икорте и угнали каких только нашли на дороге коров и овец.

Это известие, сообщенное в письме минбаши и горийцами, послали через гонца шаху, а царь собрал у себя войска Сомхити и Сабаратиано и прибыл в Гори. Он призвал также войска Картли. Противники узнали и о прибытии царя.

61

Бой в Арцеви между царем Теймуразом и войском царя Ростом

К Теймуразу присоединились кахетинцы, оба эристава, владетель Мухрани, Йотам Амилахори. Из Икорты они прибыли в Арцеви. Царь остался в Гори и оттуда послал войско. Те также были готовы, построив в боевой порядок ряды. И эти пришли, построившись в боевой порядок. Начался сильный бой, обрушились друг на друга, обе стороны дрались изо всех сил, так как войско царя было ему верно, среди него не было ни одного изменника и войско Теймураза было предано своему царю. Поэтому-то бились самоотверженно. Победа осталась за войском царя Ростом. Победленные перешли Икортские горы, обходным путем прибыли во владение эристава, а Теймураз перебрался в Кахети. Царь Ростом с войском прошел владения Амилахори, разорил Мухрани и прибыл в Тбилиси.

В это время царь Ростом получил приказ от шаха: «Так как хондкар в этом году не пошел на нас походом, мы приказываем войску Азербайджана прибыть к вам. Кто не подчиняется вам, тех уничтожайте».

Он выполнил приказание шаха, собрал большое войско кызылбашей и картлийцев и двинулся походом на Кахети. Когда те узнали, что шах разгневался, прислали послов с просьбой, и Теймураз написал письмо: «Мы с вами родственники, и, кроме того, царица является вашей двоюродной сестрой. У вас нет детей, и у меня только один. От великого Луарсаба, замученного мусульманами, не осталось никого, кроме вас, а от Левана нет никого, кроме меня. Много притеснений и несправедливости терплю я от кызылбашей, и если даже я и провинился в чем-нибудь, то только из-за опасения перед ними. Я примирю с вами под присягой ваших князей, находящихся при мне, и свою Тинатин, по вашему повелению, пошлю к шаху Сефи. Будьте нашим посредником, пусть нас оставят на нашей разоренной наследственной земле».

Царь Ростом был очень доволен этим и послал донесение шаху. Поход был отменен. Теймураз прислал ему князей, а царь Ростом ради него оказал им большие почести.

62

Царь Теймураз послал шаху Сефи свою дочь Тинатин

Царя Ростом этот мир и примирение с Теймуразом очень обрадовали. Он написал шаху об успокоении страны и усмирении враждующих. Тот тоже был рад этому, и царь Ростом получил от него такой приказ: «Ваше примирение нам приятно, вы это хорошо сделали. Царевну Тинатин отправьте к нам с большим почетом».

Царь Ростом как свою дочь обрядил ее по-царски богатым убранством и сопровождать ее послал своего везира Ага Моина, а из кахетинцев — знатных князей, и таким образом царевну Тинатин привезли к шаху. Шах Сефи принял ее благосклонно и оказал большие почести, одарив множеством драгоценных камней. Сопровождавшим ее кахетинцам и везиру царя Ростом также пожаловали много добра. Царю Теймуразу послали деньгами тысячу туманов, на тысячу туманов халаты и написали обнадеживающую грамоту: «Мы прощаем тебе все твои прежние прегрешения, впредь вы с царем Ростомом живите в мире, мы будем этому радоваться и обоим вам великие милости окажем». То же самое повелел он и царю Ростому.

63

Нашествие Султана Мурада и взятие Ереванской крепости в короникон 325

Взял хондкар Ереван, прибыл в Тавриз, разорил Азербайджан и по Курдистанской дороге вернулся обратно. На восьмой месяц шах Сефи напал с большим войском на Ереван и после сильных боев взял его обратно, причем погибло много людей. В это время царь Ростом послал грузинские войска и разорил Самцхе и Джавахети, захватив большую добычу. Это обрадовало шаха, и он послал царю Ростому две тысячи туманов и халат.

Шах прибыл из Азербайджана в Исфахан. Царь стоял в Гори.

Нодар Цицишвили и ксанский эристав Иасе поссорились в Каралети. Арагвский эристав Заал присоединился к Нодару, а Иотам Амилахори примкнул к Иасе эриставу. Ксанский эристав и Амилахори прибыли с войском и стали выше Гори в лесу, а ниже Гори, у берега Куры, стоял Нодар со своим войском. Войско арагвского эристава еще не прибывало. Их приход с войском рассердил царя, а на Иасе Эристави он и раньше был зол.

Семьи Иасе Эристави и Иотама Амилахори царь Ростом отослал в Горийскую крепость.

Каралети царь пожаловал Нодару. Жен и детей Эристави и Амилахори упрятал в Горийской крепости, а их самих хотел захватить. Те узнали об его намерении, снялись из Гори и пришли в Ахалгори. Царь дал должность амилахора Бежану, а ксанское эриставство — Элизбару. И большинство подданных покинули тех и перешли к этим. Царь также двинулся на них и прибыл к Рехскому ущелью.

Те ушли и перебрались в Кахети. Царь разрушил Цхвилосскую крепость и вернулся в Гори.

Эристави и Амилахори просили царицу помочь им из Кахети, чтобы царь вернул им их семьи. Царица доложила царю, и он простил их. Им оказали содействие и отправили обратно в Кахети со своими дворянами и мсахурами. Оба они были при царе Теймуразе, и им оказывали высокие почести и поддержку.

Мать Иотама Амилахори, которая была дочерью дяди царя, Вахтанга, и была замужем за Чиджавадзе в Имерети, приехала оттуда с хорошими дарами и просила царя примирить ее сына. Сам царь по природе был очень добросердечен и скоро прощал изменников и провинившихся, помогая нуждающимся и скорбящим и оказывая почет знатым личностям, особенно женщинам. Он давал средства к жизни вдовам, сиротам и нуждающимся, особенно из своих родственников. Поэтому он простил Амилахори, ради его матери царевны Тamar, и вернул ему владения.

Поскольку царь много обид помнил от Иасе Эристави и был с ним в кровной вражде, потому, что тот убил своего брата Шанше и его жену, которая была племянницей царя, и уже при Ростоме убил также Заала, ксанского эристава, то царь не помирился с ним. Не имея другого выхода, Иасе поехал к шахскому двору. Там ему оказали почет, назначили содержание и сделали участником шахского пиршества.

Так как этим Иасе Эристави был убит Папуна Амилахори, два сына этого последнего, Паата и Иотам, бывшие при шахе, искали случая убить Иасе.

В это время скончался шах Сефи, и государем стал сын его шах Аббас, в короникон 330.

Шах прибыл в Казвин. Государь был молод. Сыновья Амилахори улучили время, подстерегли в Казвине, на дороге, идущего из шахского дворца Иасе Эристави и застрелили его. Они укрылись в шахской конюшне. Разгневанный шах велел умертвить сыновей Амилахори. Но им пришли на помощь придворные и так доложили шаху: «Тот убил их отца и они согласно закону убили своего кровника. Законники не считают, что их за это следует казнить».

Тогда дело их предоставили решать законникам, и те так рассудили: «Во-первых, они убили убийцу своего отца и, кроме того, они мусульмане, а тот был гяур. Никто ничего не может с них взыскать». Было сказано так, и дело об убийстве Иасе кончилось ничем. Роин Джавахишвили, посланный царем Ростомом к шаху, был тогда в Казвине, и он увез в Грузию тело ксанского эристава Иасе.

Прибытие имеретинского царевича Мамуки из Ахалцихе в Картли

Мамука был сыном царя Георгия и братом царя Александра. Отважным и щедрым был он и ни в чем никому не отказывал. Леван Дадиани тогда был весьма силен и притеснял Имерети. Царевич Мамука был помолвлен с дочерью Бежана Чхеидзе, но Леван Дадиани хотел женить его на своей дочери. Фамилия Чхеидзе и их сторонники были на стороне царевича, но из-за Дадиани пребывали вне Имерети. Царевич Мамука жил у своего зятя Сафар-паши в Ахалцихе, с ним были Чхеидзе и много других друзей. Они совершали разорительные набеги на Имерети и Гурию.

Князья Картли через посланника обратились к царю Ростому с просьбой: «Грузия не успокаивается потому, что у вас нет сына, брата и близких родственников, и не знают, кто будет вам наследовать. Поэтому быстро начинается смута и ищут себе другого государя. Вам также известны доблести царевича Мамуки. Во-вторых, он из рода Багратиони и, кроме того, сын царя и вам родня. Вызовите его из Ахалцихе, усыновите, и вы будете спокойны, и Картли успокоится, и страна обретет мир. Если бог даст вам сына, тогда царевичу Мамуке дайте во владение его наследственные земли. Если у вас не будет детей, пока вы живы, пожалуйста ему в удел Сурами. К этому уделу примыкает Имерети, и он оттуда тоже получит помощь. Благословите его своим сыном, и — даст бог вам долгой жизни — после вас мы сделаем его государем».

Обманули царя Ростом и привезли царевича Мамуку с его войском. Царь принял его очень хорошо. Много было расходовано на господ и слуг, на пропитание их или на раздачу подарков.

И вот стали они как дьяволы совещаться, оставили бога и попрали законы верноподданства и, желая воцарить царевича Мамуку в Картли, решились на убийство царя Ростом. Они послали изменников в дворцовую баню в Тбилиси, чтобы те убили царя, когда тот войдет туда. А после этого они хотели объявить царем Мамуку. Но бог хранил царя Ростом за его правду. Слуга старшего кравчего зашел в баню. Там его приняли за государя, напали на него в ночной темноте и ранили, но, узнав по голосу, что это не царь, не добились его и, бросившись в Куру, вплавь переправились на другой берег. Раненого привели к царю и доложили о происшедшем. Царь был многоопытен, умен и не любил действовать поспешно. Избегая смуты и волнения в войске, он не хотел также вселять смятение в сердца своих подданных. Он стал шутить с раненым и так изволил с ним говорить: «Ты, видно, поймал в укромном месте красивого мальчика и хотел свершить над ним насилие, он ударил тебя ножом, и ты со страху выдумал теперь эту ложь». Царь велел его выгнать и еще более развеселился. Он ни сам не рассказывал про этот случай, ни другим не давал говорить об этом. Но сам он хорошо знал, чье это дело, чего они хотят и, кто изменник. В течение двадцати дней об этом ничего не говорилось, а после, царь, не проявляя поспешности, послал пребывавшему в Соманетском лесу царевичу Мамуке подарков на десять тысяч марчилов и написал ему: «Боюсь, как бы шах не вызвал вас к своему двору. От меня вы имеете клятвенное обещание, что вам не будет причинено ничего против нашего желания, но вы сами знаете, что отказать шаху мы не можем, а потому лучше вам вернуться обратно в Ахалцихе. А мы отсюда будем помогать вам, чем сможем».

Царевич понял, что открылось затеваемое по дьявольскому наущению дело. Ему стало ясно, что бесполезно оставаться в Картли, и он уехал оттуда и вернулся обратно в Ахалцихе к Сафар-паше. Князья Чхеидзе и некоторые из других родовитых людей остались в Картли, кто у Нодара Цицишвили, а кто в других местах. Теперь они стали затевать другое дьявольское дело и захотели произвести, в Грузии смуту. Князья сговорились и послали клятвенные грамоты царю Теймуразу, прося его прибыть с

войском в Мцхету. Эристави и Амилахори с другого берега подступят со своими отрядами, а войска заречья соберет Нодар. С ним будут Чхеидзе. После этого открыто выступят против царя Ростом и силой отнимут у него власть.

Цицишвили Нодар сразился в Ховле, в Саджавахиано, со своим государем Ростомом и бежал

Цицишвили Нодар пожелал один одержать победу над царем. Он не стал дожидаться ни Теймураза, ни эристава, ни амилахора, полагаясь на то, что при нем были Чхеидзе и другие родовитые лица Имерети, все испытанные в боях люди, а кроме того, к нему стеклись в Сацициано войска свои и чужие. Он прибыл и стал в Ховле. Кто из его подданных не примкнул к нему со своим отрядом, у тех он разорил имена.

Об этом Иорам, сын моурава, сообщил царю: «Выступайте скорее, иначе заречные войска примкнут к нему и дело ухудшится». К полудню царь Ростом получил об этом известие в Тбилиси, в ту же минуту он привезшего известие человека послал обратно к Иораму и написал ему, чтобы тот, как только получит настоящее письмо, незамедлительно закрыл дороги и идущих отсюда не пускал в ту сторону. «С помощью бога, — писал царь Ростом, — этой ночью соберемся вместе». Посланнику царь приказал ехать вскачь и завтра к этому же времени привезти ответ. Человек тот воздал хвалу и уехал. Царь приказал моураву города объявить через глашатая, чтобы всем мусульманам, грузинам и армянам, имеющим коней и находящимся в городе, быть в боевой готовности, сесть на коней и, услышав звук трубы, быстро двинуться и ждать у мцхетской таможни, где будет произведен смотр войскам, а если кто из конных не выступит, отрубить им головы и послать на их же лошадях ему вдогонку.

Вечером затрубили в трубы и войско выступило скорым маршем. Царь сел на коня и быстро двинулся. До прибытия царя большая часть войска была уже на месте. Царь изволил сказать: «Сейчас ночь и, кроме того, арьергард не подошел еще. Вы двигайтесь быстро, и к рассвету я произведу смотр войскам». К полуночи царь прибыл в Кавтисхеви, и сын моурава Иорам с войском того округа встретил его там хорошо. Царь велел Элизбару бокаултухуцесу: «Стань в арьергард и, у кого кони имеют силы, пошли их скорей, с божьей помощью утро я встречу у Нодара».

Утром царь прибыл к окраине Ховле, пересел на запасную лошадь и войску приказал осмотреть и привести в порядок подпруги и оружие. Построили отряды, затрубили в трубы и царю доложили: «Нападем на противника неожиданно». Царь счел ниже своего достоинства такое нападение и так изволил сказать: «Грузины сражаются друг с другом, чтобы оправдать справедливый суд. Я тоже хочу сразиться со своим подданным ради справедливого суда, и если я не прав перед ним, пусть победа будет на его стороне. Он тайком ушел от счастливого шаха, тот потребовал его выдачи, но я не выдал. Отец его, Парсадан, большую сумму давал мне, прося Сацициано для своего внука корчибаши Папуны, но я не дал, а этому уступил безвозмездно. И вот в отплату за столько милостей он изменил мне и передался другому господину. Поэтому хочу я испытать божий суд, выяснить, кто из нас не прав». Царь велел затрубить в трубы и настолько задержал отряд, что те узнали об их появлении, приготовились к бою, сели на коней и, построив ряды, выступили вперед. Открылась пальба, началась схватка. Выступили с другой стороны князь Чхеидзе и другие имеретины. Пошли удары копьями, засверкали сабли, поднялся лязг булав, треск шлемов. Долгое время Чхеидзе дрались энергично и теснили противника, расстроив его ряды. Они держались хорошо, но Нодар еще не принимал участия в бою, он сразу же отправился к Верийской крепости и не поддержал воинов Чхеидзе, а они уже были ранены и устали. Сам царь тронул коня и его отряды общим фронтом атаковали и стали рубиться. Бежиу Чхеидзе захватил в плен сын моурава, Иорам,

других взяли в плен воины Бараташвили и люди Элизбара бокаултухуцеса. С обеих сторон все дрались хорошо и выдержали сильный бой. Победил царь. Нодар укрылся в Верийской крепости, взятых же в плен Чхеидзе, раненых, со связанными руками привели к царю и поздравили его с победой. По велению царя Чхаидзе развязали руки и послали в Гори, чтобы им переменяли одежду, дали постель и хорошо устроили. Всем, кто показал мужество, царь пожаловал халаты и имена. Многим раздали из владений Цицишвили и назначили людей следить, чтобы никто не устраивал погони за бежавшими, а у кого имеются захваченные в плен люди Цицишвили, те должны были их отпустить. В ту ночь царь оставался на поле битвы, а на следующий день пожаловал в Гори. В тот же день он послал гонца в Тбилиси. Кайхосро Бараташвили, сахлтухуцеса царицы, схватили, взяли в крепость и ночью сбросили с башни, пустив слух, что он напился и сам свалился оттуда. Детей его взяли и заточили в Горийскую крепость, а зять Бахута, сын Хусейн-бега, который был из рода Багратиони и желал получить власть, бежал в Кахети.

Иотам Амилахори со своей семьей удалялся в свое владение. Затем сам он прибыл к царю Теймуразу. К этому времени подошла зима. Нодар укрепился в Зовретской крепости. Царь послал из Гори войско, которое опустошило владения Цицишвили, вверх за Скра. Князей Чхеидзе отправил к шаху с Элизбаром бокаултухуцесом, с таким донесением: «Грузины выходят из повиновения и совершают преступления потому, что нет у меня детей и родственников и не видят у меня наследника. У моего двоюродного брата Теймураза-Мирзы трое детей, и который носит имя моего деда Луарсаба, того пожалуйте мне в сыновья, чтобы грузины видели в нем после меня своего господина».

Отправив их к шаху, сам царь, взяв из Горийской крепости пушки, осадил Зовретскую крепость. Он стал обстреливать ее из пушек, но никакого вреда каменной на известковом растворе кладке стен причинить не мог. Часто распускали слухи, пугая царя, что на помощь крепости придет Теймураз. Но царь изволил сказать, что если даже сам хондкар придет Нодару на помощь, он не тронется с места, пока не выведет его из крепости.

До водосвятия все грузинское войско осуждало Зовретскую крепость, но не смогло ее взять. Помощь ей тоже не являлась. Внутри самой крепости подданные вменили своему господину и готовились к сдаче крепости. Нодар узнал, что подчиненные задумали измену и, решив, что лучше уступить, прислал к царю Ростому свою мать, царицу Кахетинскую с просьбой пропустить их.

Когда она прибыла, царь оказал ей большие почести и внял ее просьбе, так как она была царского рода и, кроме того, славилась, среди женщин добродетелями. А в Грузии с древних времени было такое правило, что когда кто-то нуждался в чем-нибудь, тот посылал ходатаем мать свою или жену, и царь или князь из уважения к женщине исполняли их просьбу. Царь Ростом также выполнил древний обычай, он преподнес царице подарки и дал клятву в том, что им не причинят никакого вреда, куда хотят, пусть отправляются со своими приближенными и имуществом. Им дали также столько лошадей и мулов, чтобы могли из Зоврети добраться с имуществом до Ахалцихе. Царя Ростома долго просили разрешить Нодару свидеться с ним, но царь не принял его. Они благополучно добрались до Самцхе.

Заал Эристави и Иотам Амилахори были при царе Теймуразе. Но на дорогах творили они притеснения и друг у друга разоряли пограничные места; если кто обижался на одного, то переходил к другому, а кто был сердит на этого другого, переходил на сторону первого. И вследствие этого Картли и Кахети не знали покоя и были разорены.

Выступление царя Ростома из Тбилиси. При заходе солнца сел на коня, в день Рождества, на рассвете, напал в Ахалгори на эриставов и одержал победу с божьей помощью

Пребывавший в Тбилиси царь Ростом получил сообщение: «Завтра, в день Рождества, оба эристава и Иотам Амилахори будут вместе в Ахалгори. Там к ним соберутся войска, и они в Сапурцле соединятся с царем Теймуразом. Оттуда придут в Мцхету и те, кто с ними условились, соберутся там и принесут ему присягу».

Когда царю донесли об этом, он сейчас же написал Бахуте, владельцу Мухрани, который впоследствии стал царем после своего государя: «Ты со своим войском жди меня в готовности. С божьей помощью я этой ночью прибуду к тебе». Отослав гонца, через глашатаев объявили приказ царя: «Горе тому, у кого есть лошадь и к заходу солнца не будет ждать в Мцхете. Жестоко я поступлю с ними».

Поскольку место сбора находилось близко, все прибыли туда раньше царя. Увидев столько войска, царь очень обрадовался и много обнадеживающих слов изволил сказать войску. К владельцу Мухрани он послал гонца и сообщил ему: «Мы с многочисленным войском идем, и вы также с вашими отрядами будьте готовы к нашему приходу, чтобы с божьей помощью напасть на противника до рассвета».

Когда царь прибыл в Мухрани, владелец Мухрани встретил его с значительным войском, обрадовав этим царя. Не останавливаясь на отдых, двинулись дальше скорым маршем и утром на Рождество напали в Ахалгори на стоящих на молитве. Хвалили храбрость владельца Мухрани, показанную им в тот день. А те ничего не знали и не подозревали о нападении. Когда поднялся крик, они не успели взяться за оружие и сесть на коней, да и нападавшие не дали им времени на это.

Все это случилось неожиданно. Некоторые из них ускакали верхом, другие разбежались в разных направлениях, и заготовленное для них угощение досталось царскому войску.

Царь также обедал и ужинал на их стоянке. На другой день взятых в плен представили царю. Царь велел всех их отпустить, а сам изволил двинуться к Гори и остановился там на зиму. Элизбар, сын Давида, прибыл от шаха и привез халат и царевича Луарсаба.

Шах присылает в сыновья царю Ростому царевича Луарсаба

В Гори царь надел пожалованный шахом халат. Прочитали грамоту. Шах писал: «Ты просил в сыновья Луарсаба, сына своего племянника Теймураза-мирзы. Мы присылаем его и повелеваем грузинам считать его царевичем и вашим сыном, и после вас царскую власть в Картли мы передаем ему». Это известие огорчило Георгия, сына Гочи, потому, что он сам ожидал получения власти. И приезд Луарсаба ожесточил его.

Царя Теймураза тоже раздосадовало это известие, и по этому поводу владелец Кахети и эристав, каждый в отдельности, стали говорить Георгию, что они сделают его царем Картли. Обманули его и стали рассылать письма картлийцам и жителям Сабаратиано, стараясь переманить их на свою сторону. Католикос Диасамидзе, Реваз Бараташвили и сомхитский мелик Корхмаз-бег поддались на ложные обещания. И эти три лица стали действовать. Их стремления и желания были явны; они обманывали сына Гочи, в действительности же все они для Теймураза хотели добиться царской власти.

Условились так, что в то время, когда царь Ростом с немногочисленными людьми будет находиться в Цхирети, Теймураз с добрым конным отрядом должен неожиданно прибыть в Метехи. Увидев, что у Теймураза малочисленное войско, царь вступит с ним в бой, в бою же надо его убить, чтобы не обвинили кого-нибудь одного. Сомхитский мелик испугался шаха и их намерение и присланные ими письма передал царю, не обратив внимания на нарушение присяги и клятвы в верности.

В ту ночь, когда Теймураз прибыл в Метехи, царь приехал в Гори. Замысел заговорщиков не удался, и Теймураз вернулся обратно в Кахети. Грузины прибыли в Гори без опасений, они думали, что царь не знает о содеянном ими. Царь велел схватить католикоса, Георгия, сына Гочи и сына эристава, Ларгвела. У сына Гочи он выколол глаза, а Ларгвел сбежал из Горийской крепости. Саакадзе Иванэ бежал в Кахети, а его брату Зурабу выкололи глаза. Католикос был заключен в Тбилисскую крепость у мусульман, его задушили и сбросили с крепости. Бараташвили Реваз бежал в Кахети.

Царь из Гори приехал в Тбилиси и об этих делах написал шаху. От шаха он получил халат, венец и грамоту, саблю и лошадь в украшенной золотом сбруе. Адам Султана Андроникашвили, племянника царя Ростом, он назначил командующим, дал ему войско Ирана и послал на Грузию, чтобы всех, кто не покоряется царю Ростому и вредит ему — уничтожить, чтобы прогнали царя Теймураза и на его место в Кахети посадили Адам Султана.

68

Поход Адам Султана на Грузию с войском Ирана для оказания помощи своему дяде царю Ростому

Теймураз узнал о приходе этого войска.

Из Ахалцихе прибыла Ана-ханум, сестра Нодара и теща Заала Эристава, чтобы просить у царя клятвенного обещания не причинять вреда ее брату и зятю. Царь дал ей обещание.

В бою с Нодаром ее деверь с сыном Отией, и два ее сына, Георгий и Хуциа, попали в плен, их отправили к шаху, и находились они в плену в Исфахане. Об их возвращении она также просила. Царь сжалился над ней и так изволил ей сказать: «Если эристав поедет ко двору шаха, я помирюсь с ним и скоро верну его обратно с шахского двора. Я верну тебе также деверя и детей твоих и Сацициано отдам Нодару, и какие были у эристава в Картли имения, тоже отдам ему и достану ему от шаха богатые деревни».

Такого рода клятвенное обещание пожаловал ей царь и, так как царь Ростом не преступал никогда клятвы и не нарушал обещания, Ана-ханум эту царскую клятвенную грамоту принесла своему зятю Заалу Эристава.

После приезда к нему тещи, эристав поехал в Тбилиси к царю и поцеловал ему ноги. Царь хорошо принял его, одарил, и какие были у эристава в городе купцы, — всех вернул ему, отпустив скоро обратно в свои владения.

Когда Нодар получил клятвенную грамоту, Сафар-паша дал ему в сопровождение своего заместителя Осман-агу и Нодар, проехав Картли, прибыл в Тбилиси и поцеловал царю ноги. Тот смиловился над ним и вернул ему бывшее его владение Сацициано. Щедро одарил он также и Осман-агу и отпустил. Обо всем этом царь написал шаху и вернул из Ирана Георгия и Отиу Чхеидзе. А Бежиа и Хуциа остались при дворе шаха. Адам Султана же с иранским войском вернули назад.

69

Смерть сына царицы Марии, Отии, которого она имела от Гуриели

Этого юношу царь Ростом воспитывал при себе как сына. Он был зятем Заала Эристава, и его смерть задержала на некоторое время отъезд Заала к шаху. Скончался он в Гори. Началось великое оплакивание, и плач продолжался двенадцать дней. Оплакивание совершали там же, в Гори. Грузины прибывали со своими семьями, с войсками и, причитая, подходили сначала к царице, сидящей на земле, с лицом исцарапанным и

похожим на мертвеца, с вырванными волосами, изуродованной красотой, в платье, запачканном кровью, и с плачем выражали ей, обессиленной от горя, соболезнование. Затем они обращались к няне и к другим приближенным умершего, после уже к царю и родственникам покойного, князьям и дворянам, к мсахурам и управителям. После этого они подходили с плачем к покойнику и возлагали на гроб покрывала. Затем обращались к оружию, наряду, одежде, чеканному золотом головному убору и короне умершего, его сабле и кинжалу, шлему и кольчуге, налокотникам и коню с его убранством. К каждой вещи в отдельности подходили с плачем и причитаниями, и это могло не кончиться и за год. Царь приказал, чтобы оплакивающих подводили одного за другим. Оплакивали с утра до полудня, и после полудня до захода солнца кончали плач. Но все же до многих не дошла очередь за эти двенадцать дней. Поэтому царь повелел: «Кто здесь не оплакивал, пусть в дороге или в Мцхете оплакивают наше горе». И как над покойником стояли католикос, епископы, монахи и священники, читая евангелие и псалмы, так и над царицей стояли монахини и монахи и ушедшие от мира сего и призванные к служению богу жены и девы и, проливая слезы, читали евангелие и псалмы. Но от жалости к госпоже царице все так много плакали, что выплакали глаза. Над каждой вещью покойного стояли по сорока монахов и священников, читая евангелие и псалмы. На сороковой день назначили восемьсот служб поминовения и все грузины облеклись в траур. Оплели плетенку в виде паланкина и как мертвую положили туда царицу, покрыв сверху черным покрывалом. Подняли паланкин князя, их братья и дети. Покойника также покрыли златоткаными дорогими тканями, и молодые княжичи подняли носилки. Кресты Грузии несли впереди, как знамена, и в таком горе к концу недели прибыли из Гори в Мцхету. Там предали земле сына госпожи царицы Отиу.

Царь на второй день вернулся в Тбилиси. На поминки по его приказанию столько было пригнано коров и овец, было принесено столько рыбы и икры, хлопка и соли, воску и ладана, что стояли до сорокового дня в Мцхете и в скоромные дни резали до ста коров и овец, в постные же дни взрезывалось тысяча сушеной рыбы, не считая расходов хлопка и соли, воска и ладана. За эти сорок дней не могли заставить госпожу царицу съесть что-нибудь с солью, и она ничего не ела, кроме ячменного хлеба. Когда закончился сорокадневный срок, назначили еще девятьсот поминовений.

Имущество своего сына царица частью послала в Иерусалим, частью пожертвовала церквям и монастырям в Грузии. Она украсила могилу сына, пожертвовав село Дарбази в Сомхити Мцхетскому собору Светицховели. Няню сына с ее близкими она поставила при могиле, назначив ей содержание, с плачем простилась с могилой и приехала в Тбилиси. Горожане пришли ко дворцу, и каждый по своим возможностям и достаткам поднес приношения и выразил соболезнование. Жены их каждый день из каждого отдельного квартала приходили с плачем и причитаниями. Кто мог, подносил приношения. Столько было расходов у царя с царицей, но они ничего не требовали от народа, напротив, сами давали ему. Все эти расходы царь покрывал из своей казны.

В продолжение двадцати лет госпожа царица ни мяса не ела, ни траура не снимала. Кроме него, у нее не было ни сына, ни дочери, и не было у нее также надежды иметь их в будущем, и вот поэтому следует жалеть имеющих одного ребенка. Но никто не может изменить веления божьего, ибо все от воли бога: пожелает он — и от одного, как от Адама, умножит племя или же как ноевым потопом в один миг изведет всех. Государи не могут изменить его веления.

Заал Эристави собирался к шаху и Иотам Амилахори подослал к царю человека с просьбой послать его вместе с эриставом к шаху. Это понравилось царю, и он обоих богато одарил, дал Хамза-бега в стольники и отправил. В пути везде для них было заготовлено угощение. Их встречали ханы и султаны, имения которых были расположены по дороге, и приглашали к себе. Их хорошо угощали, устраивали пиры, одаривали и так отпускали. В каждом городе, главные лица того города выходили навстречу и хорошо их принимали. Они приближались к Исфахану, моуравом которого был подчинявшийся царю Ростому Мир Касум-бег, двоюродный брат Хамза-бега. Когда они выступили из Кашана, два-три раза в день высылали им навстречу продовольствие.

Когда они были на расстоянии одного дня пути от Исфахана, шаху доложили об их прибытии. Шах повелел Мирзе Таки этимадовле и Сиаош-хану кулларагасы принять их, согласно их правилу и обычаю.

Этимадовле приказал везиру, калантару и моураву Исфахана устроить гостям встречу с главными лицами города и хорошо оснащенным отрядом, а кулларагасы сказал Адам Султану, что по приказу шаха все кули Исфахана, какие только готовы — ханы и султаны, минбаши и юзбаши, также и князья, и дворяне, должны сопровождать Адам Султана во время встречи Эристави и Амилахори, и что их в добром порядке должны подвести к городским воротам, дав поцеловать ворота, и оттуда проводить в Джульфу, поместив во дворце Ходжи Сафара.

Они выполнили приказ. Восемь дней прибывшие получали из шахского дворца обед и ужин в золотой посуде, а после Заалу Эристави назначили в день семь туманов денег и шестьдесят литров вина; то же самое назначили и Иотаму Амилахори.

Ежедневно у них был пир. То они приглашали к себе, то их звали в гости к родственникам и знакомым.

Государь при первом одарении пожаловал эриставу триста туманов денег и парчу. Столько же дали и амилахору. Государь устроил прием, они подошли к нему и поцеловали ноги.

Шах спросил их о царе Ростоме, и они воздали ему высокую хвалу. Их посадили пониже назира. На сто туманов прислал подарки гостям этимадовле. По предложению шаха оба они играли в грузинское поло «чогани», и обоим шах пожаловал коней аргамаков в украшенной золотом сбруе.

В это время от царя Ростома прибыл гонец. Ростом просил шаха скорее отпустить обратно Эристави и Амилахори.

В короникон 332 Джани-хан корчибаши убил Мирзу Таки этимадовле и шах казнил Джани-хана

Джани-хан привлек на свою сторону всех бывших при дворе начальников и главарей корчиев и ханов и султанов и утром напал на Мирзу Таки в его доме и убил его без ведома шаха, во время намаза.

На восьмой день должность этимадовле дали Халифе Султану, и у шаха не спросили ни в одном из этих случаев.

Шах был молод, у него была бабушка, черкешенка, умная женщина, имевшая влияние. Джани-хан хотел ее выгнать, но боялся кулларагасы Сиаош-хана и кулиев. Он искал подходящего момента, чтобы убить кулларагасы и перебить кулиев, а после выгнать ил шахского дворца мать шаха. Но она была сметливой женщиной. Она тайком послала грамоту на должность корчибаши Муртузакули-хану Беджирлу и на бегларбегство Кухгилуе Сиаош-хану и обоим так написала: «Где ваше мужество, и в чем видна ваша преданность моей семье?!». Джани-хан убил у меня этимадовле, и вы должны простить это и ничего не сказать?! Не сегодня-завтра он и вас перебьет, после убьет моего сына и

сам делается шахом. Если вы преданы нам, когда наши кули ночью заступят в караул, вы тоже приходите рано ко двору, и когда Джани-хан придет со своими сторонниками, прикажите напасть и перебить их».

Они исполнили приказание и до рассвета пришли во дворец. Джани-хану сообщили, что беги рано утром пришли во дворец. Он также спешно прибыл во дворец. Когда Джани-хан стал снимать верхнюю обувь, чтобы идти наверх, Муртузакули-хан Беджирлу схватил его за ворот и крикнул: «Ты, изменник и предатель, зачем ты убил государева этимадовле?». И всадил ему в живот кинжал и убил. Крикнули кулиям, что приказ государя — перебить этих изменников. Кули схватились за сабли и убили семнадцать ханов и султанов и трупы их поволокли и бросили, на площади под кабахом. Дома их разгромили и имущество конфисковали в пользу государства.

72

Через короткое время Эривави и Амилехори с богатыми подарками и почетом отпустили

При проходах эриваву пожаловали деньгами пятьсот туманов, халат и коня с золотым убором, пятнадцать деревень около Казвина, в Бохруде, амилехору также подарили халат, деньги и коня с золотым убором. Им назначили и жалованье по пятьдесят туманов. Всех уроженцев Грузии, имеретин, картлийцев и кахетинцев, находившихся в плену, — всех их, из внимания к Эривави и Амилехори, освободили, дали им лошадей, оружие, денег на расходы и отпустили с ними. Всех одели в халаты, привели к шахскому двору. Открыли двери гарема и обоим им показали женщин. При отправлении они поцеловали ноги у государя и государь обоим им так изволил сказать: «Все, что вы сделаете приятное для царя Ростом, служба ему верно, будет приятно и для нас, и по его отзыву будет вам оказываться милость. И по его же посланию вы должны ожидать и нашего гнева».

Царю Ростому через них были посланы халат и конь в золотом уборе. Дали им мехмандара и они, благодетельствованные многими милостями государя, оба, снабженные добром и украшенные оружием, прибыли в Грузию. Около Тбилиси Эривави и Амилехори встретили царь и все грузины. Увидев издали царя, едущего верхом на коне, Эривави и Амилехори спешили и, пройдя большое расстояние пешком, поцеловали стремя у сидящего на коне царя. Царь сошел с коня, надел пожалованный государем халат и в большом ликовании при салюте вступил в город. Десять или двенадцать дней угощал их царь в Тбилиси и дал им отдохнуть, а затем изволил им оказать: «Вы устали с дороги и дома тоже ждут вас. Езжайте и зиму проведите у себя».

73

Царь Теймураз отнял у Заала Эривави все имения, какие у него были в Кахети

Царь Теймураз так говаривал: «Когда Заал ушел от царя Ростом и перешел к нам, тот отнял у него все имения, какие у него были в Картли, и я дал ему взамен земли в Кахети. Теперь он вернулся к своему патрону, он вернет ему имения в Картли, и от шаха он удостоился больших милостей. К нам он уже не может прийти». Тианети, а также имения, которые были в Кахети у Заала Эривави, царь Теймураз у него отнял. Люди Эривави не могли показаться в Кахети. Снова начались взаимные нападения, грабеж и разбой на дорогах. Заал Эривави приехал в город Тбилиси с женой и пожаловался царю на то, что у него отняли имения в Кахети. Царь Ростом так изволил ему сказать: «Я не

могу заставить царя Теймураза отдать вам свое потомственное имение. Я даю вам взамен другие».

В это время Реваза Бараташвили, направлявшегося в Имерети, захватил его зять Роин Джавахишвили и представил его царю. У него нашли письма, — сговор о войне. Его ослепили.

Когда жена Роина увидела своего брата с выколотыми глазами, она оставила мужа, надела монашескую рясу и, пока они были живы, не виделась с мужем, гневаясь на него за то, что он захватил ее брата.

Найдя эти письма у Реваза, стали вести переговоры с царем Теймуразом: «Почему не умиротворитесь и не успокоите и нас? Между нами множество дел. Недавно Вы предоставили нам предварительно три деревни и Кахети. В настоящее время мы оба не заняты. Пока между нами остаются неразрешенные дела, Картли и Кахети не могут умиротвориться. Более удобного времени не найти. Попросим несколько мудрых монахов мирян у вашего зятя царя Александра, также попросим Левана Дадиани, Гуриели и ахалцихского пашу быть посредниками. Рассудим все и помиримся. И мы успокоимся, и нашим владениям дадим мир и покой».

Это разгневало царя Теймураза. Он рассердился, отнял обратно те деревни, что предоставил царю до разбирательства спора, выгнав оттуда его чиновников, и так написал Ростому: Убийцей вашего племянника царя Свимона был Зураб Эристави, и я его убил. Вы даже должны мне быть благодарны, не то что иметь претензии ко мне. Вашим кровником является тот, кого посылали к шаху и вернули оттуда обогащенным. Если ищите крови, взыщите ее с братьев и с членов дома кровника. Когда он был при нас, вы могли еще требовать выдачи своего кровника, а сейчас он у вас, и он подданный ваш и кровник. Как вам будет угодно, так и поступайте». Так переговаривались до следующего года. В это время сахлтухуцеси Чолокашвили Реваз и стольник Бидзина поссорились между собой. Не пожелал Бидзина подчиняться Ревазу. Поскольку Реваз командовал войском, если победят, то он будет причиной победы. Поэтому Бидзина убеждал царя Теймураза направить его в Ерцо, чтобы воевать там. Ибо если они займут Ерцо, то и они не смогут удержаться в Тианети. Не хотел Теймураз этого, но был вынужден разрешить, чтобы не было в войске смуты во время войны.

Бидзина отправился в Ерцо, и таким образом войско Теймураза разделилось. Тогда прибыл Вахтанг, владетель Мухрани в Углиси. Сразился Реваз, и началась сильная пальба из ружей, пока те не отступили. Вахтанг стал с малочисленным отрядом около одного дуба. Оттуда попала в Реваса ружейная пуля и прошла насквозь. Он не дал знать об этом воинам, наоборот, подбодрил их. Затем пришел к Теймуразу, поцеловал ему руку и, уйдя, сразу же умер. Увидев это, войско Кахети пало духом, а те стали наступать. Бежали кахетинцы, царь Теймураз прибыл во внутреннюю Кахети, а Бидзина возвратился ни с чем. Ростом осадил Теймураза.

Царь Теймураз пожаловал в Греми, и все кахетинцы стояли там же с семьями.

Поражение и гибель царевича Давида и истребление кахетинцев

Царевич Давид, сын царя Теймураза, и войско кахетинцев встретились с посланным царем Ростомом Джамал-ханом. Сразились на окраине Кизики, у старой Анаги. Победили мусульмане, и царевича Давида там убили; были убиты также многие воины и знатные люди. Царь Ростом стоял в Греми, и на шестой день было получено это известие.

Когда царь и грузины узнали о смерти царевича, все начали плакать, бить себя по голове и громко причитать. Джамал-хану написали: «Головы всех убитых доставить в Тбилиси в Сионский собор. Мы приедем из Кахети. Встречайте нас».

75

Поражение царевича, истребление и взятие в плен кахетинцев

С большим горем сообщили родителям о том, что царевич попался живым в плен и был доставлен к царю Ростому. Не требует объяснения, да и какая бумага выдержит описание всех горестей того дня. Сам он, побитый врагом, потерявший сахлтухуцеса, убитого в бою, лишенный войска, потерявший знамя, свою страну и владения. Ему еще приносят весть, что его единственного сына убили враги, и нет надежды, что у него еще родится сын. И вот, этого сына убили, и войско его перебили. Снизу напало мусульманское войско, а сверху наступал царь с картлийским войском, и много кахетинцев перешли к нему. Сам Теймураз, теснимый со всех сторон, притаился со многими сопровождавшими и ждал худшего.

Ради бога, читатели, слушайте внимательно, разве кто-нибудь слышал о таком разорении со времен потопа?! Я, Парсадан Горгиджанидзе, говорю это: Бог справедлив. И в этом деле видно это.

Царь Теймураз много невинных семей разорил дотла и через него множество народа уведено в плен, многие погибли без всякой вины, и многих матерей заставил он проливать слезы. И вот здесь исполнились слова, которые изволил сказать Иисус: «Какой мерой мерите, той же мерой и вам отмерится». Бог также повелел: «Тысяча и одно имя у меня на всех языках и главное из них — правосудие. Ни государю, ни сильному, ни жалкому бедняку я не прощу насилия. Как бы богат и силен не был человек, передо мной он слаб и немощен. И в обоих мирах я потребую от него ответа и в гневе взыщу».

76

Царица Хорешан приходит к царю Ростому ходатаем

Царь Теймураз лишился совершенно сил и возможностей: ни помощи ни от кого не было, ни места, куда бы он мог укрыться. Все дороги для него были скрыты, и не было ни лошадей и мулов, ни прислуги и помощников, чтобы сдвинуться с места. Кахетинцы примкнули к картлийцам и царю Ростому предлагали захватить царя Теймураза.

За это царь Ростом рассердился на них, осудив их, и так изволил им сказать: «Он вас вырастил, а что вы сделали ему хорошего, чего мне ожидать от вас». Захватить Теймураза царь отказался, и на пиру, на котором присутствовало много кахетинцев, он сказал: «С сотворения мира кахетинцы никогда не поступали так вероломно со своим государем, как поступают сейчас с царем Теймуразом».

Эти слова, произнесенные царем Ростомом, кем-то были сообщены Теймуразу. Тот обратился к царице, обливающейся слезами в безутешном горе по сыну: «Царь Ростом ваш двоюродный брат. Идите к нему и попросите за вашего сына, чтобы не убил его. Может быть и наши прегрешения он простит ради нас, и тогда я буду ему служить, как служат иные князья. Если он этого не сделает, то пусть хоть окажет вам столько уважения по родственным чувствам, что живым пошлет моего Датуну к шаху, а нам одолжит столько лошадей и мулов, чтобы добраться до Имерети».

Царица исполнила просьбу Теймураза.

77

Царица Хорешан прибыла к своему двоюродному брату, царю Ростому

Царю Ростому доложили, что к нему пожаловала с ходатайством Царица Хорешан. Царь изволил сказать католикосу: «Вы, царевич Луарсаб, епископы, князья и другие знатные люди, встречайте ее, примите с большим почетом. Когда она подъедет поближе, я сам выеду ей навстречу». Отпустив его, царь повелел около своего шатра разбить шатры для госпожи царицы, сам сел на коня и выехал навстречу ей.

Когда подъехали близко, показался на коне царь. Доложили царице. И, ее спешили и царь сошел с лошади. За одну руку царицу поддерживал католикос, за другую — царевич Луарсаб. Спешилось и войско. Когда сошлись близко, царица обняла ноги царя. Царь не допустил этого, поднял ее, они обнялись, начался плач. И все войско стало громко плакать и бить себя по голове. Даже мусульмане еще больше плакали. Царь заранее запретил кому-нибудь говорить о смерти Датуны. Он привел госпожу царицу в свой шатер, но в тот день, кроме плача, ничего не было сказано. Царица отправилась в свой шатер, а царь, призвав владетеля Лори-Бамбаки и Агджакалы Бошалу Иса-хана, спросил его совета: «Госпожа царица, пожаловала к нам с ходатайством, и наш долг уважить ее. Она во-первых, родственница нам, а потом, когда грузинский царь или, владетель находились в затруднении, они всегда ходатаем посылали или мать или свою царицу. Теймураз выполнил этот обычай Грузии. Что мы теперь должны сделать и что вы мне посоветуете?». Тот так ответил: «Больше ста тысяч иранцев погибло в этой Кахети, и государи много усилий прилагали, но такой победы, какую дал вам бог, никто не достаивался. Поскольку ваша правда дала вам такую победу, здесь вы одержали победу над отцом, а ниже войско убило его сына, и царица пришла и пала вам в ноги, то пусть Теймураз добровольно уступит вам охотничьи угодья в Караязи, а остальное оставьте ему и вернемся обратно». Царь одобрил этот совет Иса-хана и так, и хотел поступить, но те, кто был причастен к гибели Теймураза, доложили царю: «Пока вами не был убит сын Теймураза, он не давал вам покоя. Сейчас, когда вы убили у него такого сына, тем более он будет вас тревожить, а кроме того, возможно, и шаху будет неприятно это примирение. Царица удовлетворится и тем, если вы дадите им столько лошадей и мулов, чтобы без лишней перебраться в Имерети». И такими словами они смутили милостивую душу царя. А там коварно стали советовать и царице: «Просите царя, чтобы он не убивал вашего сына и помог невредимыми добраться до Имерети».

На другой день царь пошел повидать царицу. Царица с плачем упала ему в ноги, обняла их и так оказала: «От благословенного дяди вашего царя Свимона и царя Левана не осталось никого, кроме моего Датуны. Мой сын также очень хотел бы быть при вас. Так как у нас, кроме него, не было детей, мы его не отпустили. Горе мне, теперь его взяли в плен мусульмане и отправили к шаху. Помогите мне перед государем спасти его». Стали плакать. Царь обнадежил ее и так изволил сказать: «С божьей помощью, что возможно, мы для вас сделаем. Шахский двор такое место, что вашему сыну, кроме добра, ничего не будет. Но мне жаль вас, ибо до встречи с сыном печаль и плач вас будут беспокоить».

При этих словах все лили слезы, как дождь. Царица также сказала: «Мы во многом провинились перед вами. Простите нас. Думаю, что и мы пострадали не мало. Если вы внемлете моим просьбам, уважите меня и не оторвете нас на старости лет от наших могил, окраины держите вы, а места вокруг Алавердского монастыря оставьте нам. И бог будет к вам за это милостив и народ одобрит. Царь Ростам сказал: «Бог у меня свидетелем, что я не пожалею сделать для вас ничего из того, что вы изволили сказать. Но весть о пленении вашего сына и о вашем таком поражении, вероятно, уже дошла до шаха, и, боюсь, как бы мы не получили приказа государя, и вас и царя Теймураза не вытребовали бы ко двору. Тогда вы погибнете окончательно».

Царица заплакала и сказала царю: «Тогда окажите хоть такую милость, одолжите нам столько лошадей и мулов, чтобы нас перевезли в Имерети». Царь поднес ей дары на

пятьсот туманов и одолжил пятьсот лошадей и мулов. Он отпустил католикоса сопровождать их со своим войском и изволил передать кахетинцам: «Кто хочет, пусть с семьей отправляется с ними, а кто хочет, может в свите сопровождать Теймураза с царицей. Это нам даже будет приятно и мы сочтем за благое дело». И те, кто с семейством, кто в свите поехали вместе с Теймуразом, и многие пришли к царю Ростому.

Теймураз оставил Кахети, проехал Картли и перебрался в Имерети. Об этом сообщили царю Александру, пребывавшему в Кутаиси.

Эту весть царь Александр передал царице Дареджан

«Вашего отца царь Ростом выгнал из Кахети, и он прибыл в Имерети». Начался у них плач, и стали бить себя по голове. Навстречу прибывшим Теймуразу и царице послали гелатского митрополита с князьями, и везде заготовили для них угощения и прием. Затем царь изволил выехать с большой свитой, они встретились и приветствовали друг друга, стали плакать и бить себя по голове. А митрополит Гелатский тайком сообщил царю Александру о смерти царевича Датуны: «У Имерети нет таких средств, чтобы отдельно два раза собирать народ. Пусть приедет царица, и матери и дочери при встрече объявим о смерти Датуны. Когда причитания усилятся, пусть царь Александр с плачем произнесет хвалу замученному мусульманами Датуне».

Усилился плач и царь Александр с обнаженными плечами стал бить себя по голове, опустился на колени перед Теймуразом и произнес хвалу мужественной смерти царевича Датуны.

Точно смерть поразила царя Теймураза и обеих цариц. Гелатский митрополит и епископы встали и едва смогли привести их в чувство, смочив им грудь водой. Они божественными словами увещевали их, напоминая о дне Страшного Суда, и остерегая от неугодных богу дел.

Родственников покойного усадили, и до сорокового дня продолжалось оплакивание. Князья и дворяне Имерети утром и вечером приходили оплакивать. Чьи владения находились близко, те прибыли раньше, а у кого они были далеко, те прибывали позднее. Большие приношения к похоронам они доставили. И царь Александр понес поразительные расходы по живым и умершим. Если б мы полностью описали, что случилось в этот день, когда сообщили о смерти сына, человек от плача не смог бы прочесть. Поэтому написано так кратко. Оставшиеся из них в живых, в течение пятидесяти лет пребывали в горе и плаче.

Царь Александр царю Теймуразу и всем его князьям и дворянам определил в отдельности деревни и средства к существованию.

Об изгнании царя Теймураза из Кахети и о смерти его сына написали государю России. Царь Александр не смог помочь царю Теймуразу, потому что Леван Дадиани был могущественен и у царя Ростомы была женой его сестра царица Мария. Шах относился к Дадиани милостиво и помогал казной и войском, а на Теймураза гневался. Если бы царь Александр двинулся из Имерети, Дадиани вступил бы в эту страну.

Царь Теймураз остался в Имерети. Царь Ростом головы царевича Датуны и убитых вместе с ним князей и дворян и знамя Теймураза отправил через стольника Бахуту и Элизбара бокаултухуцеса к шаху. Шах был в походе на Кандахар, и все это, посланное ему, привезли на встречу на Бастамском лугу.

Шах признал это за хорошую примету. И отдал Кахети царю Ростому. Элизбару пожаловал в Гандже три деревни, пятьсот халатов прислали грузинам, а царю Ростому пожаловали корону, грамоту и усыпанную драгоценными камнями саблю, шахское платье, халат и коня в золотой сбруе.

Шах пошел на Кандахар и после многих битв и стычек, с многочисленными потерями в войске, с помощью фашинов взяли сначала Калаи Бист, и бывшего там хана и начальников вывезли и со связанными руками провели под стенами Кандахарской крепости, чтобы ханы и султаны, находившиеся внутри, устрешили и сдали бы крепость.

79

В короникон триста тридцать пятый шах Аббас взял Кандахар

После многих битв и больших усилий взяли город и много людей погибло при подведении фашинов и во время штурма. Взяли крепость и кызылбаши ворвались внутрь, разграбили город и крепость и много добра захватили. Поставленного индийским государем хана со своими подчиненными привезли к шаху. Хана и выдающихся лиц захватили с собой, а другим дали охранную грамоту, чтобы они могли пойти, куда хотят. Кандахар отдали Мераб-хану, а шах отбыл в Мешхед.

Следующим летом сын индийского государя с большим войском подступил к Кандахару, и со всех сторон подвели фашины и снаружи и изнутри стали стрелять из ружей и пушек, а снаружи стреляли в лагерь. Фашины достигли крепостного рва, а некоторые прошли и дальше. Начался штурм стен, защитники внутри держались хорошо, но хороши были особенно кызылбаши. Человеческими трупами наполнился ров. Индийцы удивительно дрались, не страшась смерти. Но крепость не смогли взять, и в тот день воздавалась хвала воинам, хорошо державшимся в бою.

Три трудных штурма произвели, но крепость не взяли. В это время Мераб-хан умер в крепости. Смерть его хранили в тайне, и все же не взяли крепость.

Царевич очень старался, но крепость не взял и, напрасно потрудившись, с войском, потерпевшим сильный урон, вернулся назад. А Кандахар шах отдал Отар-хану. Государь Индии и на Отар-хана послал своего старшего сына Дарашуку с многочисленным войском и артиллерией. Он осадил Отар-хана в крепости и командующего индийским войском Ростом-хана, владетеля Декана, послал на Калаи Бист.

Шах Аббас назначил командующим корчибаши Муртуза-кули-хана Беджирлу, дал ему войско Ирана и послал его на индийцев.

Так как сын индийского государя осаждал Кандахарскую крепость, а командующего послал на Калаи Бисти, кызылбаши решили, что войска у них мало, и не стали дожидаться своего арьергардного войска.

80

Битва иранцев и индийцев при Херманде

Муртузакули-хан внезапно напал на Индийского командующего. Те встретили его с построенными рядами готового к бою войска. Как море, полное воды, стояли индийские отряды, построенные по тысячам, и местами медленно шли за слонами, осыпая противника стрелами и ядрами. Выстрелив, стрелки отходили в сторону и на их место выступали другие. Но от войска никто не удалялся, и никто не мог проникнуть внутрь их войска. С какой бы стороны ни атаковали кызылбаши, они осыпали их стрелами и ядрами и, или сбрасывали с коней, или обращали в бегство. В конце концов одержали победу индийцы. Шах велел схватить Муртузакули-хана, но так как он имел заслуги, не убил и велел отослать в Кум.

Индийцы тогда не смогли взять Кандахар. Царевич с разбитым войском вернулся назад.

С шахом Джаханом, государем Индии, поссорились его сыновья. Четыре брата стали враждовать между собой, и тот, которого звали Евренгзибом, благодаря своему уму, провел всех остальных и сам стал государем. Он убил своих братьев, взял в плен отца и захватил страну. Его племянники бежали от него и просили помощи у соседних с Индией владетелей. Они стали с ним воевать и повели борьбу, поэтому не пришли к Кандахару.

Халифе Султан этимадовле умер, и его место и везирство шах отдал Мухаммед-хану. Когда Мухаммед-хан сделался этимадовле, шах прибыл в Казвин.

Царь Ростом привел из Казвина в Тбилиси для царевича Луарсаба Тamar, дочь своего племянника со стороны сестры Адам Султана Андроникашвили. А Луарсаб был сыном Теймураза-мирзы, сына дяди Ростом Вахтанга. Царь усыновил его, так как был бездетен. Он взял его к себе в царевичи, чтобы после него Картли осталась за ним. Поженив Луарсаба на дочери Адам Султана Тamar, Ростом справил им удивительную и славную свадьбу.

Картли и Кахети, Пуштуку, моуравство Исфакана, Хуин, триста туманов от Гиляна и тбилисский монетный двор, пять тысяч дымов кочевников-мусульман принадлежали царю Ростому и враг ниоткуда не угрожал ему. В покое, пирах и охотах пребывала Грузия.

Кончилась свадьба царевича Луарсаба. Кто с женами прибыл на свадьбу, всем им поднесли подарки и отпустили.

В следующую весну царь, знатные люди Грузии, царица с женами князей отправились в путешествие по Кахети.

Из Тбилиси они прибыли в Лило. Непогода и слякоть заставили их прибыть в Самгори. Там поохотились и остановились в Сатисчала. Прибыли затем в окрестности Манави и, проехав охотой Сагареджо, приехали в Бежанбаги и там охотились. Оттуда спустились в Шираки и, после охоты в обоих Шираках, прибыли в Кизики. Остановились в Магаро, а оттуда приехали в Опадари. Остановившись там и поохотившись в балках и лощинах, опустились к берегу Алазани и стали выше Башинджага. Через три дня царь снялся оттуда и на четвертый день охотился в Топкарагадже. Множество оленей, джейранов и другой дичи было тогда убито, а птиц нельзя было и счесть. Оттуда пришли в Цина Миндори, поохотились на ее половине, и только на этой половине было взято тысяча пятьсот голов дичи, доставленной царю, кроме того, что было взято каждым участником в отдельности, да не считая фазанов и другой птицы. Двинувшись оттуда, охотились на другой половине этого же Цина Миндори. Еще больше дичи было убито здесь. Отсюда прибыли на Переправу Абсла. Для царя там были устроены шалаши. Там они стояли неделю и множество кабанов, оленей, косуль и фазанов взяли, Выехав оттуда, они, делая частые остановки и охотясь по пути, прибыли в Алаверди.

Алавердская церковь, обрушившаяся при царе Теймуразе, из-за смуты не была им восстановлена. Царь Ростом ее восстановил. Десять дней стояли там, оттуда перешли в Алони.

По покойникам, погребенным в Алаверди, царица отслужила службу, устроила поминки и всех в отдельности оплакивала. Пока оставались там, служили обедни и устраивали поминки.

Переpravившись через Алазани, в течение двадцати дней стояли в Алони. В этом Алони и в его окрестностях распустились множество разных цветов, фиалок и маков.

Выехав оттуда, через два дня прибыли в Греми. Там мы видели много хорошо построенных дворцов разрушенными, без окон и потолков, превратившимися в убежища для диких зверей. Увидев таким разрушенным государев дворец, царь Ростом, опечаленный непостоянством сего мира, повелел Горгиджанидзе экспромтом сказать соответствующие случаю стихи по поводу этих развалин.

И тот сказал следующий стих:

Ради бога, слушайте хвалу Гремского дворца.

Кто увидит его таким, не сможет успокоиться.

Мир этот жесток, никому не даст пощады.
Если память о его строителе умрет, вас обнимет печаль.

Смерть брата имеретинского царя Александра, царевича Мамуки

Царь Имерети Александр прислал царю Ростому траурный знак с известием о смерти своего брата царевича Мамуки.

В письме, сообщавшем о смерти, было описано, как он попал в плен к Левану Дадиани, каким мучениям подвергался он в плену, как ему выжгли глаза, с юношества до самой смерти немилосердно подвергая многим жестоким мукам, как истязали тысячью пытками и убили недостойной и позорной смертью. И когда развернули траурный знак и прочитали письмо царице Марии, она, как своего сына Отиу, одевшись в траур, оплакивала царевича Мамуку, распустив волосы и оголив руки, проливая горестные слезы и восхваляя в плаче Мамуку. И все картлийские князья и женщины горько оплакивали его, как дорогого сына. Особенно плакали они по поводу его мучительной смерти и проклинали Левана Дадиани. Царь Ростом с войсками картлийцев и кахетинцев тоже горячо оплакивал его; оголив плечи, били себя по голове и осуждали Дадиани.

И вот, смотрите, как справедлив бог. В возмездие за то, что он сделал с Мамукой, у Левана Дадиани умер сын, и отец при оплакивании сына ударил себя по голове булавой, да так, что упал мертвым над телом еще непохороненного сына.

Царь Александр с войском напал на них и захватил его казну и владения. Дадиани он похоронил с подобающими почестями, поставив правителем Вамика Липартиани и отдав ему половину казны, а что было в ней хорошего и лучшего, царь и взял себе. Все, что Леван Дадиани несправедливо взял в выкуп за царя Георгия, — сын Георгия, царь Александр по праву забрал себе. И бог в гневе взыскал с Левана Дадиани и с его детей, и он собственной рукой убил себя. И насилием собранное множество золота, серебра, драгоценных камней и жемчуга осталось им неиспользованным и попало в руки другому, а сам он исчез с лица земли вместе с семьей и сыном.

И все говорили, что за несправедливость к царевичу Мамуке умер Леван Дадиани, не оставив потомства. И это будет достаточным знамением для всех, и в этом исполнились слова Иисуса Христа: «Какой мерой мерите, той же мерой и вам отмерится». Справедливость в этом же мире исполняется и насилие никому не прощается.

Вамик Дадиани был покорен царю Александру. В это время царь Теймураз стоял в Раче и готовился к поездке в Россию. Царь Александр написал ему письмо и послал вдогонку человека: «Богом оказана нам такая великая милость, вы не ездите в Россию, если желаете, владейте Одиши, а если угодно вам будет, я вас поставлю царем Кахети и Картли».

Не послушался он.

Когда Теймураз перебрался в Имерети, Картли и Кахети вздохнули свободно и, кроме пиров и охоты, не было у них забот. Но снова принялись за старые распри и сказали: «Наш царь стар и бездетен, он привел царевича Луарсаба в сыновья себе и господином нам. А у нас, у грузинских князей, у всех имения его деда Вахтанга. Когда он станет царем, у всех отнимет эти имения и отдаст в удел своему сыну. С этим надо как-нибудь справиться. Царь Ростом стар, за большим он не будет гнаться. Пока он жив, будем ему служить, а когда умрет, попросим в цари у шаха того, кого мы пожелаем». Вот такую клятву дали они тайно друг другу и сговорились.

Царь Ростом построил мост с куполом на Ганджийской дороге

на реке Дебеда, выше Гатехили

Он построил деревню и каравансарай, чтобы избавить путника от беспокойства, и чтобы были готовы помещение и еда. Царь с царицей и с князьями и дворянами приехали из Тбилиси, чтобы осмотреть тот мост и каравансарай, и остановились там.

Князья сказали царевичу Луарсабу: «Царь останется здесь пять или шесть дней. Вы можете переехать на другой берег и поохотиться в прибрежном лесу».

Царевич был молод, ему понравилось предложение и он отпросился у царя. Сначала царь не разрешал ему, и он еще раз просил его отпустить. Царь разрешил. Перебрались на другой берег, чтобы там поохотиться в ласу на оленей и кабанов.

Стали сгонять зверей и в некоторых местах на звериных тропах поставили ружейников. Знатных людей, князей и дворян с луком и стрелами разделили и у каждого хода зверя поставили главным по одному князю. Когда стали сгонять зверей и приблизились к выходам, началась стрельба из ружей и луков по кабанам.

В это время в царевича Луарсаба попала пуля из мушкета, и поднялся плач, и все били себя по голове. Охота расстроилась, и к царю послали гонца, сообщить ему о таком горестном случае. Царь очень огорчился и послал к царевичу его же дядю по матери, Элизбара бокаултухуцеса с лекарем и хирургом. Сам царь тоже поехал к нему со свитой и застал его в живых. Кругом все плакали и били себя по голове. Царь спешил и вошел в тот шалаш, где лежал раненный из ружья царевич. Увидев царя, царевич попытался встать на ноги, но у него не хватило сил, он не смог встать. Царь бросил шапку оземь и стал бить себя по голове и плакать. Он присел к царевичу и стал его выпрашивать, с какой стороны попала в него пуля, и кто стоял на той стороне, и не знает ли он, чье это было ружье.

Царевич так сказал царю: «Если я выздоровею, сам найду того, кто меня ранил, а если умру, то дай бог вам здоровья, как найдете лучшим, так и поступайте». Он прожил до следующей ночи, и когда умер, то во всех шалашах поднялся плач, и все били себя по голове. Те, которые радовались, еще громче плакали и сильнее били себя по голове, чтобы не догадаться об их радости.

Когда настало утро, мусульмане, согласно своим обычаям, развернули знамена и стяги, муллы с плачем возвысили глас моления богу, читая мусаф. Картлийцы и кахетинцы, оголив плечи, с плачем и воплем, ударяя себя по голове и говоря хвалу покойнику, оплакивали его. Лошадей оседлали задом наперед, носилки и покойника накрыли дорогими покрывалами, а сопровождающие его накинули себе на плечи окровавленное платье царевича. Князья подняли носилки и по Авлабарской дороге привезли в Тбилиси.

В городе начался сильный плач и стенание, и каждый по правилам своей веры вышел встречать покойника.

Дворец царевича находился у авлабарской дороги. В ту ночь, когда ранили царевича, Тамар, жена царевича, видела во сне, что ей отрубили голову. Сон этот опечалил ее. Она вдруг увидела, что по авлабарской дороге несут покойника и множество народу идет за ним, и у всех оголены плечи и бьют себя по голове и причитают. Увидев это, Тамар сказала себе, что такого шума не может быть ни по ком, кроме как по царю или царевичу. «Без сомнения, — решила она, — сбывся сон, который я видела, и у меня умер царь или царевич». Она ударилась головой о стену и упала без чувств, как мертвая. Ее привели в сознание, опрыскивая водой. Убитого из ружья мужа привезли к ней, и картлийцы и кахетинцы с женами прибыли в Тбилиси, а царь сам и царица Мария до конца недели оставались во дворце царевича, оплакивая его.

Каждый приходил и, по своему обычаю и соответственно своему положению оплакивая покойника, подносил покрывала.

Совершили поминки и раздачу подавания по мусульманскому и христианскому обычаям. Покойника повезли в Ардебиль, в усыпальницу шейха Сефи. Когда они приблизились к Ардебилю на расстоянии одного дня пути, к ним навстречу вышли хан

Ардебильский, мутаввали шейха Сефи, шейх уль-ислам, кади и калантар, муллы, учащиеся духовных школ, муштеиды и законники, с чтением мусафа и со знаменами и стягами. Когда же подъехали близко к городу Ардебилю, к ним навстречу вышли все горожане, взрослые и малые, и с великими почестями приняли покойника, предав его земле недалеко от гробницы шейха Сефи.

Царь Ростом написал шаху об этом происшествии, но так как в то время совершался поход на Кандахар, царь, чтобы не смущать народ, не стал расследовать это дело. Однако ввиду того, что Сиаош Бараташвили обвинил Байндур Туманишвили и сказал ему, что царевича убила пуля из его ружья — то их вывели на божий суд.

В это время Сиаоша Бараташвили и Байндур Туманишвили вывели на божий суд

Во всякой вере надлежит остерегаться огорчать государя или провиниться перед ним, особенно же осмелиться причинить ему что-нибудь неподобающее и пролить кровь государя. В Грузии грузин много и за ними сила, а армян мало и они слабы. О такого рода делах они и говорить не могут, не то что их совершить. А грузины хотели, чтобы эта кровь пала на голову армян. Положение армян тем было плохо, что клятвами или уверениями этот вопрос не мог быть решен.

Сиаош Бараташвили сказал, что в царевича стрелял Байндур Туманишвили. Тот отрицал это. Поэтому их заставили сразиться, и повелением бога правда выявилась.

Оба они, грузин Бараташвили и армянин Туманишвили, согласно своей вере отправили требы и подготовились к сражению.

Царь и кызылбаши стали на сторону армян, а царица и грузины поддерживали Сиаоша. Царю доложили, что такие дела не решаются без меча. Царь и повелел: «Что полагается по их вероисповеданию, пусть выполнят и условятся о поединке. Ко времени поединка пусть приходят к нашему двору».

Они выполнили приказ царя, исповедались и покаялись, причастились и раскаялись в совершении зла, просили и получили прощенье у тех, перед которыми провинились, и кому были должны что-нибудь, вернули долги. Обошли свои церкви, внесли им пожертвования и по мере возможности раздали бедным и немощным.

В условленное время они приехали в город Тбилиси. Место для поединка им назначили на другом берегу Куры, против дворца, чтобы со всех сторон могли их видеть. Оба они одели на себя боевые доспехи, сели на коней и переправились на тот берег. Царь поставил шесть ясаулов на место боя. Ворота крепости заперли, чтобы ни туда не впускать, ни из нее не выпускать никого. Бараташвили и Туманишвили верхом стояли поодаль друг от друга.

С этого берега им закричали, что пора начинать бой. Первым поскакал на противника Сиаош. Он ударил его копьём, прорвал кольчугу и проткнул бок. Копье сломалось, а наконечник его застрял в боку у Байндур. Теперь Байндур обратился на него и ударил Сиаоша копьём, в бедро. Копье сломалось и у него. Он отъехал от противника. Сиаош поскакал за ним, догнал, и, ударив палицей, отступил. Теперь Байндур догнал его и ударил палицей, но так как рука у него была мокрая от собственной крови, то палица выскользнула у него из рук, и лошадь у него понесла. Сиаош же гнался за ним и бил палицей. Байндур схватился за саблю и взмахнул ее за собой. Удар пришелся по носовой стрелке шлема Сиаоша и он тотчас упал с коня. Мусульмане и армяне стали громко кричать: «Аллах, Аллах».

Байндур бросился к упавшему, чтобы прикончить его, но ясаулы не допустили его. Все же он успел убить его лошадь.

По повелению царя, арестованного Сиаоша сдали в крепость, а Байндур, раненый, не снимая боевых доспехов, на своем коне переехал на этот берег и, поклонившись царю, доложил ему: «Это враги ваши хотели, чтобы мы сразились, и вот оба мы без вины, напрасно поранили друг друга». Сказав это, он поехал к себе домой, а царь послал ему лекаря и мумие. С трудом вынули у него застрявший в теле наконечник копья. За два года еле зажила рана у Сиаоша. Ему грузины помогли выпутаться из беды. Его кольчугу и оружие царь отдал Байндуру. Царевич же остался не отомщенным.

Супруга царевича Луарсаба была дочерью племянника царя Адам Султана, и царь решил отдать ее Вахтангу, брату царевича Луарсаба, и усыновить самого Вахтанга. «По мусульманским обычаям, — сказал царь, — они могут сочетаться браком, поскольку оба они мусульмане».

Это обидело грузин, но ничего не смогли возразить.

84

Царь Ростом послал Турмана к шаху просить его прислать царевича Вахтанга в наследники престола

Шах находился в Мазандаране. Там ему Турман передал прошение царя Ростом, в котором царь просил шаха дать ему в сыновья Вахтанга, сына Теймураза-мирзы — сына своего дяди Вахтанга.

Царевича Вахтанга не было при дворе, он находился в Казвине, был тамошним моуравом. Шах написал царевичу письмо: «Царь Ростом желает усыновить тебя. К тебе приедет Турман. Приведи все дела в порядок и выезжай ко двору. Здесь наденешь халат и отправишься по назначению».

Когда это письмо получил в Казвине царевич, мать его сказала: «У меня взяли старшего сына и убили его. Теперь и тебя отнимают. Но ведь у меня нет никого, кроме тебя. Я тебя никуда не отпущу и не дам никому убить тебя. Я сама пойду к шаху. Пусть тебе при жизни Ростом дадут Грузию или же поблизости от Грузии подарят такие владения, чтобы ты не зависел от милостей царя Ростом. Или же пусть тебя отправят в Грузию после смерти Ростом».

По такому случаю сказано: «Целились в спелые, а падали незрелые плоды».

Царевич Вахтанг послал свою мать к шаху, а Турману сказал: «Ты возвращайся в Грузию, и когда мы будем готовы отправиться туда, пришлем гонца и вызовем тебя. Ты приезжай, и тогда вместе поедем в Грузию». Он не оказал Турману подобающего почета, не поднес ему подарков и так отпустил его. Оскорбленный и раздосадованный Турман прибыл к царю Ростому, и много обидных вещей ему рассказал. «Вы хотите усыновить его, он же обвиняет вас в убийстве брата и называет своим кровником». Рассердился на это царь и изволил сказать: «Я хотел усыновить его, но если бы бог захотел, чтобы я имел сына, то он дал бы его мне. Теперь, пока я жив, буду сам властвовать, а после меня пусть дадут власть кому хотят». К этому времени мать царевича Вахтанга была уже у шаха и просила не отправлять ее сына в Грузию. Шах на это ответил, что если ее сын не хочет ехать, то пусть не едет.

В это время Халифе Султан этимадовле умер в Мазандаране, и должность везира и этимадовле отдали Мухаммед-бегу

Шах прибыл в Казвин. Царь Ростом через Парсадана Горгиджанидзе послал Мухаммед-бегу поздравления и дары и по поводу получения им должности этимадовле. Этимадовле хорошо принял меня и богато одарил. Присланных царем пленных, а также поднесенные мною дары отнесли шаху, причем были упомянуто мое имя с хорошим отзывом. Шах изволил приказать: «Спросите его, почему царь не разыскал убийцу Луарсаба».

Однажды меня позвали к этимадовле, который опросил, почему царь Ростом не нашел, кто убийца Луарсаба. Я ему ответил следующее: «Если это случилось по роковой случайности от какого-нибудь злодея, то чего уж тут искать. Если же убийца стрелял по чьему-нибудь наущению, то значит, это дело кого-то из вельмож. А государь в это время был в походе на Индию, и если бы царь Ростом стал искать виновника этого убийства, в Грузии могла бы возникнуть смута и произойти события, неприятные для вас. А то искать и найти убийцу легко».

Этимадовле изволил мне сказать: «Шаху сообщили, будто царь Ростом сам приказал убить царевича». Я поклялся, что первый раз слышу об этом. В ту ночь царевич Вахтанг, оказывается, был там, но я не знал его в лицо. На другой день он пожаловал ко мне.

Мне сообщили, что царевич идет ко мне. Я вышел встречать его. Увидев его, я узнал в нем человека, который вчера вечером был у этимадовле. Он стал расспрашивать меня о благополучии царя Ростом, тепло справился и о моем положении. Я поблагодарил его и просил извинить меня, что не был у него. На другой день я навестил его. Он хорошо принял меня, долго не отпускал, и много умных слов изволил сказать. И пока я находился в Казвине, часто приглашал к себе. Когда же меня отправили обратно в Грузию, он написал письмо царю Ростому и просил передать ему слова смирения и покорности.

В ту зиму я задержался в Лахиджане, где должен был взять триста туманов царских денег. Письмо царевича и то, что он просил устно передать царю, мы, изложив письменно, отправили царю Ростому. Прочитав письмо царевича, царь прислал ко мне в Лахиджан гонцом Джилав-хана Тальшского с письмом и с таким повелением: «Как только этот человек прибывает к тебе, сейчас же отправляйся гонцом к шаху и передай ему наше прошение. Мы просим его прислать в сыновья царевича Вахтанга. Когда царевича будут отправлять сюда, ты поезжай впереди него и с большими почестями привези сюда». Отправившись из Лахиджана, я на пятый день прибыл в Кум Шаху и передал государю прошение царя. Шах устроил меня к этимадовле и так изволил приказать: «Мы приедем в Исфахан и оттуда отправим вас».

Когда мы приехали в Кашан, от царя Ростом прибыл гонец. Царь писал шаху: «Если еще не отправили царевича Вахтанга, не надо пока отправлять. Мы посылаем владельца Мухрани, который будет сопровождать царевича в пути в Грузию. Парсадан пусть возвращается в Гилян. Если же царевича уже отправили, то просьба не задерживать его, пусть скорее поедет».

Мне царь писал то же самое. Гонец с этим письмом прибыл к нам в Кашан. Я вернулся обратно в Гилян, а шах изволил отбыть в Исфахан. В Исфахан же приехал владелец Мухрани, которого шах хорошо принял. Выяснилось, что царевич Вахтанг заболел и умер. Когда царю Ростому доложили об этом, он очень огорчился. Послав гонцом к шаху Хосиу Бараташвили, он просил прислать джанешином владельца Мухрани.

Шах оказал ему милости, одарил хорошо и отпустил. Когда владелец Мухрани прибыл в Грузию, царь Ростом также стал оказывать ему больше почета и отдал некоторые из деревень, принадлежавших Вахтангу, распорядившись записать его своим сыном в грамотах, выдаваемых на владения пожалованных имений.

Владелец Мухрани захотел еще больше усилиться и начал тайно привлекать на свою сторону видных подданных царя. Он попросил у Нодара Цицишвили дочь в жены своему сыну Арчилу, а за сына Заала Эристави Зураба выдал свою дочь. Царица Мария также выдала ему клятвенную грамоту. Придворные тайно от царя принесли ему присягу на верную службу, по той причине, что бездетность царя Ростом лишала грузин всяких надежд. Он был стар и слаб от старости, и не было у него ни сына, ни близкого родственника. Поэтому и сказано, что старость — худшее несчастье. Много царей и князей, купцов и крестьян, не оставившие после себя детей, бесследно исчезали с лица земли, а их имуществом, властью, престолом и короной, казной, землями и войском завладевали другие.

В короникон 344 царь Ростом должность моурава Исфахана пожаловал мне, Парсадану

Со всем подобающим убранством приехал я в Исфахан. Счастливый шах Аббас принял меня благосклонно и оказал большой почет, поручая выполнение большей части работ по суду. Это обидело диванбега, который подговорил исфаханских подонков принести на меня жалобы шаху и заставил их возвести на меня напраслину. Узнав об этом, государь велел арестовать его, выколоть глаза и отнять все имущество. Меня же он пожаловал в эшикагасы и назначил на содержание пять селений в Гульпейгане. Я остался при дворе шаха, а семья моя жила в Грузии.

В это время из Грузии прибыл гонцом Сехниа Туркестанишвили, привезя к шаху письмо от царя Ростом. Царь писал: «Леван Дадиани умер, и его страну и казну взял царь Александр, посадив на место Дадиани одного из его дальних родственников. Брат и племянники Левана находятся при нас. Одишцы просят дать их им в правители, но у нас нет сил осуществить это. Пожалуйте владетелю Мухрани грамоту, подтверждающую его права на царство после меня, чтобы войска имели страх перед ним. Я хочу поставить его командующим и послать на Одиши восстановить в своих владениях племянника Дадиани».

Вслед за этим известием прибыл гонец от везира Азербайджана. Он сообщал, что царь Ростом скончался в Гори и встревоженные кочевые племена азербайджанцев перебравшись через Аракс. Таких известий ждали и с других краев, но не получили. Шах послал стремяного Махмуд-бега в Грузию за достоверными сведениями. За месяц тот успел поехать туда и вернуться. Он принес такое известие: Ростом не умер, но болел и продолжает болеть.

В это же время приехал гонец Заала Эристави. Тот прислал донесение шаху: «Здоровье царя сильно ухудшилось, и о тех донесениях, которые взял к шаху Сехниа, царь ничего не ведает. У него украли печать. Не верьте им, пока не узнаете правды».

По этому донесению шах мне приказал следующее: «Парсадан, ты хорошо знаешь тамошние дела, поезжай срочно, отвези царю, владетелю Мухрани и Заалу Эристави халаты и узнай правду о тех донесениях — написаны они царем или нет; все хорошо расследуй и разузнай про тамошние дела и возвращайся скорее».

Дали мне халаты и шах мне повелел: «До сих пор эристав писал мне все хорошее о владетеле Мухрани, а сейчас не знаю, почему они разгневались друг на друга. Узнай это хорошо. И если царь Ростом жив, спроси у него, заставь написать письменное обязательство, пусть князья и вельможи Грузии приложат к нему свои печати и пусть скажут, кого они хотят иметь царем после Ростом».

Со мной послали Сехниу и приказали ехать быстро и поскорее возвратиться. Халаты, сложенные в переметные сумы, привязали к седлам, и с тремя своими людьми я из Исфахана на двенадцатый день прибыл в Тбилиси. Царь был болен, и халат он надел в постели. Я передал царю слова, которые приказал шах. Царь изволил мне сказать: «Оба они с войсками стоят в Соманетском лесу. Ты сначала отвези им эти халаты, пусть они их оденут. Десяток дней побудь у себя дома, и когда я позову, приезжай, и я отправлю тебя обратно и о здешних делах все напишу государю».

Из Тбилиси мы прибыли в Гори. Царица находилась в Гори, а своих племянников она послала занять Одиши. Там мы видели ее. Она расспросила нас о шахе, и мы рассказали ей все. На другой день прибыли в Соманетский лес.

Все кахетинцы и картлийцы вышли нас встречать. Владетель Мухрани и Эристави надели пожалованные шахом халаты и благословили государя. Затем пошли в шатер владетеля Мухрани и там пообедали. На следующий день нас пригласил на обед Эристави и много жалоб высказал на владетеля Мухрани и на членов своего дома.

На третий день я, простившись с ними, приехал к себе в Гори, чтобы побыть там, пока не получу приказа царя.

В Соманети получили известие, что царь Александр одержал победу и перебил сыновей Дадиани.

Война с царем Александром и смерть племянника Дадиани, Липара

Войска картлийцев и месхов были с Липаром. Они сразились с царем Александром. Царь победил, и картлийцы и месхи частью были убиты, частью попали в плен, другие же бежали и пришли в Соманети. Заал Эристави и Элизбар Эристави со своими войсками, а также кахетинцы, все вместе ушли оттуда и прибыли в Тбилиси к царю, став в Авлабаре. Царь был болен по старости и лежал в постели. Владелец Мухрани также приехал в Тбилиси. Эриставы послали Джамал-хана к царю и просили передать, что, пока он жив, они никого, кроме него, не желают иметь своим правителем, а после него никакому царю Грузии не будут подчиняться, их повелителем является только шах.

Царь послал им такой ответ: «Сейчас я болен, вы повремените с моим делом. Посмотрим, как будет с моим здоровьем; если оно улучшится, я все устрою, если же нет, пусть с вами будут кахетинцы, а другие не имеют на вас никаких прав, и сам владелец Мухрани пусть остается у себя в Тбилиси».

Но владелец Мухрани ответил царю: «Если бы Эристави пошел со мною в Имерети, царь бы двинулся на нас, а племянник Дадиани, Липар, занял бы Одиши. Сколько раз я собрался перейти в Имерети, он и сам не пошел со мною, и войска своего не пустил, а когда узнал о нашем поражении, стремительно снялся с места и, поведя с собою ксанского эристава и кахетинцев, прибыл сюда в Авлабар». И ему царь так сказал: «Сейчас я болен и, если поправлюсь, я вас обоих рассужу, — если же не выздоровею, делайте так, как вам будет лучше».

Услышав такие слова от царя, владелец Мухрани послал меня в сопровождении мустауфи царя Мохаммеда Земана и Туманишвили Байндура к Эристави, чтобы передать ему следующее: «С самого начала ты ведь захотел сделать меня царем, чем же я провинился сейчас, что ты так рассердился на меня. Я отдал дочь за твоего сына, и имений, сколько скажешь, уступлю». Все это мы передали эриставу. Тот так изволил сказать: «Когда мы решили отдать ему предпочтение, он выдал дочь за моего Зураба, он же женил своего сына Арчила на дочери Нодара. Нодар, который разъединял нас, умер, но живы Турман и митрополит Тбилисский. Царство Картли мы предназначали ему, а царем Кахети был наречен я, а то и при нем, я много раз клялся, что после царя Ростом не буду служить никому из царей Картли, будь это он или кто-нибудь другой».

Эти слова Эристави мы доложили владельцу Мухрани Вахангу. Он послал к эриставу других посредников и те принесли, ему такой же ответ. Мне, Парсадану, от шаха было повелено составить письменное обязательство, дать грузинам приложить к нему свои печати и представить шаху.

Эристави послал гонца к шаху. Поскольку владелец Мухрана Бахута-бег был джанешином и имел шахскую грамоту, его называли царевичем, сменили имя и стали звать Вахангом. Скрепили печатями свидетельство по поводу воцарения царевича Ваханга, вручили гонцу. Царь Ростом также написал: «Я очень ослаб. Если мне станет лучше, о здешних событиях сообщу через гонца». Паату Германозишвили также отправили вместе с гонцом. Джамал-хан уже находился в Тбилисской крепости.

Присланный шахом гонец вернулся обратно, вместе с ним прибыл Паата Германозишвили, рассказал о событиях в Грузии и о царе: «Болезнь очень усилилась, вылечить его трудно». Шах отправил гонца с приказом: «Аллаверди-хану прибыть в Карабах, Сефикули-султану отправиться в Картли и привезти сюда Заала Эристави». О царствовании владельца Мухрани он сказал: «Посмотрим, как пойдут дела царя Ростом».

Смерть царя Ростом

В короникон 347 царь Ростом скончался в городе Тбилиси. Царице и грузинам не дали оплакать его. Для успокоения: плакали всего один или два дня. Тело царя Ростом кызылбаши занесли в крепость, а оттуда отправили для погребения в Кум.

Джамал-хан заранее прибыл сюда. Он прислал царице шахскую грамоту. По приказу государя ее завели в крепость и хотели отправить к шаху. Царица послала шаху прядь седых волос и передала: «Я выполнила ваш приказ, вступила в крепость со своей свитой. Я старая женщина. Муж мой и брат множество услуг оказали вашему семейству. Не увозите меня отсюда».

Волосы и письмо отдали Папуне Цицишвили и послали гонцом. Папуна за короткое время прибыл к шаху. Тот был огорчен смертью царя Ростом. Папуна рассказал много хорошего о царице, показал седые волосы и доложил: «Царь Ростом еще при жизни отдал свое царство царице Марии. Он же завещал владетелю Мухрани жениться на царице и им властвовать в Картли». Шах согласился и все, чем владел Ростом, пожаловал им. Вахтанг-Бахуту он назвал Шахнаваз-ханом.

Папуну Цицишвили вскоре отправили обратно, и к новому году он прибыл в Тбилиси. Вахтанг приехал в Соганлуги навстречу шахской милости. Папуна поднес ему халат. Вахтанг надел его, шахскую грамоту воткнул в головной убор и так вступил в город. Его обратили в мусульманство и нарекли Шахнаваз-ханом. Спустя сорок дней справили свадьбу Шахнаваз-хана и царицы Марии. Все радовались и поздравляли царя и царицу.

Царь Ростом совершил множество славных дел в своей жизни, при царствовании в Картли. Он восстановил церкви, построил крепости, села, каравансарай и другие здания, соорудил мосты. Он же соорудил мост Гатехили, на той реке, в которой соединены Кциа и Дебеда. Он возвел для христиан церкви, а для мусульман — мечети. Беднякам, князьям и дворянам, кто служил ему, всем назначил содержание, чтобы их семьи и сами они имели вдоволь пищи и одежды. Нищим, вдовам и сиротам, священникам и монахам он дал пропитание. Сто лет он жил и никогда уста его не произносили сквернословия. Он был моуравом Исфахана и кулларагасы шаха. Шах Аббас скончался в Мазандаране, и царь Ростом возвел на трон в Исфахане шаха Сефи. В окрестностях Хамадана сразился с великим везиром ховдкара Хосров-пашой и одержал победу. За мужество его назвали Ростомом, а то имя его было Хосров-мирза. Он много добра и благодеяний сотворил в Иране. И даже спустя тридцать пять лет после его смерти все население, и взрослые, и дети, все восхваляли и молились за упокой его души.

Заал Эривави второй раз прибыл к шаху и ему был оказан большой почет

Вышел приказ шаха, чтобы моурав Исфахана, везир, калантар, начальники и главнейшие лица Исфахана, юзбаши и минбаши шахских кулиев и князья вышли встречать Заала Эривави. Он приехал, поцеловал порог шахского дворца. Жилье ему предоставили в доме этимадовле Мирзы Таки и приставили мехмандара. Государь принял его благосклонно, много милостей ему оказал и богато одарил. На зиму он взял его на охоту в Мазандаран. Сына Дадиани Шамадавле и ксанского эривави Иасе, сына Иасе, шах из Исфахана отправил в Грузию, а Заала Эривави, Георгия Чхеидзе и кахетинцев

привел с собою в Мазандаран, где устроил для них охоты, пиры и иллюминации, назначив пятьсот туманов жалования.

Пограничные области Кахети он пожаловал Эристави, а остальную часть ее дали ганджинскому хану. Возвеличенного таким образом и снабженного всем Заала Эристави из Мазандарана отправили в Грузию, назначив советником правителя Кахети Муртузкули-хана.

Все эти милости, оказанные шахом Эристави, вызвали в других зависть. Стараясь скрыть свои намерения, подослали к нему его же близких и, чтобы совратить его, стали хвалить и величать и говорили: «Почему при тебе Кахети должны заполнить мусульмане? Соверши что-нибудь такое, чтобы христианский мир не погиб». Но они не смогли завлечь Эристави в такое дело. Говорили, что его сын и зять также приняли участие в этих подговариваниях. Из-за вражды к Эристави Кахети они заставили тушин поклясться, что нападут и перебьют всех мусульман, которые поселены в Кахети. Те так и сделали и где только встретили татар, всех порубили. Сам же Аликули-хан Кенгерлю укрепился в крепости. Во всем этом, содеянном другими, обвинили Эристави и написали шаху. От шаха получили приказ, постараться взять Эристави живым. А взять его было трудно. Подговорили его племянников, подослали их к нему предательски и, когда Эристави сидел в одном архалуке, без оружия и без своих людей, напали и убили своего дядю.

Сын Эристави, Зураб, и зять его, сын ксанского эристава Шалва, шурина Чхеидзе Георгий находились в это время в Тианети. Их, тайком пробиравшихся через Триалети в Ахалцихе, видели кзылбаши, узнали и, прискакав в Цхирети, доложили царю Вахтангу. Царь послал вдогонку войска. Их настигли, Георгия Чхеидзе убили, а эриставских сыновей привели к царю. Царь их отослал шаху. Младшего из них шах оставил у себя, а старшего, Зураба, послали в Керман, где он умер естественной смертью. Эриставство дали Отару, Кахети подчинилась ганджинскому хану. Стольник Бидзина, Элизбар Эристави и Шалва добровольно явились к ганджинскому хану и тот отправил их к шаху. В избиении кзылбашей в Кахети обвинили их. Сначала им оказали большой почет, но после на них стали доносить и обвинять в оказании помощи посторонним. Их арестовали и, отослав в Ганджу, передали в руки тем, у которых в Кахети погибли близкие, и всех троих зря убили. Грузинский царь усилился.

Царица Дареджан ослепила своего пасынка царя Баграта

Когда умер царь Александр, царица Дареджан выдала дочь своего брата за своего пасынка Баграта и венчала его на царство. Но сама она была и царем и царицей, а Баграта никто ни о чем не спрашивал. Стали дьявольски подговаривать обманщики царицу и советовать ей: «Убей Баграта, возьми в мужья Вахтанга Чучунейшвили из рода Багратиони и венчай его царем. Пока будешь жива, сама управляй страной. Тем временем вызови из России племянника и поставь его властителем страны».

Царь Теймураз недавно вернулся из России и был в трауре по царице Хорешан. Он находился в крепости Сканда.

Забыл бог советчика, арестовала царица Дареджан царя Баграта и велела выколоть ему глаза, и царство предложила своему отцу. Отец разгневался на нее за то, что она ослепила его зятя, и не приехал из Сканды в Кутаиси. А царица, назло отцу, венчала Вахтанга царем и женила его на себе. Князья прилегающих к Картли областей, не поддерживавшие царицу, обещали подчиниться царю Картли и призвали его в Имерети. Князья нижней Имерети с таким же предложением обратились к Дадиани и призвали его в Кутаиси.

Оба они прибыли в Имерети.

Царица написала царю Картли, что если он окажет ей помощь, она свою Кетеван выдаст за его сына Арчила и сделает его царем Имерети. Царь послал к ней на помощь католикоса с тремястами ружейников, которые вступили в Кутаисскую крепость. Отиа Чхеидзе, изменив молодому царю Вахтангу, ложной клятвой выманил его из крепости и дал Дадиани захватить его в плен. Ему выкололи глаза. Дадиани и царь Картли согласились между собой на том, что страна восточнее Аргвети будет принадлежать царю Картли, а западнее Аргвети — Дадиани. После этого Дадиани должен выдать свою дочь за царского сына Арчила, и ему передадут власть над Имерети.

В это время арагвский эристав изменил царю и послал Теймуразу в крепость Сканда клятвенное письмо: «В Кахети и Картли не осталось никого из наследственных владетелей, кроме вас. Не стойте в Сканде, нужно поехать в Кахети, да и Картли будет вашей».

Теймураза обрадовало это известие, и он намеревался поехать. Некоторые из кахетинцев, питавшие вражду к Эристави и расположенные к царю Шахнавазу, доложили Теймуразу: «На что вам такая жизнь, когда Заал Эристави по своему желанию прогонит или сделает вас царем. Вот тушины перебили всех мусульман Кахети, и шах обвинил в этом Заала. Теперь он хочет таким способом заманить нас туда и на нас взвалить всю вину. Все те из ваших подданных, кто поехал к шаху, получили от него власть. И сейчас шах благосклонно относится к царю Шахнавазу. Поскольку вы ни дочери своей не помогли, ни Имерети не захотели взять, у вас не остается другого пути, как при помощи царя Шахнаваза поехать к шаху».

Теймураз послушался их совета, послал своего сахлтухуцеса Отара к царю Шахнавазу и сообщил ему: «Хочу с вашей помощью поехать к шаху».

Это очень понравилось царю, он послал к Теймуразу Амилахори Гиви и велел с большими почестями привезти его в Картли. К Теймуразу снова прибыл человек от Заала Эристави с посланием: «Зачем вам погибать напрасно. Приезжайте ко мне, Картли и Кахети обе принадлежат Вам».

Но кахетинцы опять отговорили его, и он послал Заалу такой ответ: «Ты, когда захочешь — дашь мне, а когда захочешь — отнимешь. Я больше ничего не хочу твоего».

Реваз, брат Заала Эристави, был послан Шахнаваз-ханом гонцом к шаху. Шахнаваз писал шаху: «Мы заняли Имерети и разделили ее с Дадиани. Теймураз находился в крепости Сканда и просил разрешения поехать ко двору государя. Мы послали к нему Гиви Амилахори и он с большими почестями прибыл в Картли. Каково будет веление государя?». Шаху приятно было услышать это и он, назначив брата сомхитского мелика Мохаммеда Султана мехмандаром, срочно послал его сопровождать царя Теймураза и с большими почестями привезти его к шаху. Везде устраивали ему встречу и на всех остановках заготавливали угощение.

Когда он приблизился к Исфahanу, всех, кто ни был при дворе, всех вельмож и их сыновей, сановников и старейшин города выслали им навстречу, и все ханы или султаны вышли встречать их. Подъехав к городским воротам, Теймураз приложился к ним. Его провели к дому этимадовле Мирзы Таки, где он и остановился.

Той же ночью, после ужина шах сам пожаловал к царю Теймуразу, не предупредив о своем приходе. Теймураз спал и государь сам разбудил его. Узнав государя, Теймураз тотчас обнял его ноги и сказал, что недостоин того, чтобы государь из-за него побеспокоился. Шах развеселился и в ту ночь до обеда следующего дня пировал там. На другой день он прислал Теймуразу тысячу туманов денег и на тысячу туманов парчи. Государь, как сын отцу, оказывал ему все больше почета, устраивал для него пиры, охоты и увеселения.

Теймураз был в трауре по царице. Его заставили снять траур. Гиви Амилахори был послан грузинским царем сопровождать Теймураза и он своей прекрасной внешностью и хорошим поведением понравился шаху, который оказал ему почет и много милостей. Государь так изволил сказать царю Теймуразу: «Пришли ко мне своего внука и я отдам

тебе Кахети и окажу много других милостей». И по этому поводу царь Теймураз послал в Грузию Георгия Черкеса и Бебурисшвили, а шах вместе с ними отправил также Аббаскули-бега, чтобы привезти царевича Эрекле.

Когда они прибыли в Грузию, тушины не отпустили царевича. Об этом доложили шаху. Он рассердился и в том, что царевич не приехал, обвинил царя Теймураза. Он разгневался на него и сослал в Астрабад, где тот и скончался вскоре, завещав отвезти и похоронить его в Кахети, в усыпальнице своих предков при Алавердской церкви. Об его завещании доложили шаху. Было повелено: пусть везут. Его привезли в Кахети. Его приближенных некоторых отправили сопровождать тело покойного, других же расселили в Хорасане и Кандахаре.

В это время от турок прибыл гонец: «Между нами мир. Почему Шахнаваз занял Имерети? В Одиши он посадил дадианом своего шурина, а в Имерети власть передал своему сыну. Мы не знаем, по вашему приказу он это сделал, или по собственной воле».

Эти так ответили: «Шахнаваз плохо поступил, и мы с него взыщем». Послали Хамзана Тальшского и очистили туркам Имерети.

Царевич Арчил и Гиви Амилахори прибыли в Мазандаран к шаху. Шах их хорошо принял, много милостей им оказал и обоих омусульманил. Арчилу он дал Кахети, назвал Шахназаром и, снабдив всем царским снаряжением и имуществом, отправил в Кахети. В Картли царствовал отец, а в Кахетии — сын.

Кахетинцы посоветовали Арчилу: «Если хотите, чтобы эта страна окончательно осталась за нами, женитесь на дочери нашего царя». Из боязни перед шахом царь не решился на это.

К этому времени царевич Эрекле из Тушети напал на отца с сыном в Кахети, и много людей было убито. Некоторые бежали, другие же бились до утра вместе с царем Шахнавазом и его сыном Арчилом. Царя не смогли сдвинуть с места. Когда настало утро, затрубили в трубы, рассеянное войско собралось, и вдогонку тушинам послали отряд. Их нагнали, многих из них убили и отбили захваченную добычу. Царевича Эрекле не догнали. Цари Картли и Кахети прибыли в Тбилиси и головы тушин послали шаху.

В следующее лето царевич Эрекле снова напал на них в Марткопи с небольшим отрядом. Царь собрал войска, призвал на подмогу и кызылбашский отряд и завязал с ним бой около Уджармы. Царевич Эрекле из-за малочисленности войска не смог выдержать натиска картлийцев и вернулся обратно в Тушети. Мать его заняла крепость Торга и кахетинцы некоторые пошли с Эрекле в Тушети, другие же засели в крепости. Семь месяцев осаждал царь своим войском крепость, но не смог ее взять. Но гарнизон был изнурен.

Однажды ночью царица, надев тушинскую чоху и папаху и накинув колчан с луком и стрелами, вышла из крепости и, пройдя среди царского войска, добралась до Тушети. На другой день кахетинцы, остававшиеся в крепости, стали просить у царя клятвенного обещания не причинить им вреда. Царь дал обещание и те сдали крепость. Царь снялся из Торги и изволил прибыть в Тбилиси.

Царевич Эрекле вместе с матерью оставались в Тушети. Царица Дареджан находилась в Ахалцихе со своей племянницей Кетеван. При ней было много усыпанного драгоценными камнями оружия, жемчуга и других драгоценных камней. Она их поднесла в виде взятки паше, и у Баграта отняли Имерети, передав ее царице Дареджан. Баграт удалился в Лечхуми. Царица приказала своим вельможам: «Вы езжайте к себе и отдохните у себя хоть немного. Уже долгое время вы из-за нас страдаете». Вельможи поехали к себе, царица со своим ослепленным мужем Вахтангом осталась там. Жили они себе...⁵³ Напал на нее, уверенную в своей безопасности, нарушив клятву. Убили обоих, царя и царицу, их убийц перебили имеретинцы, которые снова призвали Баграта и передали

⁵³ По смыслу в рукописи, видимо, пропущен целый эпизод, хотя текст не обрывается.

ему власть. Царица Кетеван осталась в Ахалцихе, в доме паши, где с ней обращались как с родной дочерью.

В короникон 355 шах Аббас скончался и шах Сулейман, сын его, стал государем

Так как наступило новое царствование, то никто не стал расследовать убийство царя с царицей. Нодар Цицишвили умер, дочь его была сосватана за Арчила. Он хотел оставить ее и жениться на царице Кетеван, но боялся кровной масти со стороны рода Цицишвили. Продали они душу, забыли бога, стали нарочно порицать невесту и оставили ее. У ахалцихского паши попросили руки царицы Кетеван. И он отдал ее, снабдив, как свою дочь, хорошим приданым. Эти также послали паше множество подарков, и свадьбу справили славную.

Шахназар, царь Кахети, после свадьбы прибыл в Кахети и кахетинцы по своему обычаю снова начали смуту и говорили ему: «Вас называют повелителем Кахети, а большей частью страны владеет другой. Так над чем же вы являетесь господином?». Эти слова Шахназар передал своему отцу, царю Шахнавазу. Тот ответил: «Не мы ему дали и не мы можем отобрать у него. Это могут сделать только наследные властители страны. Как мы получили власть, так же получил и он». Сын ответил царю: «Все, что относится к Кахети, счастливый шах пожаловал мне, и я никому не уступлю ее. Эристави ваш подданный и, если вы хотите ему что-нибудь дать, то давайте в Картли». Из-за этого произошла размолвка между отцом и сыном. Но царь не мог поступиться сыном, поэтому послали посредника к эриставским наследникам, — и потребовали, чтобы они уступили им все имения и места, которые занимают в Кахети. Те ответили: «Счастливый шах половину Кахети отдал Заалу Эристави. Ради вас мы убили такого славного, в семи царствах не имеющего себе равного, бесподобного витязя нашего дядю. Мы помогли вам завладеть всей Кахети, и, где ни появился ваш враг, всюду мы его изгнали. Мы ждем от вас много других милостей, а Кахети нам дана самим шахом и никто без него не может ее у нас отнять». Отец с сыном стали об этом совещаться и сказали: «Если не истребить их всех, у них нельзя будет отнять эти имения. Так истребим их, и тогда Картли и Кахети успокоятся».

Об этом кто-то сказал эриставским родственникам, но наружу не всплывало. Домашние Эристави сами добровольно уехали к себе и написали прошение шаху, прося разрешения явиться к нему. Шах прислал к Отару Эристави мехмандаром джилавского джабадарбаши Пасад-бега, сделавшегося впоследствии ширванским ханом, и пригласил его ко двору. Тот прибыл к шахскому двору. Он еще не успел повидать шаха, как явился гонец с известием, что цари Картли и Кахети с большим войском напали на владения Эристави, убили брата эристава Папо и разорили, эриставство, а имения, какие у него были в Кахети, отняли. Узнав об этом, шах рассердился и изволил сказать: «Это они сделали потому, что Эристави приехал ко мне». Кулларагасы Мансур-хан Бараташвили, верный слуга шаха, был па стороне царя грузин и враждебно относился к эриставу. Он доложил шаху: «Через них Грузия постоянно находится и смуте и разорении, для власти государя выгоднее, чтобы они были подавлены. Если же предоставить им волю, придется каждый день менять правителей в Картли и Кахети». Этими словами он успокоил шаха, Отара Эристави уже не стали слушать, пожаловали ему халат и отпустили в Грузию, послав вместе с ним Иеган Султана. А царю написали: «То, что вы отобрали у него, верните обратно». Не вернули, и Иеган Султана отпустили обиженного.

Прошло полгода, Отар Эристави и брат его диванбеги Эдишер умерли. Говорили, что их отравили. Должность эристава дали их дяде Ревазу. Царь женил своего сына Луарсаба на дочери Реваза и, поскольку Реваз Эристави был зятем эристава Рачи, то

Луарсаб захотел захватить власть над Имерети. Он поехал к ахалцихскому паше, и дал ему большую взятку, чтобы тот помог перед хондкарсом в получении царской власти в Имерети. Владетель Кахети Арчил давно стремился захватить Имерети. В поездке Луарсаба к ахалцихскому паше он обвинил своего отца, рассердился на него, и, отправив за собою семью, переехал в Имерети.

91

Неурядицы в доме царя Шахнаваза и поездка его сыновей к ахалцихскому паше

Оставив позади семью, Арчил с малым числом людей переехал в Имерети. Даже те, которые обещали ему поддержку, не перешли к нему, поэтому Арчил не смог там остаться и вернулся обратно в Али. Отослав царицу в Сурами, он поехал к ахалцихскому паше, поднес ему много даров, обещав еще больше и прося, чтобы хондкар помог ему получить царствование в Имерети. Паша ради своей выгоды согласился и сказал ему: «Вы пошлите одного человека ко двору хондкара, и я отправлю с ним еще одного. Пошлем дары великому везиру». Арчил, которому отец много присылал на то, чтобы добыть Имерети, поверил ему. Послали великому везиру золотое и серебряное оружие. Кахети оставалась без хозяина, и Эристави снова захватил деревни, которыми владел раньше. А Арчил думал, что когда он уйдет, Кахети отдадут Эрекле.

Царь Шахнаваз написал шаху: «Сыновья мои без ведома ушли от меня. Как бы кто-нибудь из врагов не возвел на меня ложное обвинение. Прошу прислать человека, так как хочу приехать ко двору, чтобы оправдать себя».

Мустафакули-бега каджара, сына корчибаши, послали мехмандаром к царю Шахнавазу. Он раскаялся, что просил шаха разрешения приехать ко двору, обвинив в этом других, однако, не поехать уже не мог.

Он отправился к шаху хорошо снаряженный всем и с большой свитой. Везде в пути его встречали владетели, ханы и султаны, и провожали с большими почестями. Перед отъездом он сказал царевичам Георгию и Левану: «Когда я поеду к шаху, вы нападите на Иасе Эристави и причините ему всяческое зло». Те, выполняя приказание отца, сначала переманили на свою сторону подданных Эристави, изменивших своему патрону, а затем напали на него с большим войском. Спереди картлийское войско, а с тыла свои же открыли огонь из ружей. Эристави со своими малочисленными людьми не выдержал натиска, оставил семью, а сам в сопровождении пяти человек проехал Кахети и прибыл к шахскому двору. Имение его разорили и мать, жену и домочадцев ограбили.

Царь Шахнаваз достиг Казвина, когда ему доложили, что ксанский эристав Иасе проехал город, направляясь к шаху. Царь и так был болен, и это известие его весьма опечалило. Из Казвина он выехал больной и едва добрался до караван-сарая в Хошкару.

92

Смерть царя Шахнаваза в Хошкару

Царь Шахнаваз добрался до караван-сарая в Хошкару и там скончался. Об этом написали шаху. Покойника привезли в гробницу воспитавшего его царя Ростомы. Шах повелел царевичу Александру послать человека и взять под охрану имущество отца. Было приказано, грузинам по-прежнему выдавать довольствие и пусть они придут ко двору.

Царевичу Эрекле шах сказал: «Прими мусульманство, и Картли с Кахети, оба царства я отдам тебе». Тот отказался принять мусульманскую веру. Рассерженный шах послал гонцом в Картли сына ганджинского хана Аббаскули-бега и вызвал царевича Георгия, чтобы воцарить его. До его отъезда в Грузию о смерти царя Шахнаваза узнал ахалцихский паша и, захватив Арчила, посадил его в крепость. Но паша, узнав, что

грузины ему угрожают, сам тайком выпустил Арчила, и он прибыл в Сурами. Луарсаб, брат его, прибыл в эриставство, и тут они оплакивали смерть своего отца. Они жили себе там, когда приехал сын ганджинского хана Аббаскули-бег, чтобы взять Георгия. Его встретили хорошо, и множество подарков поднесли. Аббаскули-бег взял Георгия и с большими почестями привез к шаху. Но до приезда Георгия его брат Александр взятками привлек на свою сторону двор, стараясь там стать царем. По этой причине вопрос о воцарении Георгия на некоторое время отпал.

В это время прибыл гонец с сообщением о смерти Угурлу-хана.

Ганджинское ханство дали мехмандару царя Георгия Аббаскули-хану, а через короткое время его сделали также правителем Кахети.

Аббаскули-хан очень хвалил шаху Георгия. Благодаря ему Георгию отдали Картлийское царство, заставив его принять мусульманство. Дали ему также царскую корону, саблю, халат и другое убранство. А грузинам шах подарил две тысячи туманов деньгами и товарами. Александр не дал брату доли из отцовского имущества. Но от бога еще сказано: «Имущество, насилием и несправедливостью накопленное отцом, не пойдет впрок сыну». Так как богатство царя Шахнаваза целиком было нахвачано у других силой и несправедливостью, Александр умер, и все имущество осталось его сестре. Сестра вышла замуж за владетеля Лори, Шахверди-хана, и все свое имущество принесла в дом мужа. Случился пожар, и сокровища мужа и жены сгорели. Что осталось после пожара, то взял шах, убив у нее мужа и отняв все, что было. С тем, что добыто насилием, всегда так случается, и бог истинно уничтожает всякого притеснителя.

Здесь, опять вернемся к царю Георгию и расскажем, что с ним случилось

Счастливый шах отдал владения царя Шахнаваза его же сыну, царю Георгию и дал ему в мехмандары Мустафакули-бега. Когда он прибыл в Ганджу, хан ганджинский Аббаскули-хан, бывший его мехмандар, хорошо его встретил, пять дней держал гостем у себя, поднес хорошие дары и проводил его в Картли. Когда царь приблизился к городу Тбилиси, грузинское войско и все горожане вышли его встречать, гарнизон же салютовал ему. Его венчали царем и по обычаю ихнему поцеловали ему ноги. Для устрашения народа царь велел отрубить голову Читахашвили Залине. Своему мехмандару, сыну каджара корчибаши, Мустафакули-бегу царь поднес подарки и отпустил обратно. Он доехал до Ганджи и умер.

Шахназар-хан снова занял Имерети. Баграта перебрался в Гурию, и его жену, бывшую раньше за Дадияни, снова взял себе Дадияни. Гуриели привел Баграта в Эрзерум. Паша сообщил об этом хондкару. От него получил приказ: собрать войска по ту сторону Сиваса, напасть на Шахназар-хана и или убить его, или взять в плен и привезти к нему. Если же Шахназар появился в Имерети по шахскому приказу, то сообщить и это. Обо всем этом эрзерумский паша написал Шейх Али-хану этимадовле.

Тот ему ответил: «Он ушел от нас и сделался мятежником, он разоряет страну по обе стороны границы. Мы отсюда пошлем против него войска, и вы также с вашей стороны отправьте против него свое войско». Племянник этимадовле, Хаджи Али-хан был послан гонцом к царю Георгию с этим сообщением. Тот ответил: «Нашего войска с Шахназар-ханом нет, те же имеретины примкнули к нему и призвали его». Вернувшись из Картли, Хаджи Али-бег, ради собственной выгоды представил положение в Грузии несложным. Ему казалось, что сможет выполнить на деле все то, что скажет на словах. Этимадовле покровительствовал ему и он достал себе командование войском и должность тавризского хана. Он приехал в Азербайджан. Эрзерумскому паше написали: «Мы назначили Хаджи

Али-хана, бегларбега Тавриза командующим и посылаем его с большим войском. Если грузины будут помогать Арчилу, мы пошлем в Грузию войска разорить ее».

До того, как пришел ответ на это сообщение, турки привели Баграта обратно в Имерети. С ним был Гуриели, и все имеретины вышли его встречать. Арчил удалился в Рачу, но и туда послали против него войска, и Рачу, которая никогда никем не разорялась, турки разграбили, много народу перебили и взяли в плен. Арчил перебрался в Осетию. В Кутаисской крепости поставили янычар, а Баграта дали охрану. Ахалцихскому паше Ростому за оказание помощи Арчилу отрубили голову и послали ее хондкару. Набрав много добычи, одержавшие победу турки ушли восвояси.

Царь Баграт усыновил Гуриели и женил его на своей дочери, для него же он хотел и царство. Он послал Гуриели войной на Дадияни, чтобы отнять у того жену и привезти к царю. Так и было: кто становился могущественнее, тому она и принадлежала.

Между тем умер Дадияни, его жену привезли обратно к царю, а через короткое время умер и царь Баграт. Гуриели согрешил перед богом, поправ свою веру. Он разошелся с законной супругой и женился на своей теще. Его семнадцать раз проклинали представители всех вероисповеданий, он и был проклят. Силой захватив власть царя, он был убит на десятом месяце царствования, умерла и его жена.

Имеретинские князья гнушались царствования Гуриели, но, боясь хондкара, не решались привести Арчила, и искали кого-нибудь другого в цари. Мамука, сын Дадияни и племянник царя, был зятем Гуриели. И тут разгневался бог на Гуриели, еще более явно отверг он бога и отступился от веры Иисуса. Он заставил выстрелить в несмышленного юношу Мамуку и убить его, так как он был племянником царя и опасался, как бы имеретины не сделали его своим царем. «Убью и этого, — рассуждал он, — тогда у них не останется наследного повелителя. И Имерети достанется мне».

Забыл бога Гуриели, он осрамился и в этой жизни, и душу свою погубил для загробной жизни, во-первых, женившись на теще, а потом — убив ни в чем не повинного юношу — зятя, который был ему вверен под клятвой. И вот, смотрите, что творит справедливость божья над Гуриели!

Разгневался бог на Гуриели, и имеретины обозлились на него за убийство Мамуки, сына Дадияни и племянника царского. Они пришли к ахалцихскому паше и сказали: — Мы — разные по положению с Гуриели и не желаем ему подчиняться. Наш царевич находится у картлийского царя, а сын Левана Дадияни — у вас. Поставьте их повелителями над нами».

Паша сообщил их слова письмом хондкару. Был получен приказ: просить у царя Картлийского сына Баграта и поставить его царем над Имерети, сына же Дадияни сделать дадианом. Повеление хондкара выполнили, но Гуриели захватить не смогли. Поставив повелителями этих, паши вернулись обратно в Ахалцихе.

Командующий войсками Ирана стоял с армией в Карабахе. Должность джанешина Кахети счастливый шах пожаловал, благодаря хлопотам Парсадана Горгиджанидзе, Горджаспу, сыну Кахабера. Другому кому-нибудь не дали потому, что русский государь прислал посла с дарами и ходатайствовал, чтобы Кахети отдала ее наследному царевичу Эрекле. Отсюда шах ему написал: «Нам надлежит иметь к вам почтение и то, что вы пожелали, мы выполним. Но вам лучше известно, что его дед во многом провинился перед нами, и сам не успокоился, и нас не оставил в покое. Мы потому держим Эрекле при дворе, что должность джанешина Кахети отдали его подданному, а самого его воспитаем в наших нравах, обучим нашим поступкам и затем отправим и его править в Кахети».

Кахетинцы же вспомнили старинный свой обычай, некоторые хотели правителем Горджаспа, другие не хотели его. Даже стреляли в него из ружья, но не убили. Наконец пришли к главнокомандующему и просили себе правителем ганджинского хана. Это доложили шаху, и Кахети отдали хану Ганджи. Дело Эрекле заглохло, а сами кахетинцы попали в бедственное положение, каждый день они ожидали своей гибели. Они испортили дело своему наследному царевичу, и тот остался при шахе.

Через пять лет, после возвращения царевича Эрекле из России, к нему в Ширван приехала мать

В короникон 359 Эрекле приехал из России. Через пять лет после этого, в одно и то же время, его мать, царица, морем прибыла в Ширван, а его зять, царь Кахети Арчил и царица Кетеван уехали через страну черкесов в Россию, так что бывшие в разлуке в продолжении 30 лет и жаждавшие друг друга видеть, они не смогли встретиться.

Встречать мать Эрекле в Ширване назначили мехмандар-баши Юсуф-бега и [сына] Кахабера, Горджаспа. Ее с большими почестями привезли в Исфахан в короникон 365, и через 4 года после этого царица Мария скончалась, и в доме царя Шахнаваза началась смута.

На царя Георгия шах гневался по делу Арчила. Но, несмотря на это, он не поступился своим братом. Подданные изменили ему, и друзья превратились во врагов.

Как раз в это время шаху рассказали: «У Гургин-хана была больна жена и клейменная колдунья, которую грузины называют прорицательницей, сказала ему, что его жена болела из-за царицы Марии. Послали человека и, заступом отрубив в могиле голову у тела царицы, положили ее рядом с нею. Но жена у него все-таки умерла». Шах на это изволил сказать: Я его считал мусульманином, а он, оказывается, по-прежнему неверный. Если б мертвец мог что-нибудь сделать, он бы помог самому себе. Покойница была предана мне и моему отцу и была почтенной женщиной, умиротворявшей страну. Отчего он (царь Георгий) настолько злой человек, что так плохо поступил со своею матерью!». Он проклял совершившего такой поступок, сделался на него зол и не смягчался.

Ясон Эристави через ганджинского хана и другие иным путем также донесли на царя Георгия. Ясон Эристави писал: «Пусть мне шах даст должность эристава, и я помогу погубить царя Гургина». Благодаря ганджинскому хану, эриставство дали Ясону, не спросив у царя.

К шаху прибыл гонец от имеретинского царя Александра, который писал: «Наши предки служили семье государя и подносили дары. И мы просим, чтобы вы разрешили служить вам верными подданными и пожаловать нам грамоту, дабы царь Картли пропустил нас. И как до этого цари посылали вместе с дарами шаху своего человека, и тот сопровождал эти дары и привозил их к государеву двору, так пусть, подобно им, и царь картлийский окажет нам содействие». Шаху было приятно это, а кроме того, он даже жалел имеретинского царя. Одну грамоту написали царю Георгию: «Когда сюда поедут с дарами имеретинского царя, вы сделайте так, как делали другие цари Картли, и привезите их к нашему двору. Дайте им в сопровождение стольника и мехмандара, чтобы везде для них были готовы угощение, лошади и верблюды.

Человек, присланный от имеретинского царя, повез эту грамоту через Ахалцихе, чтобы оттуда прислать его царю. Узнав об этом, царь Георгий был раздосадован и написал ахалцихскому паше: «Имеретинский царь отложился от хондкара и перешел на сторону шаха. Если ты мне не веришь, такой-то человек везет через ваши владения грамоты, посмотрите их у него». Получив это письмо, паша велел задержать посланца имеретинского царя и, не расследовав дела, приказал его повесить.

Об этом также написали шаху. Тот был еще больше огорчен и раздосадован. К этому сообщению еще добавили следующее известие: «Царь Георгий велел обезглавить несколько преданных вам человек и заставил стрелять в сомхитского мелика. Хаджи Алихан хотел достать для вас хороших пленников и послал много тканей, парчи и денег, чтобы купить в Имерети хороших пленников, девушек и юношей. Царь Георгий же послал своих людей, которые напали в пути на них и всех перебили, а товары, какие были у них,

привезли Гургин-хану». Эти недобрые вести одну за другой написали шаху, вызвав в нем еще больше гнева на царя Георгия.

95

Царевич Эрекле выехал из России, в Ширван он прибыл по дороге через Тушети

Расскажем здесь о сыне Давида, сына царя Теймураза, Эрекле. В короникон 360.

Он написал из России счастливому государю просьбу, что хочет прибыть к его двору и ожидает от милостей его божеского характера, что пожалует обнадеживающую грамоту, которую он проденет в свой головной убор и отправится к шаху, чтобы облобызать ноги государя. Государю было приятно, и через джюльфинца Ходжа Григора Эрекле были посланы сабля и халат, а также грамота, о которой он просил. Халат ему не показали, но, получив грамоту, он отпросился у русского государя и, оставив там мать и сына, через Тушети прибыл к Кахети.

В Кахети тогда царствовал Шахназар-хан, а сестра Эрекле Кетеван была царицей, и прошло уже двадцать лет, как они не виделись. Великую радость вызвала в них и по всей Кахети их встреча. Они проводили время в пирах и охотах и ни на минуту не расставались. Она пищу и вино сначала подавала мужу, а потом уже брату, боялась, как бы свекор не отравил его. Большую и лучшую часть всего, что было у царя и царицы, отдали брату. Они снабдили его всем необходимым, подарили ему и его подданным коней с золотым и серебряным убором. Зять и сестра, каждый в отдельности, дарили ему.

Ходжа Григор в Кахети, при зяте и сестре, поднес ему пожалованный государем халат. Он надел его, и еще более радостными сделались все. Начался пир, стали играть на арфах, музыканты усилили пляски и пение.

Царевич Эрекле отпросился к шаху, и сестра и зять с плачем простились с ним. Так как он был наследным царевичем Кахети, то из князей и дворян многие поехали с ним. Когда прибыли в Ширван, хана ширванского, Манучара — сына Андроника они застали умершим. От шаха ширванскому хану был прислан приказ: «Так как царевич Эрекле приехал по дороге через горы, как бы он не нуждался в чем-нибудь, а потому поднести ему тысячу туманов, и все, чего ему не хватает, пусть выправит себе и выедет к нам. Брата нашего назира Халаф Султана высылаем мехмандаром. Пусть везде устраивают царевичу встречу, и какое пожелают угощение, — пусть подносят, и везут к нам в Казвин с большими почестями».

Царевич Эрекле подъехал близко к Казвину. Вышел приказ шаха, чтобы всем, находящимся в Казвине, выйти ему навстречу. Удивительно много народу собралось и, начиная от деревни Агбаб до самого Казвина, все было полно встречающими.

Царевич пожаловал в Казвин. Прошло пять дней. Еще тысячу туманов деньгами и на тысячу туманов другого убранства и оружия к нему на дом доставили. На седьмой день в казвинском дворце Чехел-сотун устроили прием.

96

Прибытие царевича Эрекле к шаху в Казвин и оказание ему великих почестей

Пригласили Эрекле с его свитой. Все они были одеты по-грузински, все молодые, мужественные красавцы. Особенно выделялся сам царевич Эрекле, у которого только что стали закручиваться усы; ростом он был выше всех и был признан лучшим. Подойдя к главным воротам, он, припав к земле, поклонился и приложился к порогу. Эшикагасыбаши Зейнал-хан встретил его у дверей, и, когда царевич вошел в зал, его

красота и стройность стана поразили всех. Он выступил вперед и облобызал ноги государя. Его посадили по правую сторону, выше всех. В пиру посадили также его двенадцать витязей. Государь три раза подзывал его к себе. Сначала он спросил царевича про русского государя, после о себе. Расспросил его относительно нравов и обычаев русских, а потом — какой дорогой прибыл и что перенес в пути.

При первом же свидании государь благосклонным взглядом посмотрел на царевича и полюбил его, так как, во-первых, он был благородного происхождения, а во-вторых — шаху очень понравились его красота и стройность. Шах назначил ему в год две тысячи туманов деньгами и в день двенадцать бокалов ширазского вина, а также на пятьсот туманов доходу с мал-у-джихата Хонсара на вино и кушанья. Сверх всех других милостей, ему ежегодно выдавали все это.

Шах по дороге на Пирузкух отправился из Казвина в Мазандаран, и, так как жены и гарем сопровождали государя, Ули-бега, сына владельца Тальша, назначили к царевичу мехмандаром и по гилянской дороге с большим почетом привезли в Мазандаран, развлекая его охотой, пирами и застольем, и оказывая особые почести.

Оттуда прибыли в Исфахан.

Царевича Эрекле шах послал царем в Грузию

Царевичу Эрекле пожаловали царствование Картли и нарекли Назарали-ханом. При его содействии должность арагвского эристава дали Георгию, сыну Отара, а Гургин-хану через юзбаши Ахмед-бега Микри написали: «Царствование в Картли мы пожаловали Эрекле, сыну Давида, который был сыном Теймураза. А ты отправляйся к нашему двору». Эту грамоту он получил в Коджори. Она была зачитана, и шаху написали, что государево повеление будет выполнено. Гургин-хан попросил у шаха прислать мехмандара, а сам с семьей прибыл в Манглиси. От шаха послали мехмандара, но до его прибытия Гургин-хан снялся и перебрался в Ачабетское ущелье.

В это время Назарали-хан прибыл в город Тбилиси, а Георгий с семьей убрался в Рачу.

Все грузины пришли к Эрекле, кроме патриарха. Об этом известили шаха. Часть оружия, осыпанного драгоценными камнями, оставшуюся от царя Георгия, также прислали государю. Государь был сильно раздосадован тем, что царь Георгий ушел в Рачу, а патриарх не прибыл к Эрекле. Он велел задержать его братьев и сына. Левана и Баграта отправили в Герат, а Луарсаба — в Керман. Должность католикоса пожаловали руставскому митрополиту Иоанну Диасамидзе.

Все имущество, оставшееся от царя Георгия, присланное ко двору или находившееся в Картли, движимое и недвижимое, стада овец и коров, и все остальное убранство государь полностью пожаловал Назарали-хану. Царю Эрекле вручили жалованные грамоты об этом.

Шах велел, чтобы мать царя, царица Елена, домашние царя и царевичи с большим почетом поехали в Картли. Пока их готовили, пришла весть о том, что царь Арчил из России прибыл в Двалети. Поскольку Арчил был зятем царицы, их отправление было отменено.

Еще пришла весть, что Арчил и Георгий встретились в Раче и притязают на Имерети. Шах велел, чтобы войска Картли и Кахети были посланы в помощь имеретинскому царю, а если станет трудно, то послать и азербайджанское войско.

Царь Имерети Александр, сын царя Баграта, свергнутый Арчилом и царем Георгием, вступил в Горийскую крепость. Его сторону занял царь Эрекле и помогал ему. Александра устроили в Гори и везде расписали сбор на постой и угощение и хорошо его приняли. Послали гонца и сообщили счастливому шаху обо всем этом, а также о воцарении Арчила

в Имерети и о прибытии царя Александра в Гори. Шаха рассердило известие о том, что Имерети отдана Арчилу, а царь Александр изгнан оттуда, так как он для того лишился царствования сыновей царя Шахнаваза, чтобы досадить хондкару.

Царю Назарали-хану написали грамоту с предписанием, хорошо принять царя Александра и оказать ему всяческое содействие, пока не будет получен от шаха приказ. Написали и царю Александру обнадеживающую грамоту, поскольку он прибыл в шахские владения. Послали ему царскую корону, золотой пояс, коня в золотом уборе и много драгоценных тканей.

Царь Эрекле с большой славой и пышностью изволил отправиться с грузинским войском по Мухранской дороге в Гори, чтобы повидаться с царем Александром, а царь Александр со своим войском встретил его у Квавис Сакдари, и когда они сошлись, подобно отцу с сыном, с большой радостью оказали друг другу великий почет. Прибыв в Гори, они остановились в резиденции царя Эрекле. В тот день устроили великолепный пир. На другой день поднесли царю Александру царское убранство, посуду из золота и серебра, скакунов в золотом и серебряном уборе, платья из дорогих тканей и соболей, деньги. На третий день также вместе устроили пир, на четвертый же день Назарали-хан поехал в Тбилиси, а царь Александр остался в Гори, окруженный большим почетом.

Когда князья и дворяне Имерети узнали о стольких милостях шаха, оказанных царю Александру, о том, как царь Эрекле из Тбилиси поехал в Гори, как хорошо царя Александра встречали и сколько подарков ему поднесли, настроение у них переменялось, в особенности же у тех, которые во время междоусобия в Имерети силой захватили чужие имения. Царь Арчил с того же дня, как воцарился, стал всем возвращать свои наследственные владения. А захватчики чужих имений обиделись и послали в Гори к царю Александру человека с письмами, в которых клялись ему в верности. Из Гори об этом сообщили царю Эрекле. Царю Эрекле этого и хотелось, он написал обо всем шаху.

На второй день пришло другое известие, что царь Александр перешел горы. Эрекле послал гонца привезти вести о царе Александре. Тот догнал его в Чалатке в тот день, когда имеретины принесли ему присягу и убедили в своей верности. Царь Александр снялся оттуда и с большим войском прибыл в Сканду, где узнал, что царь Арчил находился в Кутаиси, а царь Георгий в Ахалцихе. Все это Назарали-хан написал счастливому шаху и письмо прислал с гонцом. Шах был очень обрадован сообщением, так как весьма благоволил к имеретинскому царю Александру, называя его своим близким. Гонца на третий день его прибытия отправили обратно, послав с ним запечатанную грамоту, вместе с приказом, почаще сообщать о всех делах, происходящих в Грузии.

В короникон 380, 1-го июля, на рассвете, шах Сулейман призвал ко двору своего корчибаши Сару-хана, сына Муртузкули-хана Сахандлу. Диванбегу Ростом-бегу приказали и без суда и следствия отрубили голову корчибаши. Тело его три дня валялось на площади. И удивительные дела произошли от него. Ему дали закончить молитву, стоя над головой с занесенной для удара саблей. Он ни в лице не изменился, ни дара речи не потерял. Умеренно и радостно стал он на колени под саблей и сказал: «Бог свидетель того, что убивают меня за верность, а то вины я за собою не знаю никакой». Он сбросил с себя чалму, и его ударили саблей. Кровь потекла у него по груди, и, наполнив ею пригоршни, он облил себе лицо собственной кровью и возопил к богу: «Молю тебя за невинно умученную душу свою!».

Еще раз ударили его саблей, но не смогли отрубить голову. Рубившему сказали: «Чтоб у тебя отвалилась рука, руби острой саблей». Ударили еще раз и убили.

И в тот день случилось удивительное дело. В середине лета, в жару, полил дождь и поднялся страшный ураган. Выросшие в Исфахане столетние люди говорили, что никогда не видели и не слышали, чтобы в это время года был такой дождь и ураган.

Казненный был ростом высок, лицом прекрасен, скромн, щедр. Добрый советчик, он действовал спокойно и не был опрометчив. Взятков он не брал, всем оказывал почет, помогал нуждающимся, был богомолен и богобоязнен, соблюдал посты и хорошо знал события прошлых лет. Справедливый судья, он был так прекрасен и совершенен телом, что никто из иранцев его времени не мог с ним сравниться. Было сказано также, что государь очень раскаивался, но больше этого никто ничего не узнал. Счастливый государь сыну этого убитого корчибаши, правителю Семнана Ростому Мохаммед-хану послал обнадеживающую грамоту: «Отец твой словами гневил нас, и мы его казнили. Но ты будь спокоен, береги свои владения и хорошо снаряжай свое войско. Какие у тебя будут дела, обо всем пиши нам и крепко надейся на нас». Кроме этой вины, никто ничего не узнал, остальное же лучше ведает бог. Говорили, враги оклеветали его, суда же он не удостоился. Но кто что посеет, то взойдет для посеявшего.

В это время ханом и мутаваалием Мешхеда был назначен назир Наджафкули-хан, а заместителем назира его сын Мохаммед Хусейн-бег. В то время астрабадское ханство отдало сыну Каза-хана, Хаджи Лутфали-хану и с большими почестями отправили его.

За два года до этого скончался Шейх Али-хан этимадолле; во всех отношениях он был хороший человек. Его смерть чрезвычайно огорчила государя, и в продолжение двух лет он не назначал везира, а после пожаловал должность везира Мирзе Тахиру, старому своему придворному летописцу.

В течение одного года государь в своем дворце пребывал в пирах и развлечениях, не садился на коня для похода, и настолько велико было его счастье, что где бы ни появлялся враг, сам погибал без войны и сопротивления.

К Парсадану Горгиджанидзе государь очень благоволил, советовался с ним о делах управления страной. Этому завидовали придворные. Они невзлюбили его и, придумав массу лживых обвинений, оклеветали перед государем. Поскольку у него не было должности, если ничего значительного не подносил государю, то и не просил ничего, ни с кем не связывался. Кто только начинал с ним враждовать, не мог протянуть до конца года.

Был у него сын, по имени Давид. Он был еще юношей, когда счастливый шах пожаловал ему, шестнадцатилетнему, должность бокаултхуцеса. По молодости своей он имел пристрастие к пиру, был горд и смел. Каждый раз, когда государь садился на коня, из-за вражды к его отцу, доносили на него, но государь не принимал этих доносов.

Сыновья Абул Касум-хана как-то стали бить кулия шаха. Тот, оказывается, закричал: «Дауд-бег, помоги, а то меня убьют. Ведь ты тоже кули шаха!». Тот стал помогать ему: «Зачем вы убиваете его, ведь он кули шаха». Стали бить и его. Тех было четыре брата, а Давид-бег был один. Он пустил в ход палку и разбил всем четверем головы и лица. А шахского кули он завел в мечеть и спас. Так издавна корчи являются врагами шахских кулиев, они стараются выбрать время, чтобы истребить кулиев и, как в старину они были вероломны по отношению к семье государя, и сейчас хотели бы поступить так же, однако не осмеливаются из-за страха перед кулиями.

Отец этого самого Абул Касум-хана, Джани-хан корчибаши собрал вокруг себя всех бывших среди корчиев ханов, султанов, бегов и главных лиц, и во время утренней молитвы напали на Мирза Таки этимадовле, и нанеся удары, убили его. Оттуда они вернулись, чтобы убить шаха и самим сделаться государем. Им сообщили, что Сиаош-хан кулларагасы со своим отрядом находится при дворе. Им не удалось совершить задуманное. Корчибаши послал к матери шаха доложить: «Этимадовле хотел погубить государя, чтобы сделать государем своего племянника Касум-мирзу. С этой же целью он женил Касум-мирзу на моей дочери. Он хотел и нас замешать в это предательство, поэтому его и убили мы. Что изволил повелеть государь?». Бабка государя, дочь черкесского владетеля была очень умной и знающей женщиной. Из дворца Джани-хану

прислали письмо с благодарностью и халат и уполномочили назначить на должность этимадовле, кого пожелает. На третий день Халифе Султана поставили этимадовле. Джани-хан думал, что при его везирстве будет делать все, что пожелает. Однако бабка шаха тайно замышляла истребить их. Она написала по-грузински письмо Сиаош-хану: «Не медли, как бы они не опередили тебя. Прикажи тем же грузинам, которым доверяешь, чтобы каждую ночь приходили с оружием сюда в караул. Сообщи также тем из начальников корчиев, кому ты доверяешь, а сторонников корчибаши не оставляй в живых». Это решение под клятвой поведали Муртузакули-хану Беджирлу и Али Кубат-бегу Хармишу эшикагасы, и на седьмую ночь сыновья знатных грузин вооруженные пришли в караул государя.

На другое утро корчибаши Джани-хан со своими сторонниками, ханами и султанами по-прежнему гордо и смело пришел ко двору. Когда он снял туфли, сидевшие там встали и пошли ему навстречу. Он думал, что это ему оказывают почет. Муртузакули-хан Беджирлу схватил корчибаши Джани-хана за шиворот и, крикнув — «Предатель, по чьему приказу ты убил государева везира!» — ударил его кинжалом и свалил. Накди-хан закричал: «Корчи, спасайтесь, нас предали!». В это время кулларагасы Сиаош-хан крикнул кулиям: «Чего вы стоите, бейте их!» Тотчас же стали их бить и двадцать четыре хана, султана и бега убили, и их трупы выбросили на площадь. Имущество их, казну и все достояние взяли в пользу государства. Должность корчибаши отдали Муртузакули-хану Беджирлу, а бегларбегство Кухгилуе, которое занимали Накди-хан и его сын Зейнал-хан, дали кулларагасы Сиаош-хану. Пока был жив государь шах Аббас, их всегда поминали предателями, а когда воцарился шах Сулейман, он никому не напоминал об их вероломстве. Сыну Джани-хана Абул Касум-хану он отдал в управление Хамадан, но и там его арестовали за измену и привезли в Исфахан. Много у него было детей, и все они каждый день проводили в разврате и злодеяниях, и никто не произносил их имени.

Так как они враждебно относились к Парсадану, Абул Касум-хан подал шаху прошение, что сын Парсадана, Давид, ранил четырех его сыновей. Шах повелел диванбегу рассудить их. Так как те были ранены не саблей, Давид не отказался от драки и гордо отвечал диванбегу: «Они вчетвером били меня, а я был один. Это я должен жаловаться на них». Диванбеги рассердился на него и сказал, что выдернет у него лопатки. На это Давид ответил: «Лишь бы шах пребывал в здравии, а ты у меня не выдернешь лопаток». Злясь на него за это, он обвинил его в самых различных проступках, и государь велел арестовать Давида и передать моураву Исфахана. Моурав содержал его в почете, как сына. Но те же доносчики упростили государя простить его, и, получив его согласие, отправили в Азербайджан. Но и тут враги его отца, послав впереди человека, затеяли с ним в Касумабаде ссору.

Сам Давид на коне ушел от них и прибыл в Кум, но сопровождавшую его прислугу арестовали и имущество разграбили. Прибыв в Кум, он доложил тамошним начальникам и все насилие и несправедливости, учиненные над ним, дал изложить в письменном свидетельстве. Пока это свидетельство дошло до шаха, враги возвели на него много различных ложных обвинений.

Послав к нему ясаула, призвали ко двору, рассмотрели его дело, но ничего не смогли причинить ему. Доносчики испугались и, подкупив ложных свидетелей, привели его в суд. Судьи продали свою душу и, поправ божью справедливость, приняли сторону ложных доносчиков, так как боялись, что государь их погубит за ложь, а отец Давида находится в хороших отношениях с государем, он поможет своему сыну. Они подали шаху свое решение, основанное на лжи.

Ум лучше всякого добра, он дорого стоит и его трудно достать. Даже государи разыскивают умных людей.

Умным называют того, кто умеет хранить тайну и каждому человеку говорит приятные слова, а желания свои никому не разглашает. Как в прежние времена наши предки говорили: «Слово — это зерно посеянное. Его землей надобно прикрыть, чтобы птицы не склевали и черви не съели. Если зерно прикрыть землей, птицы и черви не увидят, оно зазеленеет, даст добрый урожай и будет на пользу, как хозяину, так и другим. Про слова также говорено: если будет сказано скрытно, дело его получится, если же сообщить многим, то завистники радость превратят в горе, перессорят со всеми и провалят дело.

Человек ценится еще и другим. В первую очередь надо иметь имущество и достаток, а затем самому быть хозяином или иметь с патроном хорошие отношения. Если даже хозяин достатка будет плохим человеком, его будут уважать. Лучше бранить человека, чем жалеть его по бедности. Любая беда лучше нужды. От траты денег соответственно доходам человек не обеднеет. Если ты по сравнению с расходами имеешь ежедневно хоть один динар дохода, не обеднеешь. Если же твои доходы меньше расходов на один динар, спасайся, ибо скоро обнищаешь.

Иисусом Христом велено: «Если твой виноградник жаждет воды, чужим виноградникам воды не давай». О родичах сказано: которые наиболее близкие из твоих свойственников, тех ублажай. А если можешь еще больше, чем больше добра сотворишь, тем лучше. Нет на свете больше зла, чем бедность, особенно в пору старости. Фирдоуси сказал: «Дай людям пить и есть, выдай, но и оставь себе на старость». Ибо, когда не будет у тебя ни силы и мощи и ни дохода или прибыли, даже сын тебя возненавидит и пожалеет для тебя нажитое тобой добро. И если твое же добро будут давать тебе с укором и упреками, и то хорошо. По этому поводу сказано: лучше умереть, чем слышать попреки.

Теперь коротко скажу, сын мой Давид: Да хранит тебя бог от гнева государей.

Вот столько-то ты выдал другим, но хоть на грош помог кто-нибудь тебе в трудный день? Поэтому каждый человек должен свое предпочитать чужому и так устроить свои дела, чтобы не пришлось смотреть другим в руки.

Сколько бы ни было у человека доходов, он все же обязан уменьшить расходы, умиротворить себя и, согласно обычаю, по мере возможности творить добро божье и мирское. Сколько бы ни было у человека имущества, лучше иметь скрытно, иначе недруги, завистники и доносчики станут враждовать, или оговорят перед патроном и отберут, или же натравят брата и сына, придумают ложную причину, чтобы отдать под арест. Следовательно, имущество лучше иметь скрытно.

Лучше постараться задобрить всех, чем перессориться с ними. Врагу не показывай вражды, за друга выдавай себя. Если он хорошо станет относиться к тебе, и тебе следует изменить отношение к нему. А если не сможешь, Иисусом сказано: «Какою мерою вам мерят, такую же и вы возмерьте». Долги надлежит платить. А злобу лучше перетерпеть и успокоиться. Свое храни при себе, только бог пребывает вне нужды. Если ты, имея, дашь другим, это великое благо. Но если не будешь иметь ничего и пребывать в нужде и попросишь у других, а те ответят пренебрежительно или откажут, это подобно смерти.

Если у тебя хватит ума или страха перед бедностью, свое имущество раздели на три части: одну употреби на божьи дела, вторую потрать на себя, на семью, родственников, подданных и слуг, на дом и имение; а третью часть сохрани для старости « смертного дня, ибо обе они — старость и смерть — равны. Если умрет человек, деньги употребят на упокой его души и на могилу, если же будет жить, их используют на пищу и питье, одежду, на докторов и лекарства.

Конечно, общеизвестно и истинно, что каждый отец свое имущество и имение хочет для сына своего, но сын, если у него отец богатый, желает его скорой смерти, чтобы

растратить его имущество. Если же отец неимущий, сын сто раз на день попрекнет его куском хлеба: «Этот старый хрыч не умирает, чтобы избавиться от него».

Если бы брат и сын были хороши, то они имелись бы и у бога. Не дай бог, чтобы одна рука осталась в надежде на вторую. Помните об этом и берегите себя.

Повествование о потомках ослепленного

Дедом кахетинских царей был Теймураз. Его старшего сына звали Давид, а младшего Георгий. Младший брат был сыном дочери атабага, Давид же родился от матери черкешенки. Он воспитал младшего брата, женил его удачно и посадил царем. Давид сказал младшему брату: «В одной стране не может быть двух государей. Выдели мне владение, какое не жалко». Тот выделил примерно пятую часть Кахети. Были они любящими друг друга братьями.

Давид был хвален за отвагу, щедр, большой хлебосол. Был он человеколюбив и ладил со всеми. И кахетинцы верно служили ему, так как был он из царского рода.

Князя Чолокашвили доложили царю Георгию: «Кахетинцы служат вашему брату. Не знаем, что он замышляет. Будем лучше, если выжжете ему глаза». На это царь ответил: «За это бог не сотворит со мной ничего хорошего. Он вырастил меня, женил. Сам был старшим братом, но свое царствование уступил мне. Как же я могу так поступить с ним?».

Однако те не отстали от него, пока не заставили выжечь брату глаза. Но у него все-таки осталось зрение настолько, что, лежа под деревом, смог сбить стрелой с дерева голубя.

Когда об этом узнали его недруги, приказали лекарю, наложить такие лекарства, чтобы совсем лишился зрения, перо стал видеть. Лекарь выполнил их указания, и Давида вторично лишили оставшегося зрения.

Царевич Давид прибыл к шаху в сопровождении своих двух сыновей. Шах Тамаз хорошо его принял и похвалил его сыновей. У одного из братьев рамена были твердые как камень. У шаха был один сильный и отважный всадник. Он изволил оказать Давиду: «Пусть твой сын сразится с ним. Если одолеет его, пожалую ему Кахети».

Ослепленный доложил шаху: «Пусть будет по-вашему, но посадите моего сына на надежного коня». Из конюшни пригнали коней, но ни один из них не понравился слепому. Наконец привели еще одного. Этого коня он одобрил и сказал, что он подходит его сыну. Он дал советы сыну и сказал: «Садись на этого коня и бери в руки копьё. И вовремя подставь щит, чтобы он не успел ударить тебя копьём».

Обоих витязей посадили на коней и они выехали на площадь. Посмотреть на поединок собралось много народа.

Шах изволил сказать тому всаднику: «Если он сбросит тебя с коня, отрублю тебе голову. Если же сбросишь ты, не убивай его!».

Кахетинский царевич сбросил соперника с коня, отрубил голову и поднес шаху. Шах пожаловал ему в награду Кахети и велел наполнить его щит деньгами. Тот увез деньги в Картли и купил там деревни. Ему было сказано: «Пока не вернешь Кахети, живи в Картли». Сначала он купил Дирби, Брети и Бебниси. Одного сына женил на дочери Цицишвили, а другого сына — на дочери Палавандишвили. Эти князья помогли ему и в Дирби построили сильную крепость.

Затем кахетинский царь сказал: «Если он будет находиться в Картли, не успокоится, отнимет у нас Кахети». Он отправил царю Луарсабу послов, множество даров и шелка и передал на словах: «Каждый новый год буду присылать столько же вьюков шелка, только снесите Дирбскую крепость, построенную моим братом Давидом, и не позволяйте ему находиться в вашей стране. А его имение отдайте его брату Рамазу». Эти так и поступили. Дирбскую крепость разрушили, а имение Давида отдали его брату Рамазу.

Давид прибыл к имеретинскому царю, и тот уступил в Верхней Картли деревни Нули, Торманеули, Гвершети, Плеви, Канбади, Мцхетас-Джвари, крестьян Мохиси и Руиси и церковь с кладбищем, а также дворян Херхеулидзе и Татишвили.

Рамаз понравился царю Баграту. И все эти деревни были куплены на золото и серебро, пожалованные шахом Тамазом.

Шах Тамаз умер и они остались в Картли.

Кахетинский царь с семитысячным отрядом напал на них в купленном владении. На их стороне выступил владетель Мухрани. Они собрали семьсот человек, сразились с семью тысячами и победили.

Имеретинский царь выдал за Рамаза дочь. Во всей Картли и Имерети не было мужчины лучше его. И царское приданое получил хорошее, и в Самцхе дали ему имения. У него родилось семь сыновей от сестры царя: Костантиела, Элизбар, [Давид], Сиаош, Георгий. Давид стал бокаултухуцесом. Сиаошу царь Свимон пожаловал должность кылыдж-корчи. А Георгия, своего младшего брата, они выгнали, не дав даже одного слуги. И он всюду сопровождал царя. Все, кто видел его, спрашивали, кто он такой? Царь отвечал, что это младший сын Рамаза, и все щедро одаривали. Однако он был очень стеснен тем, что не имел подданных. Мать его была дочерью владетеля Шавшети и была царевной. Она находилась в Самцхе, в родительском доме. Георгий отправился к матери и, поскольку его постригли в монахи, признался матери и сказал: «Мама, я не могу быть монахом».

Услышав это, мать побранила его, а сын обиделся и ушел к тетке. У тетки болел двоюродный брат, а у него была хорошенькая жена. Она увидела Георгия, влюбилась и сказала ему: «Почему такой хороший и красивый мужчина должен быть монахом? Пусть бог даст тебя мне в мужья. От отца мне осталось столько имений, деревень и имущества, что тебе хватит и, даже будешь содержать сто слуг, все равно будет достаточно».

Желание той женщины исполнилось. У нее умер муж. Монах расстригся и женился на ней. Он остался в Самцхе, в имении тестя, могущественный и славный. Обеденному и без слуг изгнанному братьями помог бог и не оставил без надежды.

Повествование о царе Георгии и царе Эрекле

Когда имеретины взяли царя Александра и посадили в Имерети, царь Георгий и Арчил ушли в Рачу. Оттуда царь Георгий отправился в Одиши, из Одиши — в Гурию, из Гурии прибыл в Самцхе и остановился в Ошоре. Царь Эрекле обо всех этих действиях царя Георгия сообщил шаху, как он никак не мог утихомириться во враждебности к царю Александру. Поэтому шах Сулейман подготовил дары для хондкара: оружие, украшенное драгоценными камнями, много тканей дорогих, скакунов в золоточеканном уборе и одного слона с золотым паланкином и другим убранством, передали Калбали-бегу, сыну ганджинского бегларбега Угурлу-хана. Ему самому много подарков пожаловали и, с великой пышностью снарядив его, отправили, написав ему хвалебное письмо, в котором было сказано: «Наши подданные, сыновья царя Шахнаваза — владетель Кахети Шахназар-хан добивался вашего владения — Имерети, а царь Картли Георгий помогал брату. Некоторые из имеретинских князей, отложившись от своего наследного царя Александра, перешли на сторону Шахназар-хана. Поскольку между нами и хондкарсом существовал мир, а они старались захватить владение хондкара, мы отняли власть у обоих братьев и изгнали их из нашего государства. Их принял эристав Рачи. Они заставили многих князей изменить своему наследному патрону. Царь Георгий отправился к ахалцихскому паше, и путем взятки, представив государю ложные сведения, погубили своего наследного владетеля. Чтобы огорчить вас, они добились власти для выгнанного мною Шахназар-хана, а царю Александру закрыли все пути к вашему двору, лишили его

всяких сил, он вынужден был обратиться к нам. Теперь мы ждем от государя, что поскольку среди грузинских царей он самый мирный и не отправлялся к врагу домой, а наше государство одновременно и ваше, мы ждем, что вы пожалуете Имерети ее наследному царю Александру и выгнанных нами наших подданных не будете держать в ваших владениях.

103

Прибытие Калбали-бега в Турцию и оказание ему хондкарим великих почестей

Когда хондкарим поднесли дары, присланные шахом, и прочитали письма, он был очень обрадован и ради шаха пожаловал Имерети наследному царю Александру. Ахалцихский паша через своего заместителя прислал в город Тбилиси царю Александру высочайшую грамоту, а царь Картли Назарали-хан снабдил его всем необходимым для царя и проводил в Имерети. Его привезли в Ахалцихе, где его встречали турецкие войска. Из Ахалцихе Александра привезли в Имерети и поставили царем в Кутаиси. Арчил удалялся, а царя Георгия по приказу хондкарим пленил ахалцихский паша и держал в крепости, откуда тот сбежал.

Эриставы арагвский и ксанский, Гиви Амилахори и командующий войском Сабаратиано, Тамаз, объединились, и все грузины, из страха перед ними, примкнули к ним.

Назарали-хан из Коджори вступил в Тбилисскую крепость, и об этом сообщили шаху. Аббаскули-хану царь Георгий писал, что он раб шаха и хочет ехать ко двору государя. Он откладывал приезд со дня на день. Силой занявший Картли, не имел расчета ехать к шаху, они только хотели успокоить друг друга.

Аббаскули-хан писал шаху: «Царь Эрекле заодно с ним. Иначе почему царь Картли от какого-то изгнанника без боя скрылся в крепости». И раньше доносили, что они действуют сообща, и царь Эрекле никому не препятствует идти к ним, служить и носить подношения. Это случилось потому, что царь Эрекле, человек праведный и честный, всем доверял и не умел отличать врага от друга. Он сделал своим везиром мусульманина, воспитанного теми, и тот настолько втерся в его доверие, что без его ведома царь и воды не мог выпить. Всех преданных слуг царя он восстановил против него, а сторонников сыновей Шахнаваза возвеличил и заставил царя раздать столько удельных имений, что сам царь очень часто не имел возможности достать себе пищи. Доход в пять тысяч туманов они разбазарили настолько, что царь не мог приобрести себе смену платья. Он никому не запрещал служить царям Георгию и Арчилу, и что у него было пожалованного от шаха, все раздал грузинам. Но он никому не смог внушить страха, все обвиняли его в бессилии. Даже те, кому он что-нибудь давал, говорили: «Он боится нас и потому дает, как взятку». С ним стали обращаться шутливо, как с равным и, совершенно не боясь его, не считались с ним. Они привели царя Гургина и все примкнули к нему. Эрекле находился в Тбилисской крепости. Царь Георгий стоял в Коджори. Послав оттуда войска, они стали обстреливать Тбилисскую крепость из ружья. Из крепости также ответили ружейной стрельбой и отбили нападавших.

104

Вы, умные и ученые, слушайте меня и хорошо вдумайтесь в то, что я расскажу, ибо это будет полезно нам.

Хаджи Али-хан Зангана был сущий дьявол. Дядя у него был этимадовле, он привлек на свою сторону и назира шаха и, поехав гонцом в Картли и привезя оттуда много ложных сведений, добился бегларбегства в Тавризе и должности командующего в Грузии. И течение десяти лет он с большим войском то поднимался на летние стоянки, то спускался

в равнины, грабил страну, никому не оставляя ничего, а государя обманывал, посылая ему ложные донесения. Царь Георгий послал сына своего и брата к шаху с грамотами, в которых он оправдывался. Так как этимадовле Шейх Али-хан был зол на царя Георгия, то его дела не стали рассматривать, царство картлийское отдали внуку царя Теймураза, Левана и Баграта дослали в Герат, а Луарсаба в Керман, царю же Георгию шах написал обнадеживающую грамоту, сообщая ему, что владения его переданы Назарали-хану, он должен приехать ко двору и иметь упование на шаха.

Так как командующий боялся прибытия царя Георгия, к нему послали юзбаши Ахмед-хана из племени микри, и так устроили, что царь Георгий уже не прибыл и без боя удалился. Власть захватил Назарали-хан. Кияса командующий назначил его везиром, поручив ему стараться погубить ганджинского хана и провести Назарали-хана, чтобы проявилась его верная служба. Подобраться к Назарали-хану тот смог, хваля Арчила и показывая себя его сторонником. Назарали-хану это было приятно, и он поручил свое царство ему. А хана Ганджи и владельца Кахети Аббаскули-хана Кияс обманывал, сам приходя и докладывая, какие бы плохие дела не случались.

Относительно же Эрекле он устроил так, что ему пришлось одному искать убежища в городской крепости, а о том, что случилось с Аббаскули-ханом, будет написано ниже.

Взяв клятву в верности с князей, Кияс сам стал служить у Назарали-хана, чтобы обо всех известиях, полученных от шаха, сообщить царю Георгию. Князья, которым Эрекле оказал столь много милостей, ушли от него и примкнули к царю Георгию, распусшив слух, что царь Эрекле на их стороне. От советов Кияса случилось, что его стали считать вероломным, бессильным и нерасторопным.

Так Кияс доконал его, и все-таки Эрекле слушался Кияса и настолько верил его словам, что возненавидел по его наущению всех, кто был верен ему и шаху, так что у него нигде не осталось преданных и верных людей. Не было также у него ни наследника, ни родственников и близких, ни собеседников и знающих советчиков.

Парсадан Горгиджанидзе особенно верно и преданно служил Эрекле, но устроили так, что ему не писали писем и обижали делом, и Парсадан также сделался зол на него. Таким образом, у него не оставили нигде верного человека, кто бы стоял за него, но и тогда он не понял своего положения. Вот так устроил ему хороший везир царство и царский дом. Что случится после этого, об этом лучше знает бог. Сам же он и тогда не смог догадаться о вероломстве своего везира.

Государю шаху Кияс сообщил, что Эрекле, во-первых, сторонник их противников, а во-вторых, он не сможет царствовать. Он заставлял писать обидные доклады, неприятные шаху. Но Парсадан Горгиджанидзе доложил шаху, что Кияс, везир Назарали-хана является питомцем царя Георгия и предпочитает его. Командующий Хаджи Али-хан для того и приставил его везиром к Назарали-хану, чтобы он посеял смуту в Грузии и ввел в заблуждение правителя Кахети Аббаскули-хана, обманул кахетинцев и замутил и их, дабы показать верную службу командующего. Назарали-хану же Кияс сообщил, будто семью его не дал отпустить Парсадан, поэтому он не пишет ему писем. Однако Назарали-хан верен государю, но ему до сих пор не дают покоя, он находился в подчинении то командующего, то Аббаскули-хана. Собственный его везир мешал ему делать добрые дела и подговаривал творить зло. Этим он превратил верных ему людей в его врагов. Он же вынудил его из Коджори искать убежища в Тбилисской крепости, чтобы показать государю его слабость. А то ведь государю известно, что Эрекле, не пользуясь милостью шаха, не имея на своей стороне Картли и не владея Кахети, все же силами одной Тушети дважды сразился с царем Шахнавазом. И если государь предоставит ему свободу действий и правитель Кахети Аббаскули-хан не будет препятствовать, Эрекле при помощи Кахети, Тушети и горцев оплатит им. А если государь отнимет у него власть, эти также перейдут на их сторону и еще больше усилятся.

И так как этимадовле Шейх Али-хан скончался, этимадовле сделался Мирза Тахир, старый историограф. Он постоянно старался показать в плохом свете все содеянное Шейх

Али-ханом. О последствиях он не думал, так как, во-первых ему было девяносто лет, а во-вторых он был такой взяточник, что подобного ни в старое время, ни сейчас не найти. И вот, видя везира таким взяточником, придворные тоже стали брать взятки. Государь любил пиры. Везира из-за взяточничества не стали уважать, и его никто не слушался. Началась смута и при дворе и в приграничных областях.

Грузины, узнав, что взяткой можно устроить дела, поднося взятку в виде хотя бы одного пленника, устраивали любое дело. О государе они не беспокоились. За один год сам этимадовле и его дети и родственники так разбогатели и столько набрали добра, сколько другие этимадовле и за двадцать лет не доставали. Страха божьего он не имел и в день страшного суда не верил. Какого бы бедняка он не видел, смотрел ему в руки, и если кто ему ничего не приносил, начинал его укорять и ругать.

Из Картли прибыл гонцом Бараташвили Луарсаб: Назарали-хан просил помощи и войска. Правитель Кахети, Аббаскули-хан помогал царю Георгию, этимадовле и большинство придворных, благодаря ганджинскому хану, также оказывали помощь царю Георгию.

Сын Шейх Али-хана, Шахкули-хан корчибаши и техранский хан эшикагасыбаши представили дело государю так: «Царь Георгий был в плену у турок, тайком ушел от них и собственными силами занял Картли. Ахалцихский паша прогнал из Имерети Шахназар-хана, а хондкар ради вас пожаловал Имерети ее наследному владельцу царю Александру и, пока тот жив, останется верным вам. Отчего это может произойти и что с нами могло случиться такое, что изгнанный вами раб мог силой отнять у вас владение». Государь одобрил сказанное ими, но ждали Калбали-бега, сына Угурлу-хана, чтобы отправить его послом к хондкару, так как он заставил прогнать Шахназар-хана, вернул Имерети царю Александру и заставил схватить царя Георгия, который, однако, ушел от него и на сторону которого перешли пять князей — Гиви Амилахори, арагвский эристав Георгий и брат его Бардзим, ксанский эристав Давид и Бараташвили Тамаз, а через этих к нему примкнули и другие. Таким образом, благодаря своему хорошему советчику — везиру, царь Эрекле вынужден был искать убежище в крепости. Иначе другие князья не ушли бы от шаха.

Об этом и изволил сказать Александр Македонский, «он хочет чужими руками рвать шипы, а то какое-либо крупное дело не должно доверять ни брату, ни сыну, ибо и они также свои интересы предпочитают твоим; спрашивать нужно многих, некоторых вместе, других же в отдельности каждого, и рассудив своим умом, сделать так, как по твоему будет лучше, не откладывая на завтра дела, которое нужно сделать сегодня и, не доверяя тайны своего сердца никому.

У одного великого государя было два везира, один весьма преданный, а другой очень вероломный.

Ложными измышлениями он заставил царя невзлюбить того доброго везира, царицу свел со своим сторонником, родственником царя, и его собственную жену использовал с целью погубить государя.

Вероломных он возвеличил, а верных государю заставил погубить. А с верным везиром путем ложных наветов, доносов жены и своими свидетельствами устроил так, что ему не верили никогда и государь даже намеревался убить его. Но тот же неверный государю везир помог тому и доложил: «Он много служил вам и стар уже. Пусть государь освободит его, он будет сидеть где-нибудь в одном месте и молиться за государя».

Государь послушался совета, и добрый везир, сидя в своем доме, ни в какие дела не вмешивался.

Прошло некоторое время. Вероломный везир тайно привел войско к присяге на верность царице и ее жениху. Он сказал ей: «Я уведу царя далеко на охоту, ты здесь повенчайся» открой сокровищницу и хорошо одари всех. Когда весть об этом дойдет до нас на охоте, я заставлю государя уехать из страны, и сам пойду с ним. Тех, которые пойдут вместе с государем, я по одиночке буду присылать сюда к вам, а после них и я уйду от него сюда».

Злорадная, бесчестная и развратная царица выполнила совет коварного везира, и известие об этом дошло до царя на охоте. Предатель — везир не дал ему обдумать как поступить и вынудил его удалиться в чужие края. Он и сам пошел с ним, а затем, заставив войско изменить государю, также оставил его.

Переодевшись бродягой, государь начал в одиночестве скитаться по миру. Он пришел к одному чабану и увидел, что тот, подвесив высоко на дереве собаку, сильно ее бьет, а другую кормит кусками мяса. Он спросил чабана: «Почему это ты так сильно бьешь одну собаку, а с другой так хорошо обходишься?».

Чабан так ему ответил: «Эту я бью потому, что она слюбилась с волчицей и, когда она приходит, дает ей целую овцу. Так она погубила у меня много овец. А что я ухаживаю за другой собакой, так это потому, что, когда появлялась волчица, она начинала громко лаять и скулить. Я сердился на нее и начинал бить, и эта другая собака тоже кусала ее».

Как-то на рассвете пришла волчица, и эта собака, погнав впереди себя овцу, вела ее к ней. Вторая собака, ударяя меня лапой и мотая головой, дала мне знать и, повизгивая, побежала впереди меня.

Та собака, убив овцу, чтобы она не ушла, сама повязалась с волчицей, и вот эта так подвела меня к ним, что не успели разойтись. Волчицу я убил, и три дня эту собаку за вероломство бью, а мясо убитой ими овцы варю и даю есть верной собаке».

Услышав это от чабана, государь вздохнул, вспомнив вероломство одного и верность другого из везиров, измену жены и войска, вспомнил, как он не верил доброму везиру и злой и неверный везир его погубил, осмеял, отнял царство, его жену выдал за другого. Он сказал: «Пойду я к своему старому везиру. Если захочет, пусть убьет меня, а захочет — оставит в живых». В виде дервиша, как нищий, пришел он к дверям верного везира. Везир его узнал, как только увидел, и приказал выгнать его с великою бранью. Несчастный государь повернулся и ушел, везир пошел за ним и, оставшись наедине с ним, сказал: «Я потому бранил и говорил неподобающие слова, чтобы кто-нибудь не узнал вас. У меня устроено помещение для нищих у садовых ворот. Там они получают пищу и одежду. Когда я приду в сад. Без зова, один последуйте за мной, а я, чтобы никто не догадался, буду и сердиться на вас, дабы раньше времени не узнали люди». Государь поблагодарил его, и этот преданный везир в продолжение трех лет своим умом и раздачей добра настолько привлек на свою сторону войско и народ, что новый государь тайно удушил свою жену, а везира повесил на дерево. Подданные и родственники царицы обозлились на него, а князья, приверженцы везира, и его родственники испугались и в страхе разбежались.

В такой момент объявился прежний государь и вокруг него собрались цари, князья и правители, новый же государь, опечалился и стал искать средство к спасению.

Он послал надежного человека к везиру сказать ему: «Не слушаясь тебя, мы, два государя, пострадали через того вероломного везира. Теперь посоветуйте нам, как будет лучше». Везир послал ему такой ответ: «Так как вы спрашиваете нас, мы обязаны перед богом посоветовать то, что будет лучше для нас. Войско, правители и князья покинули вас и ушли к нему. Из страха перед ним к вам уже больше никто не примкнет. Откройте сокровищницу и щедро одарите всех, чтобы никто не догадывался о вашем намерении бежать. И во время этого одаривания все драгоценные камни, которые можете взять с собою, захватите, и так, одаривая всех и собирая войска, доберитесь до границы. Все, что вы хотели бы взять с собою, пошлите вперед. Если увидите, что можете сразиться с противником, то хорошо, если же не будете в состоянии это сделать, под видом охоты мирно удалитесь. Если улучите время, попытайтесь еще раз сразиться, а вообще, где бы вы ни находились, у вас всегда будут источники пропитания, почет и довольство».

Государь одобрил его совет и поступил так, как тот писал ему. Он с великой торжественностью удалился, взяв с собою казну. Некоторые ушли вместе с ним, большинство же вернулось к своему старому государю.

До сегодняшнего дня эта притча уподобляется делам Назарали-хана и советам его везира. Он вынудил Назарали-хана забраться в Тбилисскую крепость, не имея к тому надобности, а царь Георгий без боя и без хлопот занял Картли. Правителя Кахети Кияс привлек на свою сторону и по всем делам, как бы низки они ни были, всегда сам ездил от царя Эрекле к Аббаскули-хану. Он восстановил его против царя Эрекле и превратил в сторонника царя Георгия. Но и после этого царь Эрекле ничего не делал против воли этого везира. А что после этого произойдет, о том лучше ведаёт бог.

В это время в Исфахан гонцом прибыл бардинский хан

Он подал государю прошение от князей Картли, которые заявляли, что не хотят иметь царем никого, кроме Георгия. Они просили государя внять их просьбам и пожаловать ему царствование в Картли, а если он чем-нибудь провинится перед семьей государя, то взыскать с них. Кое-кто из придворных государя для умиротворения страны также хотели, чтобы царствование было отдано Георгию, а некоторые говорили: шаху:

«Турки ради вас прогнали его и, бежав оттуда, он силой занял Грузию и поставленного вами царя вынудил забраться в крепость. Государю не подобает терпеть это».

В это время жители Кича и Макрана грабили Керман и узбеки разоряли Хорасан, курды же старались захватить пограничные области Азербайджана. Некоторые места ими были уже заняты.

Государь шах, пьянствуя, проводил время в пирах, придворные же, ни о чем не заботясь, явно брали взятки, не боясь никого. Как бы ни был не прав человек, ради взятки они оправдывали виновного и осуждали невинного. Законники также, чтобы задобрить других, попрали бога и, изменив закон и справедливость, осуждали невинных, оправдывая виновных. Страха перед страшным судом и адом у них уже не было. Если кто-нибудь был должен или имел на хранение что-нибудь от другого, то отказывался вернуть и, потратив половину на взятки, остальное присваивал. Никто не мог пройти от одной деревни до другой, иначе как под охраной. Везде бродили воры и разбойники, и кто имел силу, грабил страну, вымогая имущество у богатых и состоятельных. Если те давали, то спасали, этим себя, если же отказывали, на них или ночью нападали, и, перебив, уносили их добро, или же среди бела дня убивали ударом ножа. Все это особенно имело место в городе Исфахане. Суда не было, так как взяточничество было развито, и никто не придерживался правды и не имел страха перед богом и государем.

В пограничных областях распространилась молва, что государь проводит время в пьянстве и развлечениях, а придворные открыто берут взятки. Поэтому во всех приграничных областях началась смута.

Из Грузии в Исфахан приехали несколько человек, которые небольшой взяткой, не являясь к шаху, обделали все свои дела и уехали обратно. Прибыв в Картли, рассказывали там о делах, творившихся при дворе шаха. И вот те осмелели, царь Эрекле без борьбы засел в Тбилисской крепости, а страну занял царь Георгий, который обещался поехать ко двору шаха. Брат царя, Леван, находился в Герате, а Луарсаб в Кермане. Их призвали ко двору, считая, что царь Георгий после этого больше будет доверять им.

В это время правитель Кахети Аббаскули-хан прислал нарочным бардинского хана вместе с людьми царя Георгия. Если перед этим он писал, что приедет ко двору шаха, теперь открыто написал ганджинскому хану: «Я ничем не виноват перед шахом. Шах на меня разгневался, и я удалился от него. Теперь грузины клятвой заверили меня и все примкнули ко мне. Я ни перед кем ни в чем не виноват. Заняв собственные владения, я теперь жду, что государь примет меня своим подданным». Грузины также написали государю прошение: «Мы не хотим иметь над собой никого, кроме царя Георгия. Мы

надеемся, что высокий, как небо, государь, внемлет нашим просьбам и ради нас простит ему вину, если же он в чем-нибудь провинится перед семьей государя, пусть за это взыщут с нас».

Эти сообщения, неприезд царя Георгия и прибытие гонцом хана Барды, были неприятны государю и некоторое время он не принимал хана и не спрашивал у него ничего.

В это время прибыли гонцы царя Эрекле, который писал государю: «Царь Георгий, узнав, что государь оказал милость и пожаловал нам халат, корону и грамоту, выслал навстречу войско, чтобы отнять их. Мы получили известие об этом. Кизикцев, которые были с нами, послали против них. Они убили у тех двух человек и доставили нам халат, пожалованный государем. Встретив их, мы вознесли молитвы за государя, надели халат и вернулись в Тбилиси. Царь Георгий стоит на реке Вере. Пусть государь изволит приказать свое решение». На это донесение также не было обращено внимания.

В это время прибыл также гонцом брат горийского минбаши и привез такую весть: «Царь Георгий перекрыл все дороги к Горийской крепости и в нее ниоткуда нельзя завести провиант. Племянник Гиви Амилахори, Иотам, с семьей вступил в Горийскую крепость и ведет борьбу с непокорными и неверными шаху. Амилахором просят поставить его. Старейшины и главари горийские с подношениями пришли к царю Георгию и доложили ему: «Взять крепость вы не можете, и в конце концов вас все-таки одолеет шах, и вы останетесь изменником. Картли у вас в руках, оставьте борьбу за крепость». Царь Георгий послушался их и отстал от крепости. Об этом Назарали-хан написал шаху.

В это время Калбали-бег каджар, сын Угурлу-хана, ездивший послом к хондкару, вернулся и доложил шаху о благополучии хондкара, о том, что был им принят хорошо и что он восстановил мир. Государю это было приятно. Гонцам из Картли и Кахети все же не давали ответа и не отпускали, не спрашивали про турецкие дела и у Калбали-бега, сына ганджинского хана, а хану Ганджи Аббаскули-хану, который правил в Кахети, повелели отправиться к Назарали-хану в город Тбилиси.

Оба они встретились в городе Тбилиси. Царь Георгий был то в Картли, то приезжал в Сомхити-Сабаратиано. О нем Назарали-хан и Аббаскули-хан сообщили шаху, но государь не обращал внимания на них, он проводил время в пирах и не изволил отвечать. Между Назарали-ханом и Аббаскули-ханом. произошла размолвка, они доносили шаху, обвиняя друг друга в сообщничестве с царем Георгием. Аббаскули-хан хотел, чтобы без применения военных действий заставить царя Георгия поехать ко двору шаха, а Назарали-хан спешил потому, что его владения были заняты царем Георгием, и он, сидя в городе, не имел ниоткуда доходов.

Я, Парсадан, говорю это, призывая в свидетели отца праведного.

За нерасторопность Назарали-хана счастливый шах стал гневаться на нас, Назарали-хан также сделался на нас зол. Враги нашли удобное время и стали доносить на нас. Сперва донесли на моего сына Давида, по причине его молодости и гордости. Его арестовали и четыре года держали в заточении. Затем настала очередь моего брата Александра, который был зарабибаши Ирана. Упрямый, не слушающий никого и себялюбивый, он всем, кому мог, давал займы из государева добра. Я никак не смог образумить его. На него донесли, арестовали и отняли имущество. Увидев, что у него ничего нет и слова доносчиков могут оказаться ложью, доложили государю: «Все, что имеет зарабибаши, он держит у своего брата Мелик Садат-бега юзбаши». Азербайджанскому везиру приказали арестовать его. Увидели, что и у того ничего нет. Оставили его в покое. Дав кое-что сыну азербайджанского везира, он пришел к тавризскому наместнику и стал его просить о помощи. Это рассердило азербайджанского везира и он доложил шаху: «Юзбаши снял мои печати и забрал из дома все, что было хорошего». Второй раз приказали арестовать Мелик Садат-бега и все добро, что у него было своего, моего или моего сына, все конфисковали, а самого его привезли в Тавриз.

Он заслуживал еще худшего, так как действовал против моей воли и женился на дочери такого человека, который заставил его содейть неприятное богу дело. Он сделал мою жизнь противной, имущество мое раздавал своим шуринам, жалея для меня мое же добро. Полтора года я был так тяжело болен, что никто не верил, что останусь жив. Десять раз я посылал к нему людей, звал к себе, чтобы не умереть, не свидевшись с ним. Не желая расставаться с другими, он не сжалился надо мною и не захотел видеть. Еще раз я послал гонца сказать ему: «Как бы мало ни хотелось тебе видеть меня, немедленно отправляйся ко мне, иначе привезут тебя арестованным». Он пренебрежительно отнесся к моим словам и не поехал ко мне из Тавриза, направившись к себе домой. К нему пришел ясаул и арестовал его. Если бы его не арестовали, он тогда не поехал бы ко мне. Но да продлит бог жизнь счастливого шаха. Хотя мои сын и братья сидели в тюрьме у шаха, что бы я ему ни писал или посылал, все передавали. Я написал шаху и попросил у него кусок хлеба с его стола. И да продлит бог дни его! Он пожаловал мне целый лоток хлеба и всяких блюд, а на третий день освободил моего сына и, отправив ко мне, велел передать следующее: «Ради тебя я держал его в тюрьме, так как он огорчал тебя. И если услышу, что он продолжает тебя сердить, поступлю с ним сурово». Поскольку государь сделался ко мне милостивым, другие также подобрали и перестали вредить мне.

Но кто будет читать эту книгу, пусть запомнит мой завет: Сыны Адама непостоянны. При благополучии они ласкаются к тебе и пользуются от тебя, но если у тебя чуть плохо пойдут дела, те, которым ты оказал много добра, начнут делать тебе зло, и, передавая твоему врагу все, что может причинить тебе вред, рассказывают ему плохое о тебе, радуя его этим.

И сколько бы ты ни раздал добра, когда будешь нуждаться, ни сын твой, ни брат, ни ближний свойственник или родич, ни слуга, если даже будут должны тебе, никто ни одного гроша не даст, чтобы помочь тебе. Все это пришлось претерпеть мне. Потому я завещаю это вам, чтобы вы усвоили это и позаботились о днях старости, чтобы не остаться на милости сына, брата, родственников или чужих людей.

Я потому говорю, что был я почитаем государями и богат добром и именами; многих своих родных и чужих, которые мечтали даже о грошах, предоставлением должности или выдачей денег я сделал обладателями кого двух-трех тысяч, а кого пяти-шести сот туманов. И вот полтора года я болел в городе Исфакане и не мог двигаться, а мои племянники пребывали в довольстве. Кроме того, что я сам давал своему племяннику по брату, он был мне должен пятьсот туманов дохода с моего имени. Воспользовавшись моим бедственным положением, он стал поносить меня перед врагами, а из моего имущества не дал мне даже на лекарство. И никто другой не помог мне, хотя я мог бы сам еще помочь и отплатить за добро. Смиловившись господь и я поправился, и вот они по-прежнему начали ластиться ко мне.

Не доверяйте никому. Свое предпочитайте и детям своим, и брату и другим. Лучше, чтобы они смотрели тебе в руки, чем тебе зависеть от них. И не старайся, чтобы с твоей помощью другие стали богаче тебя. За добро делай добро, за зло — зло. Иисус изволил сказать; «Какою мерою вам мерят, такую и вы возмерьте». Старость — безрадостный и неизлечимый недуг. Как много добрых дел ты бы ни творил и сколь много имущества у тебя бы ни было, если даже каждый день будешь его раздавать своим детям и внукам, все равно сын будет попрекать отца и говорить: Эта старая собака никак не подохнет, чтобы нам освободиться от него».

Поэтому умен лишь тот, кто, позаботившись о загробной жизни, будет ухаживать за собою, чтобы не остаться на попечении других. Не беспокойся о других, ибо бог и им дает пропитание, а тебе никто не будет благодарен, как бы много добра ты ни сделал. Приобретенное тобою потратят они на свою жену и детей, а тебе из твоего же добра ничего не дадут. Завет этот правилен, со многими так случилось и случится еще с другими.

Так знайте же, что нужно остерегаться государей, царей и властителей, ибо, во-первых, они надменны и насильники, а во-вторых, питают страх перед народом и богатством. Сказано: «Держитесь подальше от сильного огня, чтобы он не охватил и не сжег вас». Таковы же и государи. Лучше, чтобы государь не знал тебя, ты будешь жить спокойно и свободно. А если будет знать тебя и возвеличит, ты должен еще больше опасаться и быть осторожным, ибо, если ты богат и обладаешь большим имуществом, государь придумает какой-нибудь повод или быстро поверит доносу завистника и, или казнит тебя, или отнимет все, что у тебя есть. Следовательно, имущество лучше иметь втайне, чем открыто.

Если же ты обладаешь областью, а также войском и имеешь силу, на тебя скорее будут доносить государю, говоря, что ты оспариваешь у него власть. Опасаясь таких притязаний, многие казнили сыновей и братьев, а о подданных тем более не тужили, их легко и быстро обрекали на смерть, не устаивая суда и расследования. Богатого и состоятельного человека, завидуя ему, не пожалеют и, как бы много добра он ни делал, будут стараться за добро отплатить злом. Бога они не боятся и страха за душу свою не имеют.

Ведь счастлив тот человек, у которого имеются скрытые средства жизни, он доволен своим положением и не тянется во все стороны за большим и не старается отхватить побольше. Никого он не поносит, ни с кем открыто не враждует, и врага и друга сладкой речью и хвалой поминает и приятные слова им говорит, особенно там, где не ожидают этого. Услышав такое про себя, им будет приятно и они также сделаются добры к нему. И пусть он ни к своему старшему и ни к слуге или подданному своему не обращается с упреками. Сказано, что сладкая речь и змею заставит выбраться из норы. Служи богатым и помогай бедным, раздавая им пищу и одежду. Не забывай страха божьего и старайся здесь же в земной жизни заслужить рай. Провиант пошлите впереди себя, чтобы он прибыл туда раньше вас, ибо отправленное вслед вас не догонит и никто о мертвом жалеть не станет. И все, всяческими стараниями им приобретенное, тот, которому оно достанется, употребит для своих детей: приобретатель будет страдать в том мире, а приобретенное останется у других.

Воистину бог непогрешим и он могущественнее всех. Творящему добро он предоставляет рай, а со злого, если он не будет терпеть ради спасения души, не покается и не заплатит долги, взыщет в том мире, послав его в ад. Те, которых он обидел, спросят с него в день страшного суда. Долги следует платить.

Богатые насильники силой заставляют трудиться крестьян и беспомощных. Эти не могут отплатить им, но с рыданиями, вздохами и плачем приносят жалобу богу, и нет у них больше сил терпеть. Однако блаженство принадлежит бедным за то, что они терпят. И поскольку они здесь богаты и довольны чужим добром, хорошо едят и пьют и радостно проводят время на этом свете, кто потерпит из бедных, там, в потустороннем мире получит божью благодать и рай. А богатые за свои несправедливые действия будут страдать в аду. Божий суд не искривится, и злодеяния злому человеку не будут прощены.

За это время дела царей Георгия и Эрекле не были разрешены, они воевали между собой, однако, поскольку Тбилиси принадлежал Эрекле, он был сильнее.

Шах был многотерпелив, он хотел без войны и битвы умиротворить Грузию. Царь Георгий и картлийцы очень боялись государя и опасались его. Поэтому ехать ко двору они не решались, но посылкой писем и людей, изъявлением раскаяния и просьбой об извинении молили его. Однако государь не внимал им и не ответил ни им, ни царю Назарали-хану.

Мать шаха так изволила оказать матери Назарали-хана, царице Елене: «Твой сын силами лишь тушинских деревень дважды сразился с Шахнаваз-ханом и его сыном Шахназар-ханом и отнял у них Кахети. Ему ни государь не помогал, ни кто-нибудь другой. А сейчас, когда государь милостив к нему и дал ему царство Картли, обратив на помощь ему Кахети, тушин, ганджинского хана и войска с областей за Араксом, он все-

таки не выходит из крепости, чтобы дать ответ своему сопернику. Дед его, царь Теймураз, не давал покоя всему миру, предавая разорению все вокруг себя, и много раз сражаясь с государевыми войсками, а твой сын ничего не смог сделать, хотя государь жалуется на него. Из Грузии пишут, что они условились между собою, и твой сын не может поступиться зятем твоим, Арчилом. Что тут может сделать государь? Твой сын или совершенно бессилен и не может править, или он заодно с ними, и государь ему не может доверять. Картли и Кахети в его распоряжении, и шах дал ему в помощь войска с того берега Аракса. Пусть он постарается совершить что-нибудь такое, чтобы доказать, что доносчики лгут. Пусть он сразится с царевичем Георгием, нападет на него, или убьет его, или же сам будет убит. Пусть покажет верную службу государю и способность свою, обратив этим на себя милость шаха; или же как сам знает. Здесь он хвалился государю, что вот поедет в Грузию и всех противников со связанными руками доставит сюда. Поехал и не смог ничего сделать такого, чтобы государю было приятно. Здесь он называл их сыновьями своих подданных, а теперь пишет жалобы на них. Что тут может сделать государь? Напишите обо всем этом вашему сыну, пусть он правильно обдумает все, чтобы не обрадовать своих врагов».

Царица обо всем этом написала сыну. Она писала, что государь изволил это сказать ей, чтобы он не каждому доверял свою тайну и свои намерения. Надо действовать, не сообщая никому о своих намерениях, ибо если узнают, будут стараться предпочесть свое дело твоему. Поэтому и сказано философами, что имущество лучше иметь скрытно. А слов лучше говорить поменьше, и не надо всем доверять, ибо человек по природе лжив. Как пшеничное зерно, укрытое в земле, возвращается к тебе сторицей, а если ты его не укрыл в земле, птицы склюют, урожай пропадет и ты напрасно потрудишься, так и со словами: если ты их скрываешь, дело у тебя устроится, в противном же случае, врагу твоему передадут о твоём намерении и он постарается взять над тобою верх. Так же и с укрытием имущества, потому что против неимущего ни завистник не станет действовать, ни насильник не отнимет у него ничего.

Вот если узнают, что ты состоятелен, начнут выслуживаться перед тобой и хвалить тебя, чтобы выгадать себе пользу. И сколько бы ты не раздал всем, все-таки не перестанут завидовать тебе и скажут: почему этот имеет, а я не должен иметь?

Будут по разным местам распускать слух о твоём большом богатстве, чтобы донести об этом твоему патрону; ведь все господа выросли на похищенном добре, и у них самих такая природа, что все хотят отнять у других имущество и пополнить свою казну. Много людей и семейств погубили завистники, захватили их добро и, умерев неожиданно, оставили другим все, что приобрели силой или добровольно. В день страшного суда много с них взыщется и великих мук будут удостоены.

Слушайте слова истинные и правдивые и многими испытанные.

Будьте осмотрительны в своих делах и свои путевые запасы отправьте заранее, чтобы, пока вы дойдете до места, они были бы там. А то, что после пошлют вдогонку за вами, вас не догонит, и превратитесь в нищего, несчастного и беспомощного.

На страшном суде не будут разбирать, кто господин и кто слуга. Судить будут там справедливо, за добро пошлют в рай и восславят великой славой, а за зло низвергнут в ад, и ангелы проклянут и будут хулить такого. Долги нужно платить, и если вы никому не должны, никто не подступится к вам. Праведных бог любит.

Я, Парсадан, говорю это, приводя в свидетели бога справедливого. Все, что с десяти до семидесяти лет я пережил и достойно описания в книге, вся истина здесь. Я был более чем смел и расторопен. Царь Ростом воспитал меня, как своего сына, и много милостей оказал. Он женил меня и пять дней сам с госпожой-царицей и князьями грузинскими с

женами были у меня, сами пировали и других увеселяли. За все расходы уплатил царь и пожелал устроить мою судьбу.

В это время счастливый шах, благодаря помощи царя Ростома, подарил Заалу Эристави около Казвина, в местности, называемой Бохруд, 20 селений. Он послал меня, чтобы я выяснил достоверно их доход. Со мной был мой слуга, по имени Тамаз. Все мое имущество и дела были в его руках и без его ведома я ничего не предпринимал. Его товарищам стало завидно его положение, они подговорили его, и он ночью из ружья выстрелил в меня, сидящего у себя дома, и разбил мне правое плечо. Потом он пришел с плачем, бил себя по голове и просил поскорее послать его в Казвин, чтобы привезти лекаря. Я его не подозревал, посадил на свою лошадь и послал за лекарем, а сам велел задержать тех, кого я подозревал в нападении. Тамаз привез лекаря, а я как раз собрался наказать ни в чем неповинных людей.

Лекарь сказал мне: «Грех наказывать невинных. Тамаз признался, что его подговорили товарищи и он стрелял, в тебя. Он просил меня сжалиться над ним и дать тебе такое лекарство, чтобы ты поскорее умер, а то ты убьешь его». Те, которых я велел схватить, рассказали: «Вечером у Тамаза в руках было ружье, и когда мы пришли к себе, то услышали, выстрел и узнали, что стреляли в тебя».

Поэтому я послал к Тамазу людей, они обыскали его дом и нашли у него в соломе ружье. Когда его принесли мне, я устроил очную ставку Тамаза с лекарем и Тамаз уже не смог отрицать своей вины. «Меня подговорили, я стрелял», — сказал он. Я не смог сдержаться от гнева и плохо поступил: велел отрубить ему обе руки. Об этом я стал сожалеть и, сколько мог, назначил ему содержание и всю жизнь жалел об этом.

Я приехал в Картли. В это время Леван Дадиани написал письмо царю Ростому. «Наш везир Паата Цулукидзе умер. Парсадан воспитан вами, он будет нам верен, и мы сможем ему доверять. Мы надеемся, что вы пожалуете его в наши везиры и пришлете сюда к нам».

Вышел приказ царя снабдить меня всем необходимым и отправить в Одиши.

Это меня чрезвычайно огорчило, я пришел к Заалу Эристави и так ему доложил: «Я не могу ехать, может быть вы поможете мне, иначе собственной рукой я лишу себя жизни. Пусть государь не сделает так, чтобы я был потерян для него». Эристави пришел к царю и расстроил мою отставку, а Дадиани написали: «Он находится в Гиляне, и когда вернется, мы пришлем его к вам».

Год пробыл я там, и, когда вернулся в Картли, меня послали моуравом Исфахана, а какие события там произошли и как они случились, все это описано выше. После того я сорок лет служил шаху Аббасу и его сыну шаху Сулейману. И все, кому я делал добро, деньгами ли или оказанием помощи, родственникам или ближним, знакомым или незнакомым, брату или сестре или их семьям, все они, завидуя мне, начали готовить мою гибель, донося на меня.

Четыре года шах не садился на коня. Один из моих братьев был зарабибаши Ирана. Он был упрям и себялюбив. Семь тысяч туманов из шахского имущества он разбазарил, выдав в долг разным темным личностям. По этому делу на него донесли шаху, его арестовали и описали имущество — у него ничего не оказалось. Шаху доложили: «Его имущество находится в Азербайджане у его брата юзбаши Мелик Садат-бега. Того также арестовали через тавризского хана и азербайджанского везира, которые и явились доносчиками. Увидели, что и у него ничего нет, и их ложь может открыться. Поэтому описали мои и сына моего Давида деревни, добро всякое, домашнюю обстановку, мужские и женские золотые и серебряные вещи, украшенные драгоценными камнями, стада овец, верблюдов, лошадей и мулов и все, что было. Все это составило сумму в три тысячи туманов и все записали на имя юзбаши, а юзбашевских не было и на сто туманов.

Донесение прислали шаху. Шах не садился на коня, и так как они очень боялись, что сказанная ими шаху неправда откроется, то многих невинных людей мучили по ложной

причине и наговору, а сами брали взятки и совершали несправедливости, за которые посылались проклятья государю.

Я, Парсадан, два года был болен; у меня были попорчены коленные чашечки и без чужой помощи встать не мог, не мог явиться ко двору. Но обо всех тех несправедливостях и насилиях, какие совершили надо мною, я написал прошение матери шаха, но еще не получил ответа. Посмотрим, что свершит бог. Они же, видя, что никто с них не спрашивает, а шах не садится на коня, кто кого одолевал, того и грабил. Служба и родовитость были ни к чему. Эtimaдovле был взяточник и всем, кто ему давал что-нибудь, даже недостойным, дарил высокие должности. Взятки он брал открыто.

Глядя на этимадовле, все придворные также стали брать взятки, а к самому этимадовле относились пренебрежительно и нисколько его не боялись. Потому он и молчал, что слишком уж большой был взяточник. В стране наступил раздор, и некому было наводить порядок при государевом дворе.

PARSADAN GORGIANIDZE

THE HISTORY OF GEORGIA

Translated from Georgian by R. K. KIKNADZE and V. S. PUTURIDZE

Research and index by R. K. KIKNADZE

S u m m a r y

The present is a Russian translation of „The History of Georgia” by Parsadan Gorgijanidze, outstanding Georgian historian and statesman of the 17th century. Brought up by Rostom, King of Kartli P. Gorgijanidze lived in Iran for forty years, occupying high post at the Shah's court. At the same time he contributed to the establishment of cultural relations between Georgia and Iran, in particular in setting in verse the Georgian version of „Shah — namah”; he also compiled a Georgian — Persian — Arabic dictionary and translated to the Georgian „The Book of Moslem laws Jami Abbasi” by Baha ad — Din Muhammad Ali.

„The History of Georgia” by Parsadan Gorgijanidze revived the Georgian historiographic traditions of „Kartlis Tskhovreba” (History of Georgia). In scholarly literature this work is conventionally divided into four parts (I. A. Javakhishvili).

In the First part the narration proceeds from the beginning up to Queen Tamar's reign (1184); it is compiled on the basis of oral and written sources. The second part represents a record of events up to 14th century. It is founded on corresponding works of the old Georgian historical corpus „Kartlis Tskhovreba”. The third part covers the period up to 1636; it amply refers to Persian literature. The events in the fourth part are brought up to 1696; It is written mainly by Gorgijanidze as an eye — witness and contemporary, using various written sources in addition to his own impressions.

In the present work the chronological limits of different parts are defined more precisely: not 1636 but the 1650s — 1660s; not 1696 but 1694. Besides, in this book the importance of some parts of the work is differently evaluated. The use of the above — mentioned parts as a source has never been suggested earlier.